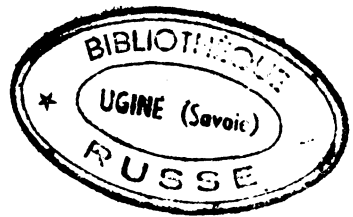

039

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ ТРЕТІЙ.

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1844.

Вильям

88686

JP

v. 3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ноября 25-го дня, 1843 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Визанской Семинаріи Ректоръ

Архимандритъ Филовей.

С Л О В О 35,

ПРОТИВЪ АРІАНЪ И О САМОМЪ СЕБѢ.

Гдѣ же тѣ, которые упрекаютъ насъ за бѣдность и гордятся богатствомъ; признакомъ Церкви поставляютъ многолюдство, и презираютъ малое стадо; измѣряютъ Божество и взвѣшиваютъ людей; высоко цѣнятъ песчинки, и унижаютъ свѣтила; собираютъ въ сокровищницу простые камни, и пренебрегаютъ жемчужины? Они не знаютъ, что не столько песокъ и простые камни обильнѣе звѣздъ и камней самоцвѣтныхъ, сколько послѣдніе чище и драгоцѣннѣе первыхъ. Опять негодуешь, опять вооружаешься, опять оскорбляешь, ты, новая вѣра (а)! Удержи не надолго твои угрозы, дай мнѣ выговорить слово. Мы будемъ не оскорблять, но обличать, не угрожать, но укорять, не поражать, но врачевать. Тебѣ и это кажется оскорбленіемъ? Какое высокомеріе! И здѣсь равночестное дѣлаешь рабомъ (б)? А если нѣтъ, то дай мѣсто моему дерзновенію; ибо и братъ обманутый обличаетъ брата. Хочешь ли, скажу тебѣ

(а) То-есть ученіе Аріанское.

(б) Св. Григорій имѣетъ въ виду тѣхъ, которые Бога Сына и Бога Духа Святаго почитали сотворенными.

то же, что говорилъ Богъ упорному и ожесточенному Израилю: *людіе Мои, что сотворишъ вамъ: или чимъ обидѣхъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ* (Мих. 6, 3.)? Наипаче же къ тебѣ оскорбителю у мѣня слово.

Правда, что мы худо наблюдаемъ другъ у друга обстоятельства каждаго, и расторгнувъ единодушіе разновѣріемъ, едва-ли не болѣе стали безчеловѣчны и жестоки одинъ къ другому, нежели самые варвары, которые нынѣ воюютъ съ нами (в), и которыхъ соединила раздѣляемая нынѣ Троица; не говорю уже, что поражаемъ не чужіе чужихъ, не иноязычные иноязычныхъ (что было бы хотя малымъ утѣшеніемъ въ бѣдствіи); но принадлежащіе почти къ одному дому расхищаемъ, и (если угодно) члены одного тѣла истребляемъ другъ друга, и сами истребляемъ. И не въ этомъ еще все бѣдствіе (хотя и сіе велико), но въ томъ, что убавленіе свое почитаемъ приращеніемъ. Впрочемъ, поелику поставлены мы въ такое положеніе и вѣруемъ, смотря по времени: то сравнимъ между собою наши обстоятельства. Ты представь мнѣ своего царя, а я представляю тебѣ своихъ; ты—Ахаава (г), я—Іосію (д). Ты изобрази мнѣ свою кротость; а я изображаю тебѣ свою дерзость. Лучше же сказать, твоя дерзость повторяется уже устами многихъ и во многихъ книгахъ, которыя и грядущее время, думаю, приметъ какъ безсмертный памятникъ дѣяній; а я скажу тебѣ о своей.

(в) Разумѣется война Импер. Θεодосія съ Готами.

(г) Валента.

(д) Θεодосія.

Какой дерзостно устремляющийся народ навелъ я на тебя? Какихъ вооружилъ воиновъ? Какого поставилъ военачальника, кипящаго гнѣвомъ, превосходящаго дерзостію самихъ повелителей, притомъ не Христіанина, но такого, который бы свои нечестивые съ нами поступки почиталъ приличнымъ для него служеніемъ чтимымъ имъ демонамъ? Держалъ ли я въ осадѣ кого молящагося и воздѣвающаго руки къ Богу? Остановилъ ли звукомъ трубъ какія псалмопѣнія? Смѣшалъ ли у кого таинственную кровь съ кровію, проливаемою убійцами? Заставилъ ли кого духовные вопли замѣнить плачемъ гибельнымъ, и слезы сокрушенія—слезами страданія? Превратилъ ли какой домъ молитвы въ мѣсто погребенія? Предалъ ли какіе священные и неприкосновенные для народа сосуды въ руки беззаконнымъ, или *Навузардану архимагиру* (е) (4 Цар. 25, 15.), или Валтасару, нечестиво упивавшемуся изъ священныхъ чашъ и понесшему наказаніе, достойное его безумія? *Требища возлюбленная*, какъ говоритъ Божественное Писаніе (Ос. 8, 12.), а нынѣ поруганная! Издѣвался ли надъ вами, по нашему наущенію, какой-либо безстыдный юноша, и поющій и представляющій изъ себя срамное? Особенно, поругался ли я чрезъ кого подобнаго надъ великимъ и Божественнымъ таинствомъ? Досточестная каѳедра, сѣдалище и успокоеніе мужей досточестныхъ, перемѣнившая многихъ благочестивыхъ Іереевъ, свыше поучавшихъ Божественнымъ тайнамъ!

(е) Начальнику поваровъ.

Восходилъ ли на тебя какой языческій витія—языкъ лукавый, предающій позору Христіанство? Стыдливость и честность дѣвъ, не терпящая взора мужей, даже и цѣломудренныхъ! Осрамилъ ли тебя кто изъ насъ, предалъ ли поруганію даже скрываемое отъ очей, и доставилъ ли взорамъ нечестивыхъ зрѣлище жалкое и достойное огня содомскаго? Умалчиваю объ убійствахъ, которыя сносѣе срама. Пускали ли мы какихъ звѣрей на тѣла святыхъ (что дѣлали нѣкоторые), выставляя на позоръ человѣческое естество, и обращая въ вину одно то, что не приложились къ ихъ нечестію, не осквернились съ ними общеніемъ, котораго бѣгаемъ, какъ змѣинаго яда, не тѣлу наносящаго вредъ, но очерняющаго глубины души? Кому вмѣняемо было въ преступленіе даже погребать мертвыхъ, которыхъ уважили самые звѣри, — притомъ въ преступленіе, достойное другаго зрѣлища и другихъ звѣрей? Какихъ Епископовъ старческія плоти испещрены были желѣзными когтями, въ присутствіи учениковъ, которые ни чѣмъ кромѣ слезъ не могли помочь, — плоти, распята со Христомъ, побѣдившія своимъ страданіемъ, оросившія народъ драгоцѣнною кровію, и наконецъ преданныя смерти, чтобы со Христомъ спогребстись и прославиться, — со Христомъ, побѣдившимъ міръ посредствомъ таковыхъ закланій и жертвъ? Какихъ Пресвитеровъ дѣлили между собою противоборныя стихіи — огонь и вода, такъ что на морѣ возсталъ необычайный свѣтильникъ, когда они сгарали вмѣстѣ съ кораблемъ, на которомъ плыли? Кого (закрою большую часть нашихъ бѣдствій) обвиняли въ безчеловѣчїи самые начальники, исполнявшіе

такія порученія? Хотя они служили желаніямъ поручившихъ, однако же ненавидѣли жестокость произволенія: одно заставляли дѣлать обстоятельства времени, другое внушалъ разумъ; одно было беззаконіемъ царя, а другое происходило отъ сознанія законовъ, по которымъ надлежало судить. Или упомянуть намъ и о старомъ; потому что и это дѣло того же собратства? Отсѣкалъ ли я руки у кого живаго или мертваго, и лгалъ ли на святыхъ, чтобы клеветою вооружиться противъ Вѣры? Чьи изгнанія перечислялъ я какъ благодѣянія, и оказывалъ ли неуваженіе къ священнымъ соборамъ священныхъ премудрцевъ, ища между ними покорныхъ? Напротивъ, и ихъ содѣлалъ я мучениками, подвергшимися опасности за доброе дѣло. Къ кому изъ мужей, почти безплотныхъ и безкровныхъ, приводилъ блудницъ — я, обвиняемый за нескромность рѣчей? Кого изъ благочестивыхъ, изгнавъ изъ отечества, предалъ я въ руки людей беззаконныхъ, чтобы заключенные, подобно звѣрямъ, въ мрачныя жилища и разлученные другъ съ другомъ (что всего тягостнѣе въ семъ печальномъ событіи) томилась они голодомъ и жаждою, получая скудную пищу и то чрезъ узкія скважины, и не имѣя возможности видѣть страждущихъ вмѣстѣ съ ними? И это терпѣли тѣ, *иже не бѣ достойнъ мѣръ* (Евр. 11, 38.). Такъ чтите вы Вѣру! Такъ принимаете странныхъ! И большей части такихъ дѣлъ вы не знаете? Тому и быть надлежало; потому что и дѣлъ такое множество, и въ совершеніи ихъ столько наслажденія! Но страждущій памятливъ. Для чего говорить мнѣ о чемъ-нибудь отдаленномъ? Нѣкто-

рше своими насиліями превзошли требованія времени, подобно вепрямъ, кидающимся на ограду. Требую вчерашней вашей жертвы, сего старца и подобнаго Аврааму отца, котораго вы, при возвращеніи его изъ изгнанія, встрѣтили камнями среди дня, среди города; а мы (если не оскорбительно для васъ говорить о семь) позаботились о самыхъ убійцахъ, которые подвергались опасности. *О чемъ отъ сихъ милосердъ буду тебѣ*, говоритъ Богъ въ одномъ мѣстѣ Писанія (Іерем. 5, 7.); за что похваляю? или лучше сказать, за какое изъ сихъ дѣлъ увѣнчаю васъ?

Поселику же таковы и такого свойства твои дѣла; то скажи мнѣ и мои неправды, дабы я или устыдился, или пересталъ быть злымъ. Подлинно, всего болѣе желаю вовсе не грѣшить. А если сіе не возможно; сдѣлавъ неправду, желаю возвратиться на истинный путь;—что составляетъ второй отдѣлъ людей благомыслящихъ. Ибо хотя я не *оглазольникъ*, подобно праведнику, *себе самаго въ первословіи* (Притч. 18, 17.); по крайней мѣрѣ радуюсь, когда другій врачуетъ меня.

Говорятъ: у тебя городъ малъ, и не городъ, а пустое, скучное и малолюдное селеніе. Но если это худо, наилучшій, то здѣсь я болѣе пострадалъ, нежели самъ дѣйствовалъ. И ежели терплю не по своей волѣ, то я несчастенъ (пусть это будетъ сказано); а ежели терплю добровольно, то я философъ. Что жъ это за обвиненіе; ежели никто не порицаетъ дельфина за то, что живетъ не на сушѣ, и вола за то, что водится не въ морѣ, и угря за то, что онъ

животное земноводное? — А у насъ, говоришь, есть стѣны, и зрѣлища, и конскія ристалища и царскіе дворцы, красота и величіе портиковъ, этотъ невѣроятный трудъ — подземная и воздушная рѣка (ж), столько блистательный и знаменитый столпъ (з), многолюдное торжище, долнующійся народъ, похвailable собраніе мужей благородныхъ. Но почему не говоришь о выгодахъ мѣстоположенія, о томъ, что суша и море какъ-бы спорятъ другъ съ другомъ, кому изъ нихъ болѣе принадлежитъ городъ, и своими дарами обогащаютъ сего царя городовъ? И такъ въ томъ наша неправда, что вы велики и славны, а мы низки и пришли отъ низкихъ? Въ этомъ и многіе неправы предъ вами, или лучше сказать, всѣ, которыхъ вы превосходите. И надобно предать насъ смерти за то, что не построили города, не обнесли стѣнами, не хвалимся ни конскими ристалищами, ни борьбами, ни псовою охотою, ни бѣшеною страстію ко всему этому, ни прихотливостію и великолѣпіемъ бань, ни драгоценностію мраморовъ, ни картинами, ни златоблестящими и разнообразными насѣчками, едва не уподобляющимися самой природѣ? Мы не разсѣкали у

(ж) Здѣсь разумется, по замѣчанію Илія, водопроводъ, устроенный Валентомъ, и проходящій по мѣстамъ подъ землею, по мѣстамъ же поддерживаемый на воздухъ арками. *Ducang. Const. Chv. L. 1. p. 18.*

(з) По замѣчанію Илія, разумется здѣсь тотъ столпъ, на которомъ помѣщалась конная статуя Константина Великаго, которую называютъ *αὐθίλιον*.

себя моря (и), не смѣшивали времянь года, чтобы жизнь свою содѣлать пріятнѣйшею и безопаснѣйшею; а ты — новый творецъ, вѣрно самъ это содѣлалъ! Присовокупи, если угодно, и другія обвиненія, — ты, который говоришь словами Божиими: *мое есть серебро, и мое есть злато* (Агг. 2, 9.). Мы не высоко думаемъ о богатствѣ, къ которому, *еще течетъ*, законъ нашъ повелѣваетъ не *прилагаться* (Пс. 61, 11.); не высчитываемъ у себя годовыхъ и ежедневныхъ доходовъ; не тщеславимся грузомъ стола и приправами для безчувственного чрева; ибо не хвалимъ всего того, что, будучи принято гортанью, дѣлается равночестнымъ, или, лучше сказать, равно нечестнымъ и извергаемымъ; но живемъ просто, не запасаяся на завтрашній день, мало чѣмъ различаясь отъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ ни сосудовъ, ни запасовъ. Или будешь ставить мнѣ въ вину истертую мою одежду и некрасивый складъ лица? Ибо вижу, что и такими вещами превозносятся люди очень низкіе. Но ты не коснешься головы, и не обратишь вниманія на то, что дѣти замѣтили у Елисея (умолчу о послѣдующемъ). Не станешь винить меня за необразованность, или за то, что произношеніе мое кажется тебѣ жесткимъ и грубымъ. А во что поставишь, что я не говорливъ, не забавень, не могу понравиться тѣмъ, съ которыми бываю вмѣстѣ, не посѣщаю народныхъ собраній, не умѣю повести разговоръ и перекинуть слово, съ кѣмъ случится, и какъ случится, такъ что и рѣчи

(и) Здѣсь намекъ на то, что Константинопольскимъ мысомъ море какъ-бы разсѣкается на двѣ части.

мой несносны, не бываю въ новомъ Иерусалимѣ, въ Зевксиппѣ (i), не хожу изъ дома въ домъ ласкательствовать и насыщать чрево; но больше сижу у себя дома угрюмый и печальный, въ безмолвіи занимаюсь самимъ собою — искреннимъ судіею дѣлъ и можетъ-быть достойнымъ узъ за то, что бесполезенъ? Какъ бы тебѣ простить меня за все это и не винить? О, ты еще благосклоненъ и человѣколюбивъ!

А я веду себя по старинѣ и по-философски, такъ что по мнѣ одно небо, и оно для всѣхъ; а также почитаю общими для всѣхъ: обращеніе солнца и луны, и порядокъ и расположеніе звѣздъ, уравненность и благопотребность дня и ночи, и еще: преемство годовыхъ временъ, дожди, плоды, животворную силу воздуха; думаю, что для всѣхъ равно текутъ рѣки, это общее и независтное богатство; что земля одна и таже, что она наша мать и нашъ гробъ, что изъ нея мы вышли, и въ нее возвратимся, не имѣя въ томъ никакого преимущества другъ предъ другомъ. А что еще важнѣе, признаю общими: разумъ, Законъ, Пророковъ, и самыя страданія Христовы, чрезъ которыя возсозданы мы. Не говорю: одинъ возсозданъ, другій же нѣтъ; но всѣ мы,

(i) Елена, по Никифору (Lib. 8, с. 30.), въ Константинополь построила прекрасный храмъ и назвала его новымъ Иерусалимомъ. А Зевксиппомъ назывались публичныя, знаменитыя и обширныя бани. Ducang. Constantinop. Chr. L. 1, p. 88. Зевксиппъ съ великимъ усердіемъ посещаемъ былъ жителями Константинополя. А Илія замѣчаетъ, что, по некоторымъ преданіямъ, въ Зевксиппѣ было мѣсто собранія еретиковъ; а потому догадывается, что Св. Бггословъ самый Зевксиппъ иронически называетъ новымъ Иерусалимомъ.

участвовавшіе въ томъ же Адамѣ, и зміемъ оболъщены, и грѣхомъ умерщвлены, и спасены Адамомъ небеснымъ, и къ древу жизни, отъ котораго отпали, возведены дровомъ безчестія.

А меня вводилъ въ заблужденіе Самуиловъ Армаеѣмъ (1 Цар. 1, 1.) — это малое отечество великаго, вводилъ тѣмъ, что не обезчестилъ собою Пророка, и сталъ знаменитымъ не столько самъ по себѣ, сколько чрезъ него, не послужилъ ему препятствіемъ и быть посвященнымъ Богу до рожденія, и пророчествовать, провидя *яже напереди* (Ис. 41, 26.), даже не сіе одно, но помазывать царей и священниковъ и судить тѣхъ, которые происходили изъ знатныхъ городовъ. О Саулѣ же слышалъ я (1 Цар. 9.), что онъ, ища ословъ отца своего, нашель царство. И самъ Давидъ берется отъ стада овецъ, и пасеть Израиля (1 Цар. 16.). А что Амось? Не тогда ли ввѣряется ему пророческое служеніе, когда *пастырь бѣ, ягодичія обирая* (Ам. 7, 14.)? Какъ же не упомянулъ я объ Іосифѣ, который былъ рабомъ и раздавателемъ хлѣба въ Египтѣ и отцемъ многихъ тысячъ, обѣтованныхъ Аврааму? Да и Авраамъ (скажу важнѣйшее) не пресельникъ ли былъ? Моисей не былъ ли сперва брошень; а потомъ не сдѣлался ли законодателемъ и вождемъ поспѣшавшихъ въ землю обѣтованія; и сказанія его не велики ли и не чудны ли? Приводили меня въ заблужденіе и Кармиль Илиинъ, предшествовавшій огненной колесницѣ, и милоть Елиссеева, имѣвшая болѣе силы, нежели шелковыя нити и золото, насильственно обращенное въ одежду. Приводили меня въ заблужденіе и пустыня Іоаннова, вмѣщавшая въ себѣ

большаго въ рожденныхъ женами, а вмѣстѣ и его нища, поясъ и одежда. Я дерзалъ на нѣчто и большее; самаго Бога находилъ защитникомъ моего убожества. Меня поставятъ на ряду съ Виелеемомъ, обезчестятъ на ряду съ яслими; что жъ удивительнаго, если ты, безчестящій Бога за ясли, по той же причинѣ презираешь и проповѣдника? Представлю въ примѣръ и рыбаей, и нищихъ благовѣствующихъ, предпочтенныхъ многимъ богатымъ. Ужели не перестанешь когда-нибудь гордиться городами? не уважишь когда-нибудь презрѣнную для тебя и безчестную пустыню? Не говорю о томъ, что и золото родится въ песокъ, что и драгоценные камни суть произведеніе и даръ камней простыхъ. А если бы имъ противоположилъ я то, что и въ городахъ есть безчестнаго; то можетъ-быть не на добро воспользовался бы свободою слова.

Но у насъ проповѣдникъ чужеземный и пришлый, скажетъ, можетъ-быть, кто-нибудь изъ людей слишкомъ ограниченныхъ и плотолюбцевъ. Что жъ Апостолы? развѣ не чужеземцы были для многихъ народовъ и городовъ, по которымъ они раздѣлились, чтобы повсюду пронеслось Евангеліе, чтобы все было озарено Троичнымъ Свѣтомъ, просвѣщено истинною, такъ чтобы и для сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной разсѣлся мракъ невѣдѣнія? Сказано: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. 2, 9). Слышишь, это говоритъ Павелъ! Пусть Петру Иудея; что жъ общаго у Павла съ язычниками, у Луки съ Ахаіею, у Андрея съ Епиромъ, у Іоанна съ Ефесомъ, у Томи съ Индіею, у Марка съ Италіею, — что у всѣхъ (не говоря о каждомъ порознь) общаго съ

тѣми, къ которымъ они ходили проповѣдовать? Посему, или и ихъ укори, или и мнѣ не ставь въ вину, или докажи, что ты, стоя за истинное ученіе, оклеветанъ напрасно. Но поелику доселѣ разсуждалъ я съ тобою о семъ просто; то полюбомудрствую и возвышеннѣе.

У всѣхъ высокихъ, о человѣкъ! одно отечество — горній Іерусалимъ, въ которомъ сокрыто житіе наше. У всѣхъ одинъ родъ, и если угодно смотрѣть на дальнее, — это персть, а если на высшее, — это дыханіе, котораго стали мы причастниками, которое заповѣдано намъ хранить, и съ которымъ должно предстать на судъ и дать отчетъ въ соблюденіи горняго нашего благородства и образа. Посему всякій благородень, кто соблюлъ сіе дыханіе добродѣтели и стремленіемъ къ Первообразу; и всякой не благородень, кто осквернилъ оное порокомъ и принялъ на себя чуждый образъ — образъ змія. Дольнія же сіи отечества и породы суть только забава привременной нашей жизни и лицедейства. Ибо и отечествомъ именуется то, что каждый предвосхитилъ или насиліемъ, или собственнымъ бѣдствіемъ, и гдѣ всѣ одинаково странники и пришельцы, сколько бы мы ни играли названіями; и благороднымъ родомъ называется или издавна богатый, или недавно разбогатѣвшій, напротивъ неблагороднымъ — который ведетъ начало отъ родителей, или по несчастію, или по любви къ справедливости, бѣдныхъ. Ибо можно ли назвать издревле благороднымъ, что частію начинается нынѣ, а частію разрушается, и однимъ не дается, а другимъ приписывается? Такъ я объ этомъ разсуждаю. И потому

предоставляю тебѣ высоко думать о гробахъ и басняхъ; а самъ попытаюсь, сколько могу, освободиться отъ оболщениа, чтобы или возвратить, или сохранить благородство.

Въ такихъ-то мысляхъ и по такимъ-то причинамъ пришелъ къ вамъ я — человекъ малый, имѣющій незнатное отечество, и пришелъ не по своей волѣ, не по собственному вызову, какъ многіе нынѣ рвутся въ предстоятели, но призванный, принужденный и покорившійся страху и Духу. И если слово мое лживо; то пусть еще долѣе сражаюсь здѣсь напрасно, и никого не выведу изъ заблужденія, а напротивъ того пусть исполнится желаніе тѣхъ, которые молятъ безчадія душъ моей! Но послѣ того какъ пришелъ я сюда, и можетъ-быть не съ властію ничего незначащею (похваляюсь нѣсколько и дѣлами неразумія); подражалъ ли я кому изъ ненасытныхъ? ревновалъ ли о чемъ временномъ, хотя и имѣлъ предъ собою такіе примѣры, хотя и безъ примѣровъ не быть худымъ дѣло трудное и рѣдкое? Входили ли мы съ вами въ споръ о какихъ церквахъ, о какихъ сокровищахъ, хотя вы богаты тѣми и другими сверхъ нужды, а мы тѣмъ и другимъ скудны? Стояли ли мы съ ревностію за какой-нибудь нарушенный царскій указъ? Угождали ли какимъ начальникамъ, чтобы обратить ихъ противъ васъ? Обнаружили ли чью дерзость?

А что сдѣлано противъ меня? *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. 7, 60.), и тогда (к)

(к) Св. Григорій намекаетъ на покушенія еретиковъ противъ его жизни, о которыхъ смотри Прибавл. къ Твор. Св. Отц. Ч. 1. стр. 50.

говорилъ я, кстати вспомнивъ слова Стефана, и нынѣ молюсь. *Укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, молимъ* (1 Кор. 4, 12). А если несправедливъ я предъ вами въ томъ, что, видя себѣ насилія, терплю; то простите мнѣ сію несправедливость; и отъ другихъ терпѣлъ я, когда мнѣ дѣлали насилія. Благодарю, что кротость вмѣнена мнѣ въ безуміе! Ибо гораздо возвышеннѣе, нежели какъ надлежало бы разсуждать, подражая вамъ, разсуждаю я такъ: что составитъ сіе въ сравненіи съ тѣми заплеваніями и заушеніями, какія претерпѣлъ Христосъ, за Котораго и для Котораго подвергаемся опасностямъ? Всего этого не сравню съ однимъ — съ терновымъ вѣнцемъ, увѣнчавшимъ нашего Побѣдителя, у Котораго и я учусь вѣнчаться скорбями жизни; не сравню съ одной тростію, которою прекращено изветшавшее владычество; не сравню съ одной желчію, съ однимъ оцтомъ, которыми уврачевано горькое вкушеніе; не сравню съ однимъ долготерпѣніемъ въ страданіи. Предается ли Онъ лобзаніемъ; обличаетъ, но не поражаетъ. Поемлется ли внезапно; укоряетъ, но слѣдуетъ. Если по ревности усѣчешь ухо Малху; вознегодуетъ, и исцѣлитъ. Если кто убѣжитъ въ одной плащаницѣ (Марк. 14, 51); покроетъ. Если попросишь низвести содомскій огонь на ведущихъ Иисуса; не низведетъ. Если Онъ приметъ разбойника повѣшеннаго за злодѣяніе; то введетъ его въ рай по благости. У Человѣколюбца да будетъ все человѣколюбиво! а то же и въ страданіяхъ Христовыхъ! Чѣмъ же еще воздадимъ за сіи страданія, ежели и тогда, какъ Богъ за насъ умеръ, — сами не простимъ подобному намъ и малости?

Сверхъ сего я размышлялъ, и размышляю еще, о томъ (смотрите, не весьма ли это справедливо?), о чемъ неоднократно уже съ вами любомудрствовалъ. Они имѣютъ у себя дома, а мы Живущаго въ домахъ; у нихъ есть храмы, а у насъ Богъ, и мы сами чрезъ поклоняемую Троицу можемъ содѣлаться живыми храмами живаго Бога, одушевленными жертвами, разумными всесоженіями, совершенными приношеніями и богами. У нихъ народы; у насъ Ангелы; у нихъ дерзость, у насъ вѣра; они угрожаютъ, мы молимся; они низлагаютъ, мы терпимъ; у нихъ золото и серебро, у насъ очищенное ученіе. Ты построилъ себѣ домъ въ два и въ три жилья (припомни слова Писанія: *домъ широкій со отверстыми окнами*, Іер. 22, 14); но онъ не выше моей вѣры и тѣхъ небесъ, къ которымъ стремлюсь. Мало у меня стадо? но не носится по стремнинамъ! Тѣсна у меня ограда? впрочемъ непрístupна волкамъ, не впуститъ внутрь себя разбойника, чрезъ нее не перейдутъ ни тати, ни чужіе. Хорошо знаю, что увижу ее нѣкогда и болѣе обширною, что и изъ тѣхъ, которые нынѣ волками, надобно мнѣ будетъ многихъ причислить къ овцамъ, а можетъ-быть и къ пастырямъ. Сіе благовѣствуетъ мнѣ Пастырь добрый, для Котораго полагаю я душу свою за овецъ. Не боюсь я малочисленности стада; потому что его удобнѣе обзрѣвать; я знаю своихъ, и свои меня знаютъ. Они знаютъ Бога, и знаемы Богомъ. Овцы мои слушаютъ моего голоса, который самъ я выслушалъ въ Божіемъ словѣ, которому научился у Св. Отцевъ, которому училъ равно во всякое время, не соображаясь съ обстоятельствами, и не престану учить; съ

которымъ я родился, и отойду. Сихъ овецъ называю я по имени (потому что онѣ не безыменны, какъ и звѣзды, которыя, если имѣють свой счетъ, то имѣють и свои имена); и онѣ слѣдуютъ за мною; потому что воспитываю ихъ на водѣ упокоенія (Пс. 22, 2); онѣ слѣдуютъ и за всякимъ подобнымъ пастыремъ (видите, съ какою пріятностію слушали голосъ его); но не послѣдуютъ за пастыремъ чуждымъ, и убѣгутъ отъ него; потому что имѣють уже навыкъ — отличать знакомый голосъ отъ чужаго. Онѣ убѣгутъ отъ Валентинова сѣченія Единаго на два, вѣруя, что Творецъ и Благій не два Существа; также отъ Глубины и Молчанія и отъ баснословныхъ эоновъ, дѣйствительно достойныхъ глубины и молчанія; убѣгутъ отъ Маркіонова Бога изъ стихій и числъ, отъ Монтанова злаго и женскаго духа, отъ Манесова вещества и Манесовой тмы; отъ Наватова высокоумія и Наватовой чистоты, заключающейся въ однихъ словахъ, отъ Савелліева разложенія и сліянія, или, такъ сказать, поглощенія, въ которомъ Три собираются во Едино, но Единое не опредѣляется въ трехъ вѣпостасныхъ; отъ Аріева и Аріевыми послѣдователями вводимаго отчужденія естествовъ, и отъ новаго Іудейства, ограничивающаго Божество однимъ нерожденнымъ; отъ Фотинова дошняго и начавшагося отъ Маріи Христа. Но онѣ будутъ поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу — единому Божеству; — Богу Отцу, Богу Сыну, Богу (если не огорчишься) Духу Святому, единому Естеству въ трехъ Личностяхъ: разумныхъ, совершенныхъ, самостоятельныхъ, и раздѣльныхъ по числу, но не по Божеству. Сіи реченія да уступитъ

миѣ всякой угрожающей нынѣ, а другія пусть присвоаетъ себѣ, кто хочетъ. Отецъ не потерпитъ, чтобъ Его лишили Сына, ни Сынъ, чтобы Его лишили Святаго Духа; но лишаются, ежели Сынъ, или Духъ, есть во времени и тварь; ибо сотворенное не Богъ.

И я не терплю, чтобы лишали меня совершенія (а): *Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (Еф. 4, 5.). Ежели отнимется у меня это крещеніе; отъ кого получу второе? Что говорите вы потопляющіе, или перекрещивающіе? Можно ли быть духовнымъ безъ Духа? причастенъ ли Духа не чтущій Духа? и чтеть ли Духа крестящійся въ тварь и сораба? Нѣтъ; и ты не скажешь такъ много. Не солгу Тебѣ, Отче Безначальный! не солгу Тебѣ, Сыне Единородный! не солгу Тебѣ, Душе Святой! Знаю, Кого я исповѣдалъ, отъ кого отрекся, съ Кѣмъ сочетался: и не согласенъ, послѣ того какъ узналъ реченія вѣрнаго, учиться у невѣрныхъ, и послѣ того какъ исповѣдалъ истину, прилагаться ко лжи, сходить въ купель для совершенія, и выходить болѣе несовершеннымъ, приступать ко крещенію водою для оживотворенія, и стать подобнымъ младенцу, который умираетъ въ минуту матернаго разрѣшенія, такъ что его рожденію сопутствуетъ смерть. Для чего ты дѣлаешь меня чрезъ одно и то же блаженнымъ и несчастнымъ? новопросвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ? божественнымъ и вмѣстѣ безбожнымъ? Не для того ли, чтобъ потерпѣла крушеніе моя надежда возсозданія? Кратко сказать: вспомни исповѣданіе! Въ кого ты крестил-

(а) Крещенія.

ся? Въ Отца? — Хорошо! однако же это Иудейское. Въ Сына? — Хорошо! это уже не Иудейское, но еще не совершенно. Въ Духа Святаго? — Прекрасно! это совершенно. Но просто ли въ Нихъ ты крестился, или и въ общее Ихъ имя? — Да, и въ общее имя! Какое же это имя? — Безъ сомнѣнiя, имя Бога.

Въ сіе-то общее имя вѣруй, *успѣвай и царствуй* (Пс. 44, 5), и прейдешь отсюда въ тамошнее блаженство, которое, по моему разумѣнiю, есть совершеннѣйшее познание Отца, Сына и Св. Духа, и въ которое да достигнемъ и мы, о самомъ Христѣ, Богѣ нашемъ. Ему слава и держава съ безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 34,

КЪ ПРИШЕДШИМЪ ИЗЪ ЕГИПТА.

Скажу привѣтствіе приходшимъ изъ Египта (что будетъ и справедливо, потому что они собрались охотно, преодолевъ зависть ревностію), приходшимъ изъ того Египта, который обогащаетъ, правда, и рѣка (выражусь и самъ, подражая нѣсколько щедрымъ на выраженія такого рода, рѣка дождающая изъ земли, какъ море наводняющая окрестности, но болѣе обогащаетъ Христосъ мой, прежде бѣжавшій въ Египетъ, а нынѣ снабждающій изъ Египта; тогда бѣжавшій отъ Иродова дѣтоубійства, а нынѣ снабждающій по чадолюбію отцевъ, — Христосъ, новая пища для прекрасно алчущихъ, пшеница раздаваемая щедрѣе, нежели когда-нибудь по извѣстнымъ и достовѣрнымъ сказаніямъ Исторіи, *хлѣбъ сходяй съ небесе и давай животъ міру* негибнущій и нескончаемый (Іоан. 6, 33). О Немъ (какъ и теперъ кажется, слышу) говоритъ Отецъ: *изъ Египта воззвахъ Сына Моего* (Осіи 11, 1.). *Отъ васъ бо промчеса слово* (1 Сол. 1, 8) ко всѣмъ людямъ, здраво исповѣдуемое и проповѣдуемое; вы лучшіе плододѣатели изъ всѣхъ, особливо нынѣ право вѣрующихъ, сколько знаю я, не любитель только, но и раздая-

тель такой пищи, и раздаватель не въ одномъ своемъ отечествѣ, но уже и за предѣлами онаго. Какъ тѣлесно питаете вы народы и города, на какіе только простирается ваше человѣколюбіе: такъ духовно питаете не одинъ народъ, и не тотъ или другой городъ, занимающій небольшое пространство, хотя и почитаемый очень знаменитымъ, но едва не цѣлую вселенную; утоляете *не гладъ хлѣба, не жажду воды*, въ чемъ и голодь терпѣть не важно, и не терпѣть удобно, *но гладъ слышанія слова Господня* (Мих. 8, 11.), который и терпѣть весьма бѣдственно, и утолять въ настоящее время трудно; ибо беззаконіе умножилось, и не много нахожу людей дѣйствительно врачующихъ оное.

Таковъ Іосифъ — вашъ, а можно сказать, и нашъ житомѣръ, который по преизбытку мудрости умѣлъ и предвидѣть голодь, и помочь въ голодь домо-строительными распоряженіями, посредствомъ красивыхъ и тучныхъ кравъ врачуя безобразныхъ и тощихъ. А подъ именемъ Іосифа разумѣй, кого хочешь, или соименнаго безсмертію, любителя и зиждителя безсмертія (а), или преемника его престола, ученія и сѣдины, новаго нашего Петра — Петра столько же по добродѣтели, сколько и по имени. Ими посѣчена и сокрушена самая середина, хотя она и оказываетъ еще малыя и слабыя трепетанія жизни, подобно хвосту разсѣченнаго змія. Одинъ изъ нихъ, въ старости доброй разрѣшившись отъ жизни, послѣ многихъ бореній и подвиговъ, изъ горняго міра (въ семъ совершенно я увѣренъ) призираетъ нынѣ на

(а) Св. Аванасій.

дѣла наши, и подвизающимся за доброе простираетъ руку помощи, тѣмъ удобнѣе, что онъ свободенъ отъ узъ. Другой поспѣшаетъ къ таковому же разрѣшенію, или освобожденію, и послѣ такихъ же подвиговъ; и хотя близокъ уже къ горнимъ, однако же въ такой еще мѣрѣ не отрѣшился отъ плоти, что можетъ оказать послѣднюю помощь слову и собрать обильнѣйшее напутіе для вступленія въ путь. Вы питомцы и порожденія сихъ великихъ и наставниковъ, и подвижниковъ истины, и побѣдителей, которыхъ ни время, ни властелинъ, ни слово, ни зависть, ни страхъ, ни обвинитель, ни клеветникъ, ни явный врагъ, ни тайный навѣтникъ, ни кажущійся нашимъ, ни чужой, ни золото — сей невидимо дѣйствующій мучитель, которымъ многое нынѣ бываетъ разбросано и переставлено, ни ласки, ни угрозы, ни изгнанія и продолжительныя и многократныя (одному лишенію имущества не могли они подвергнуться по причинѣ великаго богатства — нестяжательности), наконецъ ни все прочее, и отсутствующее, и настоящее, и ожидаемое, не подвигло и не убѣдило сдѣлаться худшими, измѣнить въ чемъ-нибудь Троицѣ и повредить ученіе о Божествѣ. Напротивъ того они укрѣплялись опасностями, болѣе и болѣе ревновали о благочестіи. Таково страдать за Христа — это усиливаетъ любовь, и для мужей высокаго духа служить какъ-бы залогомъ послѣдующихъ подвиговъ!

Таковы нынѣ повѣствованія и чудеса твои, Египеть! — Но ты восхваляя мнѣ козловъ Мендисійскихъ, и Мемфискаго Аписа — какого-то упитаннаго и великорослаго тельца, и тайнства Изиды, и растерзаніе Озириса, и почтеннаго твоего Сераписа —

дерево, которому по баснословію, по древности и по безумію кланяющихся, кланялись какъ неизвѣстному и небесному веществу, но все же какъ веществу, хотя ложь и взята была въ помощь. Ты восхвалялъ также (что и еще срамнѣе) многоразличныя изображенія морскихъ чудовищъ и пресмыкающихся. Но надъ всѣмъ симъ восторжествовала Христосъ, восторжествовали Христовы проповѣдники, какъ другіе, въ другія времена, и каждый самъ по себѣ, просіявшіе, такъ и помянутые теперъ отцы, чрезъ которыхъ ты, удивительная страна, стала нынѣ извѣстнѣе, нежели всѣ прочія страны, прославленныя всѣми и древними и новыми повѣствованіями.

Посему, объеблю и привѣтствую тебя, лучшій изъ народовъ, народъ христіолюбивѣйшій, пламеняющій благочестіемъ, достойный вождей своихъ! Ничего не могу болѣе сказать, и ничего другаго не имѣю, чтобъ предложить вамъ въ угощеніе. И хотя не многое предлагаю устами, однакожъ многое храню для васъ въ сердечномъ расположеніи. Народъ мой! ибо своимъ называю народъ единомысленный и единовѣрный, учившійся у тѣхъ же отцевъ, поклоняющійся той же Троицѣ. Народъ мой! ибо дѣйствительно мой, хотя не нравится сіе завистникамъ; и пусть еще болѣе терзаются страждущіе симъ недугомъ! Вотъ я даю десницу общенія при столькихъ свидѣтеляхъ, видимыхъ и невидимыхъ, и древнюю клевету отражаю новою благорасположенностію. Народъ мой! ибо дѣйствительно мой, хотя и присвою себѣ народъ весьма великій — я, человекъ самомалѣйшій: ибо такова благодать Духа — единомысленныхъ дѣ-

лаеть равночестными! Народъ мой! ибо дѣйстви-
 тельно мой, хотя и отдаленъ отъ меня; потому что
 мы сопряжены божественно, иначе, нежели существа
 грубмя. Тѣла сопрягаются мѣстомъ, а души сочета-
 ваются духомъ. Народъ мой, котораго любомудріе
 прежде состояло въ томъ, чтобы страдать за Хри-
 ста, а нынѣ должно состоять, если послушаешь меня,
 въ томъ, чтобы не дѣйствовать, а считать достаточ-
 нымъ приобрѣтениемъ одну власть дѣйствовать, и
 признавать служениемъ Христу, какъ въ прежнія
 времена терпѣніе, такъ въ настоящія — праводушіе!
 Народъ, которому *устави Господь добро сотвори-
 ти, якоже озлобити* противныхъ (Зах. 8, 14. 15.)!
 Народъ, котораго *избра Себѣ Господь* изъ всѣхъ
 Имъ призванныхъ (Пс. 134, 4.)! Народъ, написан-
 ный на рукахъ Господнихъ (Ис. 49, 16.), которому
 Господь говоритъ: *ты воля Моя* (Ис. 62, 4.), *врата*
твоя хвала (Ис. 60, 18.), и что еще сказано спасаемымъ!
 Народъ! не дивитесь моеѣ неумѣренности,
 ежели многократно обращаюсь къ вамъ; я услаждаюсь
 непрестаннымъ повторениемъ вашего имени, какъ
 другіе безъ мѣры предающіеся разсматриванію или
 слушанію. Но народъ Божій и нашъ! Хотя прекрасно
 было и недавнее ваше торжество, какое совершили
 вы на морѣ; и не знаю, возможно ли зрѣлище
 пріятнѣе того, когда видѣлъ я море, покрытое дре-
 вами и рукотворенною тучею, видѣлъ красоту и
 быстроту кораблей, какъ-бы для торжества снаря-
 женныхъ, и легкой вѣтеръ, который, дуя въ кормы,
 какъ-бы нарочно сопровождаетъ и препосылаетъ къ
 столицѣ сей плывучій городъ: однако же видимое
 нынѣ и прекраснѣе и величественнѣе! Вы не вмѣ-

шались въ народную толпу, не стали измѣрять благочестія многочисленностію, не согласились походить болѣе на мятежную чернь, нежели на Божій народъ, очищенный словомъ; напротивъ того, воздавъ, сколько слѣдовало, *кесарева кесареви*, восписали *Божія Богови* (Матѳ. 22, 21.), — кесарю — дань, а Богу — страхъ; и напитавъ народъ своими избытками, сами пришли питаться отъ насъ.

Ибо и мы раздаемъ пшеницу; и наше раздаяніе, можетъ-быть, не хуже вашего. *Приидите, ядите мой хлѣбъ, и пейте вино, еже растворихъ вамъ, вмѣстѣ съ премудростію* призываю васъ къ своей трапезѣ (Прит. 9, 5.). Хвалю ваше чистосердечіе, и встрѣчаю усердіемъ; потому что, пришедши къ подобному, вы взошли какъ-бы въ собственную пристань, почтили сродство Вѣры, и признали неприличнымъ, когда ругающіеся надъ горнимъ единомысленны и согласны между собою, и думаютъ частные свои недостатки исправить согласіемъ цѣлаго, подобно какъ тонкія верьви дѣлаются крѣпкими, будучи сплетены вмѣстѣ, — признали, говорю, неприличнымъ для себя не знать сего и не вступить въ союзъ съ единомысленными, что гораздо приличнѣе вамъ; потому что исповѣдуемъ мы единство и въ Божествѣ. И дабы знали вы, что пришли къ намъ не напрасно, что вступили не къ чужимъ и иноземнымъ, но къ своимъ, и что прекрасно поуте-водствовалъ васъ Духъ, полюбомудрствуемъ съ вами кратко о Богѣ. Узнайте, что мы ваши, какъ распознаютъ своихъ по клеймамъ оружій.

Два главнѣйшія различія нахожу въ существахъ: господство и рабство; не то господство и рабство,

которыя у насъ или насиліе разграничило, или бѣдность разъединила, но которыя различены естественомъ (если кому угодно назвать такъ; ибо Первое выше и естества). И одно есть что-то творческое, начальственное и неподвижное; а другое есть нѣчто сотворенное, подчиненное и разрушаемое, и еще короче сказать: Одно выше времени, другое подъ временемъ. Господство именуется Богомъ, хотя состоятъ въ Трехъ высочайшихъ: Виновникъ, Зиждигительъ и Совершитель, то-есть, Отцъ, Сынъ и Св. Духъ. Сии Три не такъ разъединены между Собою, чтобы дѣлились по естеству, и не такъ сжаты, чтобы включались въ одномъ Лицѣ (первому учить Аріанское буйство, а послѣднему—Савелліево безбожіе); напротивъ того Они и единичіе вовсе раздѣленныхъ, и множественіе совершенно единичныхъ. А рабство при насъ, и называется тварію, хотя одна тварь превосходитъ другую, по мѣрѣ близости къ Богу.

Но если такъ; то всякій, чье сердце обращено ко Господу, да соединится съ нами, и поклонимся единому въ Троицѣ Божеству, не присвоивъ неприступной Славѣ никакого унижительнаго имени, но всегда имѣя въ гортани возношенія (Пс. 149, 6.) одинаго въ Троицѣ Бога. Ибо какъ приписать что-либо унижительное такому Естеству, величіе Котораго, по безпредѣльности и безконечности, не можетъ быть изречено собственнымъ именемъ? А кто отчужденъ отъ Бога, и потому единую Сущность, Которая превыше всего сущаго, разсѣкаетъ на неравенство естествъ, въ-разсужденіи того удивительно, если не будетъ разсѣченъ онъ мечемъ, и часть

его съ невѣрными не положится (Лук. 12, 46.); удивительно, если не будетъ пожать имъ худый плодъ лукаваго мудрованія, и нынѣ, и въ послѣдствіи.

Но нужно ли что говорить объ Отцѣ, Котораго не касаются, по общему согласію, всѣ водящіеся естественнымъ смысломъ; хотя Онъ первый и въ первый разъ понесъ поруганіе, когда старыми нововводителями раздѣляемъ былъ на Благаго и Зикдителя? А о Сынѣ и о Св. Духѣ смотрите, какъ просто и кратко будемъ разсуждать.

Если бы кто сказалъ, что въ Сынѣ и въ Духѣ есть нѣчто превращаемое, или измѣняемое, или относительно ко времени, мѣсту, силѣ и дѣйствию измѣряемое, или не по естеству благое, или не самодовольное, или не свободное, или служебное, или пѣснословящее, или пристрашное, или освобожденное, или несочисляемое (б): то пусть докажетъ сіе, и мы удовольствуемся, славясь честію сорабовъ, хотя и понесемъ ущербъ, лишась Бога (в). Если же Сыну принадлежитъ все, что имѣетъ Отецъ, кромѣ виновности; и все принадлежащее Сыну принадлежитъ Духу, кромѣ сыновства и того, что говорится о Сынѣ тѣлообразно, ради моего человѣка и моего спасенія (ибо Онъ принялъ мое, чтобъ чрезъ сіе новое сраствореніе даровать мнѣ Свое): то пере-

(б) То-есть съ Отцемъ.

(в) То-есть Бога Сына, или Бога Духа, когда будетъ доказано, что который-либо изъ Нихъ не есть Богъ, равный Богу Отцу.

станьте, хотя поздно, безумствовать вы, изобрѣтатели суетныхъ реченій, которыя сами собою распадутся! И вскую умираете, доме Израилевъ, (Иезек. 18, 31.)! оплакивать васъ буду словами Писанія.

А я, сколько благоговѣю предъ многочисленными, такъ высокими и великими наименованіями Слова, которыхъ стыдились и демоны; столько благоговѣю и предъ равночестіемъ Духа, страшусь же угрозы, опредѣленной хулящимъ Его. А хула — не богословствованіе, но отчужденіе отъ Божества; и должно замѣтить, что хулимъ былъ Господь, отмщеніе же возвѣщено за Духа Святаго, очевидно, какъ за Господа.

Не хочу быть непросвѣщеннымъ по просвѣщеніи, извращая понятіе объ Одномъ изъ Трехъ, въ Которыхъ я крестился, и дѣйствительно погребстись въ водѣ, крестясь не для возрожденія, но для умерщвленія. Дерзну сказать нѣчто, о Троица! (Прости моему безумію, потому что въ опасности моя душа!) Я и самъ образъ горней славы Божіей, хотя и поставленъ долу; потому не вѣрю возможности спастись чрезъ равночестнаго мнѣ. Если Духъ Святой не Богъ; то пусть прежде самъ содѣлается Богомъ, и тогда уже обожить меня — Ему равночестнаго. А теперь какой обманъ въ благодати, или лучше сказать, въ дающихъ благодать — вѣровать въ Бога, и пойдти безбожнымъ! одно исповѣдывать, другому научаться! Какія соплетенія словъ, какія обольщенія, вопросомъ объ одномъ и исповѣданіемъ одного приводящія къ другому! 'О жалкое мое просвѣтленіе, если по омовеніи дѣлаюсь чернѣе, если вижу,

что неочищенные свѣтлѣ меня, если я игралище зловѣрія крестившаго; если ищу лучшаго духа, и не нахожу! Дай мнѣ другую купель, и послѣ того разсуждай худо о первой. Для чего завидуешь мнѣ въ совершенномъ возрожденіи? Для чего дѣлаешь обителію твари меня, который сталъ храмомъ Духа, какъ Бога? Для чего иное у меня чувствуешь, а другое безчестишь, злочестиво разсуждая о Богѣ, чтобы пресѣчь мнѣ даръ, или лучше сказать, меня самого отсѣчь отъ дара? Или все чувствуешь, новый богословъ, или все безчести, чтобы тебѣ быть хотя нечестивымъ, но согласнымъ съ самимъ собою, и не разсуждать о безтѣлесномъ ествѣ не одинаково.

Но скажу главное: славь съ Херувимами, которые соединяютъ три Святости въ единое Господство, и столько открываютъ Первую Сущность, сколько трудолюбивые могутъ видѣть изъ-подъ крылъ. Просвѣтись съ Давидомъ, который говоритъ Свѣту: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.): то-есть какъ-бы въ Духъ Сына, Котораго можетъ ли что быть свѣтозарнѣе? Возгреми съ Іоанномъ, сыномъ громовымъ, глася о Богѣ не что-либо низкое и земное, но одно высокое и выпреннее; *Сущаго въ началѣ, Сущаго у Бога, и Бога-Слово признавая Богомъ и Богомъ истиннымъ, отъ истиннаго Отца, а не блгаимъ сораомъ, который почтенъ только однимъ наименованіемъ Сына, и иного Утѣшителя признавая несомнѣнно инымъ отъ Говорящаго, который есть Божіе Слово. И когда читаешь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); сосредоточивай мысль на единеніи Сущности. А когда чи-*

таешь: *къ Нему приидемъ и обитель у Него сотворимъ* (Иоан. 14, 23.); тогда представляй раздѣльность *Впостасей*. Когда же находишь *имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.); представляй три личныя свойства. Исполняйся *Духомъ съ Лукою*, внимательно читая *Дѣянїя Апостольскїя*. Для чего ставишь себя на ряду съ *Ананїею и Сапфирой*—сими новыми *лихоимцами* (если похищенїе своей собственности подлинно есть нѣчто новое), и ставишь на ряду не присвоенїемъ себѣ серебра и другаго чего малоцѣннаго и неважнаго, на примѣръ: *сосуда злата, или ризы, или дидрахмы*, какъ нѣкогда корыстолюбивый воинъ (Ис. Нав. 7, 21.), но окрадваешь самое Божество, и лжешь *не человѣку, но Богу*, какъ слышалъ (Дѣян. 5, 4.). Для чего не уважаешь власти Духа, Который дышитъ, на кого, когда и сколько Ему угодно (Иоан. 3, 8.)? Онъ сходитъ на домашнихъ Корнилевыхъ до крещенїя, а на другихъ послѣ крещенїя чрезъ Апостоловъ; такъ что въ обоихъ случаяхъ — и тѣмъ, что нисходитъ господственно, а не рабски, и тѣмъ, что взыскуется для совершенїя, свидѣтельствуется божество Духа. Богословствуй съ Павломъ, возведеннымъ до третьяго неба. Иногда перечисляетъ онъ всѣ три *Впостаси* и притомъ различно, не соблюдая одного порядка, но одну и ту же *Впостась* именуя то въ началѣ, то въ срединѣ, то на концѣ (и для чего же? чтобы показать равночестность естества); а иногда упоминаетъ то о трехъ, то о двухъ, то объ одной *Впостаси*, какъ-бы прочїя подразумевались въ упомянутыхъ; иногда же дѣйствїя Божїя приписываетъ Духу, какъ-бы въ семъ

не было никакого различія; иногда вмѣсто Духа ставить Христа, и когда различаетъ Упостаси, говоритъ; *единъ Богъ, изъ Негоже вся, и мы у Него: и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6.); а когда сводитъ Ихъ въ одно Божество, говоритъ: *яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (Рим. 11, 36.),—*Тѣмъ, то есть Духомъ Святымъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Писанія. Ему слава во вѣки. Аминь.*

С Л О В О 35,

НА ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ И ПРОТИВЪ АРΙΑНЪ.

Можно ли выразить словомъ, что представляется взору? Какая рѣчь будетъ соотвѣтственна открывающимся предъ нами благамъ? Невѣроятное зрѣлище предлежитъ очамъ нашимъ! Хотя и неоднократно желали мы видѣть сіе; однако же оно выше и того, къ чему простирались наши желанія.

Опять здѣсь чествованія Мучениковъ, которыя предъ симъ не малое уже время оставлены были въ пренебреженіи; опять стеченія Божіихъ іереевъ, опять ликостоянія и духовныя торжества; опять многолюдное собраніе желающихъ праздновать, а не ратоборствовать! О чудо! повержено изъ рукъ оружіе; рассыпались ополченія; позабыли о брани; не слышны болѣе голоса призывающихъ къ битвамъ; а вмѣсто нихъ празднованія, веселія, мирное раствореніе сердца ликоствуютъ въ цѣломъ городѣ, который въ давнія времена былъ матерью Мучениковъ, а во времена за тѣмъ послѣдовавшія и не мало продолжавшіяся не участвовалъ въ чествованіи чадъ своихъ. Нынѣ же *пріяли мы вся*, и *избыточествуемъ*, какъ говорить Апостоль (Филип. 4, 18). Хвала вамъ, Мученики! И сей подвигъ принадлежитъ вамъ: вы окончили побѣдоносно сію великую

брань; очень знаю, что это благія послѣдствія вашихъ единственно трудовъ; вы воздвигли побѣдное знаменіе мира; вы привлекли къ себѣ іереевъ Божіихъ; вы собранію сему дали вождей, предскачущихъ Духомъ Святымъ!

О сколько потеряли тѣ, чья жизнь не продлилась до сего зрѣлища, чтобъ и имъ послѣ того, какъ пресытились горестями, можно было насладиться благами мира! Еретическое обольщеніе, подобно туману, прешло и исчезло, разсѣянное Духомъ Святымъ; возсіяло же чистое благовѣдріе мира, в среди онаго явились звѣзды сего града, блистающія въ ясномъ свѣтѣ истины; и не ночи, и не тмѣ даны онѣ въ удѣлъ, но всѣ видимы днемъ, возсіявая истиннымъ свѣтомъ правды. И поелику, по слову Апостола, *нощь преиде* (Рим. 13, 12.), вѣрнѣе же сказать, совершенно исчезла, и все просвѣтляется свѣтомъ дня; то убѣгаютъ звѣри, ищущіе себѣ пропитанія ночью, и собираются въ лѣса и пещеры, съ шумомъ бѣгутъ еретическіе нетопыри, лишаемые зрѣнія при свѣтѣ истины, и держась другъ за друга прячутъ головы въ каменныхъ разсѣлинахъ. Прекратились съ наступленіемъ сего дня сходбища сластолюбцевъ и винопійцевъ, сокрылись придорожные грабители, расхитители домовъ и тати; какія только есть дѣла ночи, всѣ исчезли съ возсіявшимъ свѣтомъ мира.

А пока была эта ночь, все омрачившая мглою обмана, какія совершались тогда дѣла? — достойныя забвенія и глубокаго молчанія, чтобы воспоминаніемъ ненавистнаго не осквернялась пріятность настоящаго. Да и какъ описать бѣдствія сей ночи? Какъ и умол-

чать о нихъ? Въ какомъ горестномъ событіи найдется столько трогательнаго? Какой вымысль воспроизведетъ столько несчастій? Какой стихотворецъ представленіемъ на зрѣлищѣ прославилъ такія страданія? И бѣдствія выше слова, и страданія выше силъ повѣствователя! — Бойницею діавола было мѣсто этого лика; здѣсь расположился онъ станомъ, и въ немъ поставилъ своихъ оруженосцевъ; здѣсь были — воинство лжи, защитники обмана, бѣсовскія полчища, легіоны нечистыхъ духовъ. А если нужно употребить языческія наименованія; здѣсь наступало на Церковь лукавое воинство бѣсовъ — Еринній; ибо такъ вынуждаюсь назвать тѣхъ женъ, которыя оказались не естественно мужественными на зло. Одна была Іезавель во дни Іліи, которая жаждала крови Пророковъ Господнихъ; и боговдохновенное бытописаніе выставляетъ ее на позоръ для того, думаю, чтобы въ памятованіи необузданной жены находили урокъ для жизни всѣ, живущіе послѣ Іезавели. А нынѣ многія Іезавели прозябли вдругъ изъ земли, какъ вредное зеліе, и избыткомъ злобы своей, превзошли упоминаемую въ Писаніи. Если не вѣришь слову, взгляни на исторію. Та изнѣженному Ахааву доставила Навуееевъ виноградникъ, чтобы сдѣлать изъ него садъ, мѣсто увеселенія, женскую забаву; а сіи старались привести въ совершенное уничтоженіе живой виноградникъ Божій, разумію Церковь, и сами приводили въ исполненіе злое дѣло.

Какой найду примѣръ для слова? Какое придумаю изображеніе для сего злонравія? Видѣлъ я подобную картину на отбѣленной стѣнѣ; поддержите грудь мою, воздымающуюся при воспоминаніи

Т. III.

13.

бѣдствій, или лучше сказать, сами поскорбите со мною о перенесенныхъ несчастіяхъ; потому что пересказываю не чужія, но собственныя наши зло-страданія! Какая же это картина, которую уподобляю описываемому событію?—Она представляла безобразную пляску женщинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое искривленное положеніе (въ баснословіи такія женщины называются менадами). Волосы развѣвались вѣтромъ, взоры изъявляли неистовство, въ рукахъ были пламенники, и отъ обращенія оныхъ все тѣло казалось въ огнѣ; благоприличіемъ одежды затѣснялось только дыханіе въ грудяхъ; ноги едва касались земли и какъ-бы висѣли на воздухѣ; ни одно изъ движеній не выражало благопристойной стыдливости. Среди пляшущей толпы находилось изображеніе мущины, но это было вмѣстѣ что-то женское, по виду неопредѣленное въ-разсужденіи пола, образецъ извѣженности, нѣчто среднее между мущиной и женщиной. Представленный былъ въ состояніи расслабленія, какъ-бы въ усыпленіи или въ упоеніи, лежалъ небрежно на роскошной колесницѣ, которую по хороводу менадъ возили звѣри, и на него обильно лилось изъ чаши вино. Это изображеніе окружали какія-то неумолкающія чудовища съ косматыми лицами, которыя скакали около него на козѣихъ ногахъ.

То же надобно сказать и объ этой ночи. Женщины, извѣстныя только тѣмъ, что обезславили родъ свой, къ общему униженію пола поругали обычное благочиніе женъ,—торжественно ходили теперь по всему городу, въ лицѣ своемъ выставя на позоръ обезображенную природу, вмѣсто щитовъ вооружив-

ши руки камнями, смотря убійствомъ, поражая безстыдными своими взорами. И когда вступили въ Божию ограду, онѣ возвели на священную каеэдру своего Корибанта. Потомъ началось пьянство, потекло вино, явились даже изъ пустынь и Паны. Представъ при семъ ночь, смѣшанное общество и все то, о чемъ Апостоль запрещаетъ даже говорить, сказавъ: *бываемая отай отъ нихъ, срамно есть и глаголати* (Ефес. 5, 12.). Ибо кто подробно опишетъ огонь, камни, убійства, раны? Кто изобразить усилія, съ каковыми старались искоренять служителей святыхъ домовъ? Кто опишетъ, какъ среди города до смерти били палками одного ревнителя истины, и только предполагаемое совершеніе убійства остановило дѣйствительное убійство?

Но не знаю, какъ слово мое, замедливъ при земныхъ повѣствованіяхъ, удалилось отъ приличнаго обстоятельству наслажденія. Посему и должны мы возвратиться къ тому же, съ чего начали, чтобы осолвишійся слухъ омытъ сладкимъ, удобопіемымъ словомъ. Ибо сказано: въ дни веселія *збвеніе злыхъ* (Сир. 11, 25.). Итакъ опять возвращаюсь къ тому же слову. Исчезла сія ночь и мгла; при чистомъ благоведрїи лучи мира озаряютъ свѣтомъ истины. А потому изъ оградъ Божїихъ изринута все зловонное и мерзкое; на мѣсто же сего въ дома благочестивыхъ введено всякое веселіе. И для веселія ни въ чемъ нѣтъ недостатка, ни въ пирующихъ, ни въ предлагающихъ пиршество; трапеза наполнена добрыми яствами.

С Л О В О 36,

О СЕБѢ САМОМЪ И КЪ ГОВОРИВШИМЪ, ЧТО СВ. ГРИГОРІЙ ЖЕЛАЕТЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПРЕСТОЛА.

Дивлюсь! что располагаетъ васъ столько къ словамъ моимъ? отчего беретъ надъ вами такую силу моя рѣчь, рѣчь чужеземца, можетъ-быть слабая и не имѣющая никакой привлекательности? Даже кажется, что у васъ такое же ко мнѣ влеченіе, какое у желѣза къ магниту; потому что вы держитесь на мнѣ, емлясь и каждый взаимно другъ за друга, и всѣ за Бога, изъ Котораго и въ Которомъ *всяческая* (Рим. 11, 36.). Подлинно, это чудная цѣпь, и ее соплетають Духъ Святый, связуя неразрывными узами!

А если спросите о причинѣ; то, сколько сознаю самъ себя, не вижу въ себѣ преимущественной предъ другими мудрости; развѣ иной приметъ за мудрость то самое, что признаю себя и не мудрымъ, и не близкимъ къ истинной и первоначальной Мудрости; какъ думать о себѣ весьма нужно нынѣшнимъ мудрецамъ, потому что всего легче обманывать самого себя, и надмеаясь пустою славою, почитать себя чѣмъ-то, будучи ничѣмъ. Не я первый про-

повѣдалъ вамъ ученіе Православія, за которое вы всего крѣпче держитесь. Я шель по чужимъ слѣдамъ, и (сказать правду) по слѣдамъ вашимъ. Ибо вы ученики знаменитаго Александра, великаго поборника и проповѣдника Троицы, который и словомъ и дѣломъ искоренялъ нечестіе, и помните ту апостольскую молитву, которая начальника нечестія (а) поразила въ мѣстѣ достойномъ нечистаго сего языка, чтобы за поруганіе наказанъ онъ былъ поруганіемъ, и за неправедную смерть обольщенныхъ имъ душъ опозоренъ былъ праведно постигнушею смертію. Итакъ мы не новый отверзли вамъ источникъ, подобный тому, какой показалъ Моисей въ безводномъ мѣстѣ спасаемымъ изъ Египта (Исх. 17, 6.), но раскрыли закрытый и засыпанный землею, подражая рабамъ Исаака великаго, которые не только искапывали новые кладязи *воды живы*, но и очищали загражденные Филистимлянами (Быт. 26, 16.).

Съ другой стороны, я не изъ числа краснослововъ, не имѣю пріятности въ обхожденіи, не умѣю похищать благосклонность ласкательствомъ, къ чему способныхъ много вижу между вызывающимися нынѣ священствовать. Эти люди и наше благочестіе, которое просто и чуждо искусственности, обратили въ искусственное и въ какой-то новый родъ управленія, перенесенный съ торжищъ во святилище и съ зрѣлищъ въ недоступное взорамъ многихъ тайноводство; такъ что у насъ (если должно выразиться смѣлѣе) два позорища, и между ними то единственно различіе, что одно открыто для всѣхъ,

(а) Арія.

а другое для нѣкоторыхъ: на одномъ возбуждается смѣхъ, на другомъ уваженіе; одно называется зрѣлищнымъ, а другое духовнымъ. *Вы свидѣтели и Богъ*, говоритъ божественный Апостолъ (1 Сол. 2, 10.), что мы не принадлежимъ къ сей части; напротивъ того таковы, что скорѣе можно обвинить насъ въ грубости и незнаніи свѣтскихъ приличій, нежели въ ласкательствѣ и раболѣпствѣ; даже и къ тѣмъ, которые весьма къ намъ привержены, оказываемся иногда суровыми, какъ скоро они поступаютъ въ чемъ-нибудь, по нашему мнѣнію, незаконно. И сіе доказало недавнее со мною событіе, когда вы, народъ, кипя ревностію и гнѣвомъ, не смотря на мой вопль и слезы, возвели меня на сей престолъ, который не знаю какъ и назвать, мучительскимъ, или первосвятительскимъ, — возвели, изъ любви нарушивъ законъ. При семъ случаѣ столько огорчилъ я нѣкоторыхъ изъ самыхъ ревностныхъ, что они оставили меня, и любовь перемѣнили во вражду. Ибо менѣе смотрю на то, чѣмъ можно угодить, нежели на то, чѣмъ можно доставить пользу.

Посему какая же причина такой любви ко мнѣ и къ моимъ словамъ? Хотите ли сами открыть и объяснить ее, сдѣлать извѣстною вашу ко мнѣ любовь, или угодно вамъ, чтобъ изложилъ сіе я, котораго и въ другихъ случаяхъ охотно пріемлете истолкователемъ? Сколько заключаю по вашему молчанію, вы мнѣ предоставляете слово. Итакъ слушайте и смотрите, худой ли я угадчикъ въ подобныхъ дѣлахъ.

Во-первыхъ, мнѣ представляется, что, такъ какъ вы сами призвали меня, то и поддерживаете соб-

ственнымъ судомъ, а потому и бережете меня, какъ свою добычу. И это точно въ природѣ нашей, чтобы любить все собственное, имѣніе ли то, или порожденіе, или слово, и чтобы питать искреннее благо-расположеніе къ своимъ произведеніямъ. Во-вторыхъ, особенно уважаете во мнѣ то, что я не дерзокъ, не наглъ, не держу себя по-зрѣлицному и напыщенно, но уступчивъ, скромнень, даже въ обществѣ какъ-бы ни съ кѣмъ не имѣю общенія, и живу отшельникомъ, короче же сказать: веду себя любознательно; и любознательное мое не искусственно и ловко выисканное, но просто и духовно содержимое. Ибо не для того укрываюсь, чтобы искали меня, и чтобы почли достойнымъ большей чести, съ какою мыслию иные открываютъ не надолго красоты и потомъ прячуть, но чтобы своимъ безмолвіемъ доказать, сколько убѣгаю предсѣдательства и не домогаюсь такихъ почестей. Въ-третьихъ, вы видите, сколько терплю я отъ вѣншихъ враговъ и домашнихъ наветовъ, когда, скажу съ Даніиломъ, *изыде беззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ, иже мнхуся судити Израиля* (Дан. 13, 41.). Вы жалуетесь и негодуете на-се, не можете ни чѣмъ помочь утѣшенному, и вмѣсто всего приносите мнѣ въ даръ одно сожалѣніе. А жалость въ соединеніи съ стыдомъ произвела любовь. Вотъ тайна вашего ко мнѣ уваженія! А поелику нападаютъ на меня за мои слова, за зтотъ обильный и тѣмъ возбуждающій зависть языкъ, который сперва обучили мы свѣтской словесности, а потомъ облагородили Божіимъ словомъ, и горькую неудобопіемую Мерру усладили дровомъ жизни (Исх. 15, 25.): то вы дали въ себѣ

мѣсто чувствованіямъ достойнымъ людей благородныхъ, и любите во мнѣ то самое, за что подвергаюсь нападеніямъ.

Почему же не возлюбилъ я учености безгласной, сухой и пресмыкающейся по землѣ? Почему, видя многихъ довольствующихся и такую ученостію, я посвятилъ себя любомудрію чуждому и иноземному, обратился къ реченіямъ прекословнымъ, когда надлежало смѣло бѣжать отъ всякихъ разсужденій, и вѣрою назвать такое отреченіе отъ разума, которое бы (увѣряю въ этомъ) и я самъ возлюбилъ, будучи рыбаремъ (что также для многихъ составляетъ готовый предлогъ къ извиненію невѣжества), еслибы моимъ словомъ была сила чудотвореній? О, когда бы истребилась между людьми зависть, эта язва для одержимыхъ ею, этотъ ядъ для страждущихъ отъ нея, эта одна изъ самыхъ несправедливыхъ и вмѣстѣ справедливыхъ страстей, — страсть несправедливая, потому что возмущаетъ покой всѣхъ добрыхъ, и справедливая, потому что сушитъ питающихъ ее! Ибо не буду желать зла тѣмъ, которые въ-началѣ хвалили меня. Они не знали, какой будетъ конецъ сихъ похвалъ; иначе, можетъ-быть, присоединили бы къ похваламъ и порицанія, чтобы поставить преграду зависти.

Зависть омрачила и Денницу, падшаго отъ превозношенія. Будучи божественъ, онъ не утерпѣлъ, чтобы не признать себя богомъ, и изринулъ изъ рая Адама, овладѣвъ имъ посредствомъ сластолюбія и жены (Быт. 3, 23.): ибо увѣрилъ его, что древо познанія запрещено ему на-время изъ зависти, чтобы не сталъ онъ богомъ. Зависть сдѣлала брато-

убійцею и Каина, который не стерпѣлъ того, что другая жертва была святѣ его жертвы. Зависть и злочестивый мїръ покрыла водами, и Содомлянѣ потопила огнемъ. Зависть поглотила землю Даана и Авирона, возмутившихся противъ Моисея (Числ. 16, 32.), и поразила проказою Маріамъ, возроптавшую только на брата (Числ. 12, 10.). Зависть обогрѣла землю кровью Пророковъ, и чрезъ женъ поколебала премудраго Соломона. Зависть и изъ Іуды содѣлала предателя, обольстившагося немногимъ числомъ сребренниковъ и заслужившаго удавленіе; она произвела и Ирода—дѣтоубійцу и Пилата—Христоубійцу. Зависть истнила и разсѣла Израиля, который и до-нынѣ не возсталъ отъ грѣха сего. Зависть возставила намъ и сего богоотступнаго мучителя (б), отъ котораго теперъ еще остаются угли, хотя избѣгли мы пламени. Зависть разсѣкла и прекрасное тѣло Церкви, раздѣливъ на разныя и противоборствующія скопища. Зависть возставила у насъ и Иероваама — этого служителя грѣху (в), и налагаетъ узы на языкъ. Онъ не терпитъ возсіявающей Троицы, Которая озаряетъ насъ всецѣлымъ Божествомъ, и истинныхъ Своихъ проповѣдниковъ дѣлаетъ для васъ досточестными.

Не представляется ли вамъ, что я пустословлю, предлагая свои гаданія? Или живописующее слово весьма вѣрно изобразило причины любви? Что касается до сея любви, я такъ разумѣю дѣло. Но поелику вижу, что нѣкоторые огорчаются оскорблені-

(б) Юліана.

(в) По замѣчанію Иліи, Максима, цнническаго философа.

ями, и мое несчастье почитаютъ собственнымъ несчастіемъ; то полюбомудрствуемъ кратко и о семъ.

Если бы для какихъ-нибудь человѣческихъ и ничтожныхъ замысловъ, или для полученія сея каеэдры, и въ-началѣ предсталъ я къ вамъ съ этою сѣдиною и съ этими членами согбенными отъ времени и болѣзни, и теперь бы переносилъ столько безчестій: то мнѣ было бы стыдно неба и земли (которыми обыкли свидѣтельствоваться древніе); стыдно было бы сей каеэдры, сего священнаго собранія, сего святаго и недавно совокупленнаго народа, противъ котораго такое ополченіе лукавыхъ силъ, чтобы онъ, начавшій уже образоваться по Христу, разрушенъ былъ до своего составленія и умерщвленъ до рожденія. Мнѣ стыдно было бы моихъ подвиговъ и трудовъ, и этой власяной одежды, и пустыни, и уединенія, съ которымъ я свыкъся, и беззаботной жизни, и малоцѣнной трапезы, которая немного развѣ дороже была трапезы птицъ небесныхъ. Но пусть иные скажутъ обо мнѣ правду, будто бы пожелалъ я чужой жены (г), тогда какъ не захотѣлъ имѣть своей! Пусть возмутъ предо мною преимущество и *Гаваониты*, которыхъ (сколько знаю) не приметъ Духъ Святой въ *древосъщцы* и *водоносцы* (Ис. Нав. 9, 27.), пока будутъ приступать къ святилищу съ такими пятнами въ жизни и ученіи! Но если пришелъ я сюда защитить ученіе, оказать powerful помощь Церкви доселѣ вдовствующей и безмужной, быть какъ-бы намѣстникомъ и попечи-

(г) То-есть престола Константинопольской Церкви, оставивъ Церковь Сасимскую.

телемъ, чтобъ уневѣститъ ее другому, какъ скоро окажется кто достойнымъ сея красоты, и принесть этой царицѣ богатѣйшее вѣно добродѣтели; въ такомъ случаѣ чего я достоинъ, похвалы ли за усердіе, или упрековъ по одному подозрѣнію, потому что меня судятъ, соображаясь съ страстями другихъ? Поэтому, если застигнутому бурей кораблю, или осажденному городу, или пожираемому пламенемъ дому, подаемъ помощь, спѣша на лодкахъ, или съ воинствомъ, или съ огнегасительными снарядами; ты, добрѣйшій, безъ сомнѣнія назовешь насъ или морскими разбойниками, или желающими овладѣть городомъ и домомъ, а не помощниками и защитниками.

Но скажешь: не такъ думаютъ о тебѣ многіе. Какая нужда въ семъ мнѣ, для котораго быть, а не казаться, дороже всего, лучше же сказать, составляетъ все? То, что я самъ въ себѣ таковъ, или осудить меня, или оправдаетъ, сдѣлаетъ несчастнымъ, или блаженнымъ; а то, какимъ я кажусь, ничего для меня не значитъ, равно какъ и чужое сновидѣніе. Ты говоришь, любезный: не такимъ представляешься для многихъ. Но земля представляется ли неподвижною тѣмъ, у которыхъ кружится голова? Пьянымъ кажется ли, что трезвые трезвы, а не на головѣ ходятъ и не вертятся? Не думаютъ ли иногда больные и потерявшіе вкусъ, что и медъ горекъ? Но не таковы вещи сами въ себѣ, хотя и такими кажутся для страждущихъ. Посему докажи сперва, что такъ думаютъ о насъ люди, находящіеся въ здоровомъ состояніи; и потомъ совѣтуй намъ перемѣниться, или осуждай, если не слушаемся, но

остаемся при своемъ сужденіи. Не такимъ кажусь для многихъ, но такимъ кажусь для Бога; и не кажусь, но весь открытъ предъ Тѣмъ, Который все знаетъ до рожденія людей, *создалъ наединѣ сердца наша, разумѣваетъ на вся дѣла* (Ис. 32, 15.), движенія и помышленія наши, и на совершаемое по онимъ; отъ Котораго ничто существующее не сокрыто и скрыться не можетъ; Который иначе смотритъ на наше дѣло, нежели какъ смотрятъ люди. *Яко человекъ на лице, Богъ же на сердце* (1 Цар. 16, 7.). Такъ, слышишь, говоритъ Писаніе, и вѣруй. И имѣющему умъ должно помышлять болѣе о Богѣ, нежели о совокупномъ мнѣніи всѣхъ прочихъ. Если и изъ людей имѣешь двоихъ совѣтниковъ въ одномъ дѣлѣ, и одинъ смышленнѣе, а другой малознающъ; то окажешь ли благоразуміе, если, оставивъ болѣе смышленнаго, послѣдуешь совѣту малознающаго? И Ровоамъ не похваленъ за то что, презрѣвъ *совѣтъ старѣйшинъ*, исполнилъ мнѣніе юныхъ (3 Цар. 12, 13. 14.). Сравнивая же Бога съ людьми, ужели предпочтешь мнѣніа человѣческіа? Конечно, нѣтъ, если послушаешь меня, и самъ разсудишь внимательнѣе.

Но мы стыдимся, скажешь, сдѣланныхъ тебѣ оскорбленій. А мнѣ стыдно за васъ, что стыдитесь сего. Если терпимъ сіе справедливо, то намъ самимъ болѣе стыдиться должно, и стыдиться не столько потому, что насъ безчестятъ, сколько потому, что достойны мы безчестія. Если же терпимъ несправедливо; то виновны въ семъ оскорбляющіе насъ, и потому о нихъ должно болѣе скорбѣть, нежели о насъ; ибо они терпятъ зло. Если я худъ, а ты по-

читаешь меня добрымъ; что мнѣ послѣ сего дѣлать? Сдѣлаться ли еще хуже, чтобы больше угодить тебѣ? Я не пожелалъ бы себѣ этого. Равнымъ образомъ, если стою прямо, а тебѣ кажется, что падаю; ужели мнѣ для тебя оставить прямое положеніе? Я живу не больше для тебя, чѣмъ и для себя, и во всемъ имѣю совѣтниками разумъ и Божіи оправданія, которыя часто обличаютъ меня, хотя и никто не обвиняетъ, а иногда оправдываютъ, хотя многіе осуждаютъ. И невозможно убѣжать отъ сего одного — отъ внутренняго въ насъ самихъ судилища, на которое одно взирая, можно идти прямымъ путемъ. А что до мнѣнія другихъ; если оно за насъ, (скажу нѣсколько и по-человѣчески) примемъ его; если же противъ насъ, дадимъ ему дорогу, и изъ того, что мы дѣйствительно, ничего не убавимъ для того, чтобы сдѣлать нѣчто на показъ.

Такъ и должно быть. Кто упражняется въ добрѣ изъ какихъ-нибудь видовъ, тотъ не твердъ въ добродѣтели: ибо цѣль минуется, и онъ оставитъ доброе дѣло, подобно какъ плывущій для прибыли не продолжаетъ плаванія, если не видитъ прибыли. Но кто чтитъ и любитъ добро ради самаго добра, тотъ, поелику любитъ нѣчто постоянное, и расположеніе къ добру имѣетъ постоянное, такъ что, ощущая въ себѣ нѣчто свойственное Богу, можетъ сказать о себѣ сказанное самимъ Богомъ: я одинъ и тотъ же, и не измѣняюся (Мал. 3, 6.). А потому онъ не будетъ превращаться, принимать разные виды, соображаться съ обстоятельствами и дѣлами, дѣлаться то тѣмъ, то инаковымъ, мѣнять разные цвѣты, подобно какъ полипъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ

Зрел

которому онъ присталь; но всегда пребываетъ одинъ и тотъ же, — непоколебимъ среди колебаній, несовертнмъ среди превратностей, и, какъ представляю себя, это скала, которая, при ударахъ вѣтровъ и волнъ, стоитъ неизмлемо, и сокрушаетъ приражающееся къ ней. Но о семъ довольно; ибо не имѣю времени препираться на словахъ, и доселѣ сказанное, можетъ-быть, превышаетъ уже мѣру.

Теперь къ вамъ у меня слово, паства моя! Вы стали для меня, говорить Павелъ, слава, и радость, и вѣнецъ похваленія (1 Сол. 2, 19. 20.). Вы оправданіе мое предъ истязующими меня. Какъ зодчимъ и живописцамъ, когда требуютъ у нихъ отчета, довольно указать на свои постройки или картины, чтобы освободиться отъ всякихъ хлопотъ; потому что дѣло говоритъ сильнѣе слова: такъ и я, указавъ на васъ, отражу всѣ злословія. Чѣмъ же отражу? Во-первыхъ тѣмъ, если вы сохраняете неуклонное и твердое исповѣданіе Отца, Сына и Св. Духа, ничего не прибавляя, не убавляя и не умалляя въ единомъ Божествѣ (потому что униженное въ Немъ дѣлается униженіемъ цѣлаго); а тѣхъ, которые иначе мыслятъ и говорятъ, уничтожаютъ или разграничиваютъ Единое предположеніемъ постепенности естества, гоните отъ себя какъ язву для Церкви и ядъ для истины, впрочемъ безъ ненависти, а только сожалѣнія объ ихъ паденіи. Во-вторыхъ тѣмъ, если представите жизнь сообразную съ правымъ ученіемъ, такъ что и въ добродѣтели окажетесь обоедесноручными, но и въ другомъ не будете имѣть недостатка.

Цари! уважьте свою порфиру (ибо наше слово

даеть законы и законодателямъ), познайте, сколь важно ввѣренное вамъ и сколь великое въ-разсужденія васъ совершается таинство. Цѣлый міръ подъ вашу руку, сдерживаемый небольшимъ вѣнцемъ и короткою мантиєю. Горнее принадлежитъ единому Богу, а дольнее и вамъ; будьте (скажу смѣлое слово) богами для своихъ подданныхъ. Сказано (и мы вѣруемъ), что *сердце Царево въ руцѣ Божіей* (Притч. 21, 1.). Въ семъ должна состоять сила ваша, а не въ золотѣ, и не въ полчищахъ.

Приближенные къ царскимъ дворамъ и престоламъ! не очень превозносите своею властію, и не почитайте безсмертнымъ того, что не безсмертно. Будьте вѣрны Царямъ, первоначально же Богу, а ради Его и тѣмъ, которымъ вы вручены и преданы. Гордящіеся благородствомъ! облагороживайте нравы, или скажу нѣчто, хотя непріятное, однако же благородное: тогда ваше благородство было бы подлинно самое благородное, когда бы въ родословныхъ книгахъ не писались и неблагородные люди. Мудрецы и любомудрцы, почтенные по бородѣ и плащу, софисты и грамматика, искатели народныхъ рукоплесканій! не знаю, за что назвать мудрыми не содержащихъ перваго ученія. Богатые! послушайте сказавшаго: *богатство аще течеть, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11); знайте, что полагаетесь на вещь непрочную. Надобно облегчить корабль, чтобы легче было плыть. Можеть-быть отнимешь что-нибудь и у врага тѣмъ, что къ нему перейдетъ твое имущество. Питающіеся роскошно! отнимите что-нибудь у чрева, и дайте духу. Нищій близъ тебя; окажи помощь въ болѣзни, излей на него что-

нибудь отъ избытковъ. Для чего и тебѣ страдать невареніемъ пищи, и ему голодомъ; тебѣ головою болью отъ вина, и ему водяною болѣзнію; тебѣ чувствовать обремененіе отъ пресыщенія, и ему изнемогать отъ недуга? Не презирай своего *Лазаря* здѣсь, чтобы онъ не сдѣлалъ тебя тамошнимъ *богачемъ* (Лук. 16, 19—31).

Граждане великаго града, непосредственно первые послѣ гражданъ перваго въ мірѣ города, или даже не уступающіе имъ! окажитесь первыми не въ порокахъ, но въ добродѣтели, не въ распутствѣ, но въ благочиніи. Стыдно господствовать надъ городами, и уступать надъ собою побѣду сладострастію; или въ иномъ соблюдать цѣломудріе, а къ конскимъ ристалищамъ, зрѣлищамъ, поприщу и псовой охотѣ имѣть такую бѣшеную страсть, что въ этомъ одномъ поставлятъ всю жизнь, и первому изъ городовъ, которому всего приличнѣе было бы служить для другихъ примѣромъ всего добраго, стать городомъ играющихъ. О, если бы вы отринули сіе, содѣлались Божиимъ градомъ, живо написанными на рукахъ Господнихъ, и свѣтлые свѣтло предстали вмѣстѣ съ нами Великому Градоизжителю! Сіе въ заключеніе благовѣствую вамъ о самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава, честь, держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 57,

НА ЕВАНГЕЛЬСКІЯ СЛОВА:

Егда сконча Иисусъ словеса сія, и проч.

Матѣ. 19, 1.

Иисусъ , избравъ сперва рыбарей , Самъ потомъ отвергаетъ мрежи , и перемѣняетъ мѣста одно за другимъ. Для чего же? Не для того только, чтобы Своимъ пришествіемъ больше пріобрѣтать боголюбцевъ, но, какъ думаю , и для того, чтобы освятить большее число мѣстъ. Онъ дѣлается для Іудеевъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсть Іудеевъ , для подзаконныхъ подзаконнымъ, чтобы искупить подзаконныхъ, для немощныхъ немощнымъ, чтобы спасти немощныхъ. Онъ дѣлается всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ пріобрѣсть. Но что говорю: всѣмъ для всѣхъ? Чего Павелъ не захотѣлъ о себѣ сказать, то, какъ нахожу, понесъ на Себѣ Спаситель. Ибо Онъ не только дѣлается Іудеемъ, не только принимаетъ на Себя всякія не приличныя Ему и унижительныя наименованія, но, что всего неприличнѣе, называется даже грѣхомъ (2 Кор. 5, 21.) и клятвою (Гал. 3, 13.). Хотя не таковъ Онъ на самомъ дѣлѣ; однако же

Т. III.

14

именуется. Ибо какъ быть грѣхомъ Тому, Кто освобождаетъ и насъ отъ грѣха? Какъ быть клятвою Тому, Кто искупаетъ и насъ отъ проклятiя Закона? Но Онъ именуется такъ, чтобы и до сей степени показать Свое смиренiе, а тѣмъ насъ научить смиренiю, которое ведетъ на высоту. Итакъ Онъ дѣлается, какъ сказалъ я, рыбаремъ, ко всѣмъ снисходить, закидываетъ сѣти, все терпѣть, чтобы только извлечь изъ глубины рыбу, то-есть человѣка, плавающего въ непостоянныхъ и соленыхъ волнахъ жизни.

Для сего и теперь сконча словеса сія, преиде изъ Галилеи, и прииде въ предѣлы Іудейскіе обз онъ-полъ Іордана (ст. 1.). Приходить въ Галилею, — и сіе во благо, чтобы людiе, съдѣици во тмль, увидѣли свѣтъ велій (Матѣ. 4, 16.). Переходитъ въ Іудею, чтобы убѣдились возстать отъ буквы и послѣдовать духу. То учитъ на горѣ, то бесѣдуетъ на равнинахъ, то сходитъ въ корабль, то запрещаетъ бурямъ; иногда и сонъ вкушаетъ, чтобы и сонъ благословить; иногда утруждается, чтобы и трудъ освятить; иногда и плачетъ, чтобы и слезы сдѣлать похвальными. Переходитъ съ мѣста на мѣсто Невмѣщаемый никакимъ мѣстомъ, Безлѣтний, Безтѣлесный, Необъемлемый, Который одинъ и тотъ же и былъ и начинаетъ бытіе, былъ выше времени, и приходитъ подчиняясь времени, былъ невидимъ, и дѣлается видимымъ. Въ началъ бгъ, у Бога бгъ, и Богъ бгъ: третiе бгъ, самымъ числомъ подтверждаемое, Тотъ, Который бгъ, истощилъ, а то, чѣмъ не бгъ, воспринялъ, не составилъ чрезъ сіе двоихъ, но благоволивъ изъ двухъ содѣлаться

Единымъ; потому что Богъ есть то и другое, и принявшее и принятое, два естества, во едино стекшіяся, но не два Сына (да не безчестится ложнымъ толкованіемъ сіе сраствореніе!). Таковъ и толикъ Онъ! — Но что со мною? Опять ниспадаю до реченій человѣческихъ. Ибо какъ можно назвать простое таковымъ? и не количественное толикимъ? Но простите слову — орудію малому; я говорю о Высочайшемъ! Великій и Долготерпѣливый — Естество неопишное и безтѣлесное, потерпитъ и то, что говоримъ о Немъ, какъ о тѣлѣ, и употребляемъ реченія, далеко не соответствующія истинѣ. Ибо, если Онъ принялъ плоть, то не погнушается и подобнымъ словомъ.

И по Немъ идоша народи мнози, и исцѣли ихъ ту (ст. 2.), гдѣ была обширная пустыня. Если бы Онъ пребылъ на Своей высотѣ, если бы не снишелъ къ немощи, если бы остался тѣмъ, чѣмъ былъ, соблюдая Себя неприступнымъ и непостижимымъ; то, можетъ-быть, не многіе бы послѣдовали за Нимъ, даже, не знаю, послѣдовали ли бы и немногіе; развѣ одинъ Моисей, и тотъ столько, чтобы едва увидѣть задняя Божія. Ибо, хотя и расторгъ Моисей облако, когда былъ внѣ тѣлесной тяжести и привелъ въ бездѣйствіе чувства; но тонкость и безтѣлесность Божію (или, не знаю, какъ иначе назвалъ бы сіе другой) могъ ли видѣть онъ, все еще будучи тѣломъ и приникая чувственными очами? — Но велику Богъ насъ ради истощается и нисходитъ (подъ истощаніемъ же разумѣю истощаніе, какъ-бы ослабленіе и умаленіе, славы): то и дѣлается чрезъ сіе постижимымъ. Извините меня, что опять остано-

вливаюсь, и впадаю въ человеческую немощь. Исполняюсь гнѣвомъ и скорбію за моего Христа (раздѣлите и вы мои чувствованія!); когда вижу, что безчестятъ Христа моего за то самое, за что наиболее чтить Его требовала справедливость. Скажи мнѣ: потому ли Онъ безчестенъ, что смирился ради тебя? Потому ли Онъ — тварь, что печется о твари? Потому ли подъ временемъ, что посѣщаетъ находящихся подъ временемъ? Впрочемъ Онъ все терпитъ, все переноситъ. И что удивительнаго? Онъ понесъ заушенія, потерпѣлъ оплеванія, вкусилъ желчь за мое вкушеніе. Терпитъ и нынѣ побіеніе камнями не только отъ навѣствующихъ, но даже отъ насъ, которые почитаемъ себя благочестивыми. Ибо, разсуждая о безтѣлесномъ, употреблять наименованія свойственныя тѣлесному значить, можетъ-быть, то же, что клеветать, то же, что побивать камнями; но, повторяю, да будетъ дано извиненіе нашей немощи! Мы не произвольно мечемъ камнями, но потому что не можемъ выразиться иначе; употребляемъ слова, какія имѣемъ. Ты именуешься Словомъ, и превыше слова; Ты превыше свѣта, и называешься свѣтомъ; именуешься огнемъ, не потому что подлежишь чувствамъ, но потому что очищаешь легкое и негодное вещество! Называешься мечемъ, потому что отсѣкаешь худое отъ добраго; — лопатой, потому что очищаешь гумно, и, отбрасывая все пустое и легкое, одно полноцѣсное влагаешь въ горнія житницы; — сѣкирою, потому что, по многомъ долготерпѣніи, посѣкаешь неплодную смоковницу, потому что истребляешь самыя корни зла; — дверью, по причинѣ ввожденія; — путемъ, потому что мы

шествуемъ прямо; — агнцемъ, потому что Ты жертва; — Первосвященникомъ, потому что приносишь въ жертву тѣло; Сыномъ, потому что Ты отъ Отца! Опять привожу въ движеніе языки злорѣчивые; опять неистовствуютъ нѣкоторые противъ Христа, или, лучше сказать, противъ меня, который удостоенъ быть проповѣдникомъ Слова; дѣлаюсь, какъ Іоаннъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ — въ пустынѣ нѣкогда безводной, но нынѣ весьма населенной. Впрочемъ, какъ сказалъ я (возвращаясь къ моему слову), *по Немъ идоша народи мнози*; потому что Онъ снисходитъ къ нашимъ немощамъ. Чтò же потомъ? Сказано:

И приступиша къ Нему Фарисее, искушающе Его, и глаголаша: аще достоинъ чловѣку по всякой винѣ пустити жену свою (ст. 3.)? Опять Фарисеи искушаютъ, опять читающіе Законъ не понимаютъ закона; опять толкователи Закона имѣютъ нужду въ новыхъ наставникахъ! Не довольно было Саддукеевъ искушающихъ о воскресеніи, законниковъ вопрошающихъ о совершенствѣ, Иродіанъ — о кинсонѣ, и другихъ — о власти: нѣкто еще и о бракѣ спрашиваетъ Неискушаемаго, спрашиваетъ Того, Кто Самъ Творецъ супружества, Кто отъ первой Причины создалъ весь сей родъ чловѣческій.

Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: нѣсте ли чли, яко Сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть (ст. 4.)? Онъ зналъ, какіе вопросы рѣшать, и при какихъ заграждать уста вопрошающихъ. Когда спрашиваютъ Его: кою областію сія твориши (Лук. 20, 2.); тогда, по причинѣ крайняго невѣжества вопрошавшихъ, Самъ

3...
 вопрошаетъ : *крещеніе Иоанново съ небесе ли бѣ, или отъ чловѣкъ (4)?* И обоюдною невозможностию дать отвѣтъ связываетъ вопрошающихъ . Посему и мы, подражая Христу , можемъ иногда заграждать уста любопытнымъ совопросникамъ, и ихъ неумѣстные вопросы рѣшать вопросами же, еще болѣе неумѣстными. Ибо мы и сами мудры на пустое (если можно иногда похвалиться дѣлами неразумія). Но когда Христосъ видитъ, что вопросъ требуетъ разсужденія; тогда вопрошающихъ не удостоиваетъ мудрыхъ отвѣтовъ. Онъ говоритъ: вопросъ, предложенный тобою, показываетъ въ тебѣ уваженіе къ цѣломудрію, и требуетъ снисходительнаго отвѣта. А касательно цѣломудрія, какъ вижу, многіе имѣютъ неправильное понятіе, да и законъ у нихъ не равенъ и не правиленъ. Ибо почему законъ обуздаль женскій полъ, а мужескому далъ свободу, и жена, злоумыслившая противъ ложа мужаго, прелюбодѣйствуетъ, и подвергается за то строгому преслѣдованію законовъ, а мужъ, прелюбодѣйствующій съ женою, не подлежитъ отвѣтственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями; потому и законъ обращенъ противъ женъ; потому и дѣтей отдали подъ власть отцевъ, а слабѣйшій полъ оставленъ въ пренебреженіи. Напротивъ того, Богъ установилъ не такъ; но : *чти отца твоего и мать твою (Исх. 20, 12.),* — вотъ первая заповѣдь, соединенная съ обѣтованіями : *да благо ти будетъ, и: иже злословитъ отца или мать, смертію да умретъ (Исх. 21, 16.).* Видишь, равно и доброе почтилъ, и злое наказалъ. Еще: *благословеніе*

отчее утверждаетъ дома чадъ, клятва же матерная искореняетъ до основанія (Сир. 3, 9). Видите, какъ равно законодательство. Одинъ Творецъ мужа и жены, одна персть—оба они, одинъ образъ; одинъ для нихъ законъ, одна смерть, одно воскресеніе; одинаково раждаемъ отъ мужа и жены; одинъ долгъ обязаны воздавать дѣти родителямъ. Какъ же ты требуешь цѣломудрія, а самъ не соблюдаешь? взскаиваешь, чего не далъ? Почему, будучи самъ плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь? Если ты обращаешь вниманіе на худшее: то жена согрѣшила, согрѣшилъ и Адамъ; змій прельстилъ обоихъ; не оказался одинъ слабѣе, а другой крѣпче. Но возми во вниманіе лучшее. Обоихъ спасаетъ Христосъ страданіями. За мужа сталъ Онъ плотію, но также и за жену. За мужа умеръ, и жена смертію спасается. Христосъ отъ стѣни Давидова именуется (чѣмъ, можетъ-быть думаешь, почтенъ мужъ), но и отъ Дѣвы раждается,—это уже честь женамъ!

И будета оба, сказано, въ плоть едину (5); а единая плоть да имѣетъ и одинаковую честь. Павелъ же внушаетъ цѣломудріе и примѣромъ. Какимъ примѣромъ, и какъ? Тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и Церковь (Еф. 5, 32). Хорошо женѣ—почитать Христа въ лицѣ мужа; хорошо и мужу—не безчестить Церковь въ лицѣ жены. Жена, говоритъ онъ, да боится своего мужа, потому что боится и Христа; но и мужъ да любитъ свою жену, потому что и Христосъ любитъ Церковь. Вникнемъ въ слова сіи съ большимъ тщаніемъ. *Мельзи млеко, и будеть масло (Притч.*

30, 33.); изслѣдуй, и можетъ-быть найдешь въ нихъ нѣчто болѣе питательное. Мнѣ кажется, что здѣсь слово Божіе не одобряетъ двоеженства; ибо если два Христа, то два и мужа, двѣ и жены; а если одинъ Христосъ, одна глава Церкви, то и плоть одна, а всякая другая да будетъ отринута. А если удерживаетъ отъ втораго брака; то что сказать о третьемъ? Первый есть законъ, второй — снисхождение, третій — беззаконіе. А кто преступаетъ и сей предѣлъ, тотъ подобенъ свинѣ, и не много имѣетъ примѣровъ такого срама. — Хотя Законъ даетъ разводъ по всякой винѣ; но Христосъ — не по всякой винѣ, а позволяетъ только разлучаться съ прелюбодѣйцею, все же прочее повелѣваетъ переносить любомудренно, и прелюбодѣйцу отлучаетъ потому, что она повреждаетъ родъ. Касательно же всего прочаго будемъ терпѣливы и любомудренны, или, лучше сказать, будьте терпѣливы и любомудренны — вы, пріавшіе на себя иго брака. Видишь ли, что жена прикрасилась или подкрасилась, — сотри; или у нея языкъ продерзливый, — уцѣломудрь; или смѣхъ неблагопристойный, — сдѣлай скромнымъ; или замѣчаешь неумѣренность въ издержкахъ и въ питаніи, ограничь; или неблаговременные выходы изъ дома, — положи преграду; или разсыянный взоръ, — исправь: но не отсѣкай, не отлучай отъ себя поспѣшно; ибо неизвѣстно, кто подвергается опасности, отлучающій или отлучаемый. *Источникъ воды, сказано, да будетъ тебѣ твой, и да никтоже чуждѣ причастится тебѣ; жребя твоихъ благодатей и елень любви да бесподуетъ тебѣ* (Притч. 5, 17—19.). Итакъ не будь рѣвкой

чуждой, и не старайся нравиться другимъ болѣе, нежели женѣ своей. А если стремишься инуду, то и члену своему поставляешь въ законъ безстыдство. Такъ учить Спаситель. Чтò же Фарисей? Жестоко имъ кажется слово; такъ какъ и все доброе не нравилось, и не нравится, и тогдашнимъ и нынѣшнимъ Фарисеямъ. Ибо Фарисеемъ дѣлаетъ не происхождение только, но и образъ жизни; такъ Ассиріаниномъ и Египтяниномъ почитаю всякаго, кто произволеніемъ своимъ ставитъ себя съ ними въ одинъ рядъ. Чтò же Фарисей? Говорятъ:

Аще тако есть вина чловѣку съ женою, лучше есть не женитися (ст. 10.). Теперь только узнаешь ты, Фарисей, что *лучше есть не женитися?* А прежде не зналъ, когда видѣлъ вдовство, и сиротство, и безвременную смерть, и рукоплесканія смѣняемая плачемъ, и гробы подлѣ брачныхъ чертоговъ, и безчадіе, и несчастія отъ дѣтей, и неразрѣшившееся рожденіе, и дѣтей лишающихся матери при самомъ рожденіи, наконецъ все, чтò бываетъ при семъ и смѣшнаго и горестнаго; потому что можно здѣсь сказать и то и другое. *Лучше есть женитися;* и я на сіе согласенъ; ибо *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. 13, 4.); но лучше для умѣренныхъ, а не для ненасытныхъ, не для тѣхъ, которые хотятъ оказывать плоти болѣе уваженія, чѣмъ должно. Когда бракъ есть собственнo бракъ и супружескій союзъ, и желаніе оставить послѣ себя дѣтей; тогда бракъ хорошъ, ибо умножаетъ число благоугождающихъ Богу. Но когда онъ разжигаетъ грубую плоть, обкладываетъ ее терніемъ, и дѣлается какъ-бы путемъ къ пороку: тогда

и я скажу: *лучше есть не жениться*. Бракъ — доброе дѣло; но не могу сказать, чтобы онъ былъ выше дѣвства. Ибо дѣвство не признавалось бы чѣмъ-то высокимъ, если бы не было изъ лучшаго лучшимъ. Да не огорчаются симъ носящіе узы брака! *Повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели челоуѣкомъ* (Дѣян. 5, 29.). Напротивъ того, дѣвы и жены, соединитесь вмѣстѣ, составьте едино о Господѣ, и служите другъ другу украшеніемъ! Не было бы и безбрачныхъ, если бы не было брака; ибо откуда бы явился въ свѣтъ и дѣвственникъ? Не былъ бы бракъ честенъ, если бы Богу и жизни не плодотворилъ дѣвственниковъ. Почитай и ты (а) мать свою, отъ которой происходишь; почитай и ты (б) происшедшую отъ матери и мать, хотя она и не мать, но невѣста Христова. Красота видимая не сокрыта; а незримая видима Богу; *вся слава дочери царицы внутрь: рясны златыми одѣяна, преиспещрена* (Пс. 44, 14.), то-есть и дѣлами, и созерцаніемъ. И вступившая въ бракъ да принадлежитъ Христу; и дѣва да будетъ всецѣло Христова! Одна да не прилѣпляется совершенно къ міру, другая да не будетъ вовсе отъ міра! Чтò замужней принадлежитъ частію, то дѣвѣ принадлежитъ всецѣло. Ты избрала жизнь ангельскую, стала въ чинѣ безбрачныхъ; не ниспадай же въ плотское, не ниспадай въ вещественное, не сочетавайся съ веществомъ, тогда какъ ведешь жизнь безбрачную.

(а) Дѣвственникъ.

(б) Обязавшійся супружествомъ.

Блудный взоръ не охранить дѣвства; блудный языкъ вступаетъ въ общеніе съ лукавымъ; ноги, идущія безчинно, обличаютъ болѣзнь, или приводятся въ движеніе болѣзнью. Да будетъ дѣвственною и мысль; да не кружится, да не блуждаетъ, да не носитъ въ себѣ образовъ того, что лукаво (такой образъ есть уже часть любодѣйства); да не созидаетъ въ душѣ ненавистныхъ кумировъ!

Онъ же рече имъ: не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть (ст. 11). Видите ли высоту сей добродѣтели? Она оказывается едва удобовмѣстимою. Да и не выше ли плоти—рожденному отъ плоти не раждать въ плоть? Не ангельское ли свойство — душѣ связанной съ плотію жить не по плоти, и быть выше самой природы? Плоть связала ее съ міромъ, а разумъ возвелъ къ Богу; плоть обременила, а разумъ окрылилъ; плоть заключила въ узы, а любовь разрѣшила ихъ. Всей душею стремись, дѣва, къ Богу! Одинъ и тотъ же законъ даю мужамъ и женамъ. Не представляй себѣ благомъ всего того, что кажется благомъ для многихъ,—ни рода, ни богатства, ни престола, ни господства, ни красоты, поставляемой въ доброцѣвности и стройности членовъ—этого игралища времени и болѣзней! Если ты всю силу любви истощила предъ Богомъ, если не два у тебя предмета любви, то-есть и скоронреходящее и постоянное, и видимое и невидимое; то уязвлена ли ты столько избранною стрѣлою, и познала ли красоту Жениха, чтобъ могла сказать словами брачнаго описанія и брачной пѣсни: Ты *сладость, и Весь желаніе* (Пѣсн. Пѣсн. 5, 16.)? Видите въ свинцовыхъ трубахъ за-

ключенные токи, какъ они, при сильномъ стѣсненіи и устремленіи къ одному мѣсту, до того часто отступаютъ отъ естественнаго свойства воды, что, давимые непрестанно сзади, устремляются вверхъ: такъ и ты, если сосредоточишь любовь и всецѣло сопряжешься со Христомъ, то будешь стремиться горѣ, а не падать долу, и не разливаться. Ты вся пребудешь Христова, пока наконецъ увидишь и Самого Христа, жениха твоего. Храни себя непреступною и въ словѣ и въ дѣлѣ, и въ жизни, и въ помыслахъ и движеніяхъ сердечныхъ; ибо лукавый отвсюду пытается, и все высматриваетъ, гдѣ низложить, гдѣ уязвить тебя, если найдетъ что незащищеннымъ и открытымъ для удара. Чѣмъ болѣе видитъ въ тебѣ чистоты, тѣмъ паче усиливается оквернить; потому что пятна виднѣе на чистой одеждѣ. Да не привлекаютъ взоръ взора, смѣхъ — смѣха, короткость обхожденія — ночныхъ сходбищъ, а ночь — погибели! Ибо по немногу отъемлемое и похищаемое, хотя въ настоящемъ производитъ ущербъ неощутительный, однако же въ послѣдствіи совершенно уничтожаетъ вещь.

Не вси, говоритъ, вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть. Когда слышишь: *имже дано;* не впадай отъ сего въ ересь, не вводи различныхъ естествъ: земныхъ, духовныхъ и среднихъ; ибо нѣкоторые держатся превратныхъ мнѣній, и думаютъ, что одни по самой природѣ назначены къ совершенной погибели, а другіе — къ спасенію, иные же въ такомъ состояніи поставлены, что собственный произволь ведетъ ихъ къ худому или къ доброду. И я согласенъ, что одинъ, въ сравненіи съ

другимъ, имѣть болѣе или менѣе способности; но одной способности не достаточно къ совершенству, и разумъ долженъ возбудить способность, чтобы природа пришла въ дѣятельность, подобно тому, какъ камень пирить, если ударяютъ въ него желѣзомъ, самъ дѣлается отъ того желѣзомъ. Когда слышишь: *имже дано есть*, присовокупляй: дано призываемымъ и имѣющимъ къ тому расположеніе; ибо когда слышимъ также: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16.), со-вѣтую тебѣ подразумѣвать то же. Поелику есть люди такъ высоко думающіе о своихъ заслугахъ, что все приписываютъ себѣ самимъ, а не Тому, Кто ихъ сотворилъ и умудрилъ, — не Подателю благъ; то Слово Божіе учитъ таковыхъ, что нужна Божія помощь и для того, чтобы пожелать добра; тѣмъ паче самое избраніе должнаго есть нѣчто Божественное, даръ Божія человѣколюбія. Ибо надобно, чтобы дѣло спасенія зависѣло какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога. Посему сказано: *ни хотящаго, то-есть ни одного хотящаго, ни текущаго только, но и милующаго Бога.* Потомъ, поелику и самое хотѣніе отъ Бога, то справедливо Апостоль все приписалъ Богу. Течешь ли, подвизаешься ли; все имѣешь нужду въ Дающемъ вѣнецъ. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущій его: и аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегущій его* (Пс. 126, 1.). Знаю, говоритъ онъ, что не отъ легкихъ въ бѣгу зависитъ бѣгъ, не отъ сильныхъ — война, не отъ ратоборцевъ — побѣда, и пристань не во власти искусныхъ пловцевъ; но отъ Бога и побѣду устроить и ладію ввести въ при-

стань. И можетъ-быть то, что говорится и разумѣется въ другомъ мѣстѣ, и что пришло мнѣ на мысль по случаю сказаннаго, нужно присовокупить здѣсь, чтобы и съ вами подѣлиться моимъ богатствомъ. Просила мать сыновъ Зеведеевыхъ, страдавшая чадолюбіемъ, и не знавшая мѣры просимаго, однако же извиняемая избыткомъ любви и благожеланіемъ, какое должно имѣть къ дѣтямъ; потому что нѣтъ ничего сердобольнѣе матери; и я говорю сіе, чтобы поставить въ обязанность — почитать матерей, — итакъ просила Іисуса мать сыновъ Зеведеевыхъ, чтобы одному сѣсть по правую, а другому по лѣвую Его руку. Что же Спаситель? Сперва спрашиваетъ: могутъ ли пить чашу, которую Самъ Онъ имѣетъ пить? А когда они сказали: можемъ, и Спаситель не воспротиворѣчилъ сему (ибо зналъ, что и ихъ та же чаша ведетъ, или, лучше сказать, приведетъ къ совершенству): тогда что говорить? Чашу испіють, а еже стѣсти одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Мое дати, говоритъ Онъ (Матѣ. 20, 23.), но иже дано есть. Итакъ ничего не значать: ни владычественный умъ, ни трудъ, ни слово, ни любомудріе, ни постъ, ни бдѣніе, ни возлежаніе на голой землѣ, ни источаемые потоки слезъ? все это ничего не значить? но по какому-то предъизбранію и Іеремія освящается, и иные отдѣляются еще во утробѣ матерней? Боюсь, чтобы не присоединилась къ сему нелѣпная мысль, будто бы душа имѣла другую жизнь, а потомъ уже соединена съ симъ тѣломъ, и за тамошнюю жизнь одни получаютъ здѣсь даръ пророчества, а другіе, жившіе тамъ худо, осуждаются.

Но поелику допустить сіе крайне нелѣпо и несообразно съ ученіемъ Церкви (хотя другіе и забавляются такими ученіями, но намъ забавляться подобными толками не безопасно); то и въ семъ мѣстѣ къ словамъ: *имже даю есть*, присовокупилъ: то-есть достойнымъ; а то, чтобы стать достойными, не только получили они отъ Отца, но и сами себѣ дали.

Суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родившася и пр. (ст. 12.). Очень желалъ бы я сказать о скопцахъ что-нибудь сильное. Не высоко думайте о себѣ, скопцы по природѣ! можетъ быть, что вы и произвольно цѣломудренны; потому что цѣломудріе ваше не подвергалось искушенію и не доказано опытомъ. Что сдѣлано добраго по естественному влеченію, то не заслуживаетъ одобренія; а что сдѣлано по свободному произволенію, то похвально. Какая честь огню, что онъ жжетъ? жечь — природное его свойство. Или водѣ, что течетъ внизъ? это свойство дано ей отъ Творца. Какая честь снѣгу, что онъ холоденъ? Солнцу, что свѣтитъ? оно свѣтитъ и по неволѣ. Покажи мнѣ, что желаешь добра. А сіе покажешь, если, будучи плотскимъ, сдѣлаешься духовнымъ; если, увлекаемый долу тяжестію плоти, окрылишься умомъ; если ты, рожденный низкимъ, окажешься небеснымъ; если ты, связанный плотью, явишься выше плоти. И такъ, поелику не похвально рузумѣть сіе объ одномъ тѣлесномъ: то требую отъ скопцевъ чего-то инаго. Не прелюбодѣйствуйте въ отношеніи къ Божеству! Сочетавшіеся Христу, не безчестите Христа! Совершившіеся Духомъ, не дѣлайте Духа равночестнымъ себѣ! *Аще быхъ еще чловѣкомъ угождалъ*, говоритъ Павелъ,

Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ (Гал. 1, 10.); если бы служилъ твари, не назывался бы Христіаниномъ. Ибо почему важно названіе Христіанина? Не потому ли, что Христосъ есть Богъ (если только принимаю сіе наименованіе не по страсти, какъ чело-вѣкъ, привязанный ко Христу земною любовію)? Хотя и Петра почитаю, однако же не называюсь Петріаниномъ; почитаю и Павла, но никогда еще не назывался Павліаниномъ. Я не согласенъ заим-ствовать наименованіе отъ чело-вѣка, будучи сотво-ренъ отъ Бога. Такимъ образомъ, если называешься Христіаниномъ по тому, что Христа признаешь Бо-гомъ, то и называйся и будь Христіанинъ и име-немъ и дѣломъ. — А если называешься отъ имени Христова потому, что любишь Христа; то припи-сываешь Ему не болѣе, какъ если бы усвоилъ Ему одно изъ другихъ названій, какія даются людямъ по роду занятія, или промысла. Видите сихъ ревни-телей конскихъ ристаній: они получаютъ названіе по цвѣту и по той сторонѣ, на которой становятся. Но вамъ извѣстны имена сіи и безъ моего напоми-нанія. Если въ такомъ же смыслѣ называешься ты и Христіаниномъ; то весьма маловажно твое име-нованіе, хотя бы ты и гордился имъ. А если име-нуешься въ томъ смыслѣ, что Христа исповѣдуешь Богомъ, то докажи дѣлами свое исповѣданіе. Если Богъ тварь, то и доселѣ служишь ты твари, а не Творцу. Если Духъ Святой тварь, то напрасно ты крестился, и хотя по двумъ частямъ ты здоровъ (лучше же сказать, и по тѣмъ не здоровъ), однако же по одной находишься въ крайней опасности. Представь, что Троица есть одна жемчужина, отсюду

имѣющая одинакій видъ и равный блескъ: если одна какая-нибудь часть сей жемчужины будетъ повреждена; то утратится вся пріятность камня. Когда безславишь Сына, чтобы почтить Отца; Отець не пріемлетъ твоего чествованія. Не прославится Отець безславіемъ Сына. Если *сынъ премудръ все-литъ отца* (Притч. 10, 1.); то тѣмъ паче честь сына не будетъ ли честію и для отца? А если принимаешь и сіе: *чадо, не славися въ безчестіи отца* (Сир. 3, 10.); то равно и отецъ не прославится безславіемъ сына. Если безчестишь Святаго Духа, то и Сынъ не принимаетъ твоего чествованія; ибо Духъ и не какъ Сынъ отъ Отца, однако отъ тогоже Отца. Или всему воздай честь, или цѣлое обезчести, чтобы по крайней мѣрѣ показать согласный съ самимъ собою умъ. Не принимаю твоего половиннаго благочестія; хочу, чтобы ты всецѣло былъ благочестивъ (и какъ еще желаю сего! прости движению сердца; болѣзную и за ненавидящихъ!). Ты былъ моимъ членомъ, и хотя теперь отсѣченъ, но можетъ-быть опять будешь членомъ; потому и говорю снисходительно.—Вотъ что для скопцевъ, чтобы хранили цѣломудріе въ-разсужденіи Божества; ибо блудомъ и прелюбодѣніемъ называется не только грѣхъ въ-разсужденіи тѣла, но и всякій грѣхъ, особенно же беззаконіе въ-разсужденіи Божества. Можетъ-быть спросишь: чѣмъ сіе докажемъ? Сказано: *соблудиша въ начинаніяхъ своихъ* (Пс. 105, 39.). Здѣсь видишь и безстыдное дѣло блуда. Сказано также: *и соблудиша съ древомъ* (Іер. 3, 9.). Видишь, что есть и религія (*догма*) прелюбодѣйная. Итакъ, сохраняя тѣлесное цѣломудріе, не любодѣй-

ствуй душевно. Не заставляй заключать, что ты не-вольно соблюдаешь цѣломудріе плотское; потому что не цѣломудренъ въ томъ, въ чемъ имѣешь возможность быть блудникомъ. Для чего вы сотворили нечестіе ваше? Для чего всё стремитесь къ злу такъ, что стало уже одно и то же именоваться или скопцемъ, или нечестивымъ? Пріобщитесь къ мужамъ, разсуждайте наконецъ, какъ свойственно мужу. Убѣгайте женскихъ собраній, къ позорному имени не присовокупляйте срамнаго ученія. Угодно ли, чтобы еще продолжилъ я слово, или довольно уже и сказаннаго? Впрочемъ да будутъ почтены и скопцы послѣдующими словами Христовыми; ибо служатъ къ ихъ похвалѣ.

Суть бо скопцы, говоритъ Христось, иже изъ чрева матерня родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ чловѣкъ; и суть, иже исказиша сами себе, царствія ради небснаго: могій вмѣстити, да вмѣститъ (ст. 12.). Мнѣ кажется, что слово, уклоняясь отъ тѣлеснаго, посредствомъ тѣлеснаго изображаетъ высшее; ибо мало, даже можетъ-быть крайне слабо и не достойно слова было остановить понятіе на тѣлесныхъ только скопцахъ; а мы должны представлять себѣ нѣчто достойное духа. Итакъ одни кажутся отъ природы расположенными къ добру. Когда говорю: отъ природы, не унижаю тѣмъ произволенія, но предполагаю то и другое, и склонность къ добру, и волю, которая приводитъ въ дѣйствіе естественную склонность. А другіе таковы, что ихъ очищаетъ ученіе, отсѣкая въ нихъ страсти; и ихъ-то разумѣю подъ скопцами, *иже скопишася отъ чловѣкъ;*

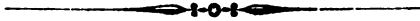
когда наставническое слово, отдѣляя доброе отъ худаго, и, одно устраняя, а другое предписывая (какъ напр. въ заповѣди: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Пс. 33, 15.)), созидаетъ въ нихъ духовное цѣломудріе. Хвалю и сей родъ скопцевъ, даже весьма хвалю какъ наставниковъ, такъ и наставляемыхъ, первыхъ за то, что умѣютъ отсѣкать, а послѣднихъ за то, что еще лучше переносятъ отсѣченіе. *И суть, иже исказиша сами себе царствія ради небснаго.* Иные не имѣли наставниковъ, но сами для себя сдѣлались похвальными наставниками. Не учила тебя мать, чему должно, не училъ отецъ, ни священникъ, ни Епископъ, ни кто-либо другой изъ тѣхъ, кому поручено учить, но ты самъ, приведя въ дѣйствіе разумъ, свободно волей воспламенивъ искру добра, исказилъ себя, отсѣкъ корень, истребилъ орудія грѣха, пріобрѣлъ такой навѣкъ въ добродѣтели, что для тебя стало почти уже невозможнымъ устремляться къ злу. Посему хвалю и сей родъ скопцевъ, даже еще болѣе, нежели другіе роды.

Могій въмстити, да въмститъ. Избери, что угодно: или послѣдуй учителю, или самъ для себя будь учителемъ. Одно только постыдно, если не будутъ отсѣчены страсти; а къмъ бы ни были отсѣчены, не полагай въ томъ различія. Ибо и наставникъ есть тварь Божія, и ты отъ Бога. Хотя наставникъ предвосхитить у тебя честь, хотя добро будетъ собственнымъ твоимъ дѣломъ; въ обоихъ случаяхъ оно одинаково добро: отсѣчемъ только отъ себя страсти, *да не кій корень горести, выспрь прозябай, пакость сотворитъ* (Евр. 12, 15.), будемъ

только послѣдовать образу, станемъ только чтить Первообразъ. Отсѣки тѣлесныя страсти, отсѣки и душевныя; ибо чѣмъ душа честнѣе тѣла, тѣмъ честнѣе очищать душу, нежели тѣло. Если и очищеніе тѣла есть одно изъ похвальныхъ дѣлъ; то смотри, сколь важнѣе и выше очищеніе души. Отсѣки Аріево нечестіе, отсѣки Савелліево зловѣріе, и не соединяй паче надлежащаго, и не раздѣлай злочестиво; не совокупляй во едино Лице Трехъ, и не дѣлай Трехъ инаковыхъ по естеству. Похвально исповѣдывать Единое, если хорошо разумѣешь единство; похвально исповѣдывать и Трехъ, если правильно раздѣляешь, то-есть допускаешь раздѣленіе Лицъ, а не Божества. Сіе предписываю мірянамъ, сіе зановѣдую священникамъ, а равно и тѣмъ, которымъ ввѣрено начальство. Вспомоществуйте слову всѣмъ, кому дана отъ Бога возможность вспомоствовать. Великое дѣло воспрепятствовать убійству, наказывать прелюбодѣяніе, обуздать хищничество; несравненно выше внушить благочестіе и преподать здравое ученіе. Не столько силы будетъ имѣть мое слово, подвизающееся за Святую Троицу, сколько твое повелѣніе, если ты заградишь злонамѣреннымъ уста, поможешь гонимымъ, остановишь убійцъ, воспрепятствуешь убійству; разумію не одно тѣлесное, но и душевное убійство; ибо всякій грѣхъ есть смерть души.

Симъ да окончится слово; остается еще просьба къ собравшимся здѣсь. Мужи и жены, начальники и подчиненные, старцы, юноши и дѣвы, люди всякаго возраста! переносите всякій ущербъ, касающійся имущества или и тѣла; одного только не потеряйте,

чтобы понесло ущербъ ученіе о Божествѣ. Покланяюсь Отцу, покланяюсь Сыну, покланяюсь Духу Святому, лучше же сказать, я, который говорю сіе, покланяюсь и прежде всѣхъ, и послѣ всѣхъ васъ, и со всѣми вами, о самомъ Господѣ Христѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 38,

НА ВОЗОЯВЛЕНІЕ ИЛИ НА РОЖДЕСТВО СПАСИТЕЛЯ.

Христось раждается; славьте! Христось съ небесъ; выходите въ срѣтеніе! Христось на землѣ; возноситесь! *Воспойте Господеви вся земля* (Пс. 95, 1.)! И скажу обоимъ въ совокупности: *да возвеселятся небеса, и радуется земля* (11.) ради Небеснаго, и потомъ Земнаго! Христось во плоти; съ трепетомъ и радостію возвеселитесь, — съ трепетомъ по причинѣ грѣха, съ радостію по причинѣ надежды. Христось отъ Дѣвы; сохраняйте дѣвство, жены, чтобы стать вамъ матерями Христовыми! Кто не покланяется Сущему отъ начала? кто не прославляетъ Последняго? Опять разсѣивается тма, опять является свѣтъ; опять Египеть наказанъ тмою, опять Израиль озаренъ столцомъ. *Людіе, судящии во тмѣ невѣдѣнія, да видятъ велій свѣтъ вѣдѣнія* (Матѣ. 5, 16.). *Древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17.). Буква уступаетъ, духъ преобладаетъ; тѣни проходятъ, ихъ мѣсто заступаетъ истина. Приходитъ Мельхиседекъ; рожденный безъ матери раждается безъ отца, — въ первый разъ безъ матери, во второй безъ отца. Наруша-

ются законы естества; міръ горній долженъ наполниться. Христось повелѣваетъ, не будемъ противиться. *Вси языцы восплещитѣ руками* (Пс. 46, 2.); *яко отроча родися намъ, Сынъ, и дадѣся намъ, Егоже начальство на рампъ Его*, ибо возносится со крестомъ, и нарицается имя *Его*: велика совѣта — совѣта Отчаго Ангель (Ис. 9, 6.). Да провозглашаетъ Іоаннъ: *уготовайте путь Господень* (Матѣ. 3, 3.): И я провозглашу силу дня. Безплотный воплощается, Слово отвердѣваетъ, Невидимый становится видимымъ, Неосязаемый осязается, Безлѣтний начинается, Сынъ Божій дѣлается сыномъ человѣческимъ; *Иисусъ Христось вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8.).

Пусть Іудеи соблазняются, Еллины смѣются, еретики притупляютъ языкъ! Тогда они увѣруютъ, когда увидятъ Его восходящимъ на небо; если же и не тогда, то непременно, когда узрятъ Его грядущаго съ неба и возсѣдшаго судить. Но сіе будетъ послѣ; а нынѣ праздникъ Богоявленія, или Рождества; ибо такъ и иначе называется день сей, и два наименованія даются одному торжеству: потому что Богъ явился человѣкамъ чрезъ рожденіе. Онъ — Богъ, какъ Суцій и Присносуцій отъ Присносуціаго, превысшій вины и слова (потому что нѣтъ слова, которое было бы выше Слова); и Онъ является ради насъ, родившійся въ-послѣдствіи, чтобы Тотъ, Кто даровалъ бытіе, даровалъ и благобытіе, лучше же сказать, чтобы мы, ниспадшіе изъ благобытія чрезъ грѣхъ, снова возвращены были въ оное чрезъ воплощеніе. А отъ явленія наименованіе Богоявленія, и отъ рожденія — Рождества.

Таково наше торжество; сіе празднуемъ мынѣ—пришествіе Бога къ человѣкамъ, чтобы намъ поселиться, или (точнѣе сказать) возвратиться къ Богу, да, отложивъ ветхаго человѣка, облечемся въ новаго (Ефес. 4, 22. 23.), и какъ умерли въ Адамѣ, такъ будемъ жить во Христѣ (1 Кор. 15, 22.), со Христомъ раждаемые, распинаемые, спогребаемые и совозстающіе. Ибо мынѣ необходимо претерпѣть сіе спасительное измѣненіе, чтобы, какъ изъ пріятнаго произошло скорбное, такъ изъ скорбнаго вновь возникло пріятное. *Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. 5, 20.). И если вкушеніе было виною осужденія; то не тѣмъ ли паче оправдало Христово страданіе?

Итакъ будемъ праздновать не пышно, но божественно, не по-мірскому, но премірно, не нашъ праздникъ, но праздникъ Того, Кто сталъ нашимъ, лучше же сказать, праздникъ нашего Владыки, не праздникъ немоществованія, но праздникъ уврачеванія, не праздникъ созданія, но праздникъ возсозданія. Какъ же исполнить сіе? Не будемъ вѣнчать преддверія домовъ, составлять лики, украшать улицы, пресмыцать зрѣніе, оглашать слухъ свирѣльями, нѣжить обоняніе, оскернять вкусъ, тѣшить осязаніе—эти краткіе пути къ пороку, эти врата грѣха. Не будемъ уподобляться женамъ, ни мягкими и волнующимися одеждами, которыхъ все изящество въ бесполезности, ни игрою камней, ни блескомъ золота, ни ухищреніемъ подкрашиваній, приводящихъ въ подозрѣніе естественную красоту, и изобрѣтенныхъ въ поруганіе образа Божія. Не будемъ вдаваться въ козлогласованія и піянства,

съ которыми, какъ знаю, сопряжены *любодѣянія и студодѣянія* (Римл. 13, 13.); ибо у худыхъ учителей и уроки худы, или лучше сказать, отъ негодныхъ сѣмень и нивы негодны. Не будемъ устилать древесными вѣтвями высокихъ ложей, устраоя роскошныя трапезы въ угожденіе чреву; не будемъ высоко цѣнить благоуханія винъ, поварскихъ приправъ, и многоцѣнности мастей. Пусть ни земля, ни море не приносятъ намъ въ даръ дорогой грязи — такъ научился я величать предметы роскоши! Не будемъ стараться превзойдти другъ друга невоздержностію (а все то, что излишне и сверхъ нужды, по моему мнѣнію, есть невоздержность), особенно, когда другіе, созданные изъ одного съ нами брѣнія и состава, алчуть и терпятъ нужду. Напротивъ того предоставимъ все сіе язычникамъ, языческой пышности и языческимъ торжествамъ. Они и богами именуютъ услаждающихся тукомъ, а сообразно съ симъ служатъ божеству чревоугодіемъ, какъ лукавые изобрѣтатели, жрецы и читатели лукавыхъ демоновъ. Но если чѣмъ должно насладиться намъ, которые поклоняемся Слову; то насладимся словомъ и Божіимъ закономъ, и сказаніями какъ объ иномъ, такъ и о причинахъ настоящаго торжества, чтобы наслажденіе у насъ было собственное свое, и не чуждое Созвавшему насъ.

Или, если угодно, я, который нынѣ у васъ распорядителемъ пира, вамъ — добрымъ соучастникамъ пира предложу о семъ слово, сколько могу, обильно и щедро, чтобы вы знали, какъ можетъ пришлецъ угощать природныхъ жителей, поселаннѣй — городскихъ обитателей, не знакомый съ роскошію —

роскошныхъ, бѣднякъ и бездомовный — знаменитыхъ по обилію. Начну же съ сего: желающіе насладиться предложеннымъ да очистятъ и умъ, и слухъ, и сердце; потому что у меня слово о Богѣ и Божіе, да очистятъ, чтобы выйдти отсель, насладившись дѣйствительно не чѣмъ-нибудь тщетнымъ. Самое же слово будетъ и весьма полно и вмѣстѣ весьма кратко, такъ что ни скудостію не огорчить, ни излишествомъ не наскучить.

Богъ всегда былъ, есть и будетъ, или, лучше сказать, всегда есть; ибо слова: былъ и будетъ, означаютъ дѣленія нашего времени и свойственны естеству переходящему: а Сущій — всегда. И симъ именемъ именуеть Онъ Самъ Себя, бесѣдуя съ Моисеемъ на горѣ; потому что сосредоточиваетъ въ Себѣ Самомъ всецѣлое бытіе, которое не начиналось и не прекратится. Какъ нѣкое море сущности, неопредѣлимое и безконечное, простирающееся за предѣлы всякаго представленія о времени и естествѣ, однимъ умомъ (и то весьма неясно и недостаточно, не въ-разсужденіи того, что есть въ Немъ Самомъ, но въ-разсужденіи того, что окрестъ Его), чрезъ набрасываніе нѣкоторыхъ очертаній, отбѣняется Онъ въ одинъ какой-то обликъ дѣйствительности, убѣгающій прежде, нежели будетъ уловленъ, и ускользящій прежде, нежели умопредставленъ, столько же осіявающій владычественное въ насъ, если оно очищено, сколько быстрота летящей молніи осіяваетъ взоръ. И сіе, кажется мнѣ, для того, чтобы постигаемымъ привлекать къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а не постижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ

удивленіе же возбуждать большее желаніе, и чрезъ желаніе очищать, и чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными; а когда сдѣлаемся такими, уже бесѣдовать какъ съ присными (дерзнетъ слово изречь нѣчто смѣлое)—бесѣдовать Богу, вступившему въ единеніе съ богами и познанному ими, можетъ быть столько же, сколько Онъ знаетъ познанныхъ Имъ (1 Кор. 13, 12.).

Итакъ Божество безпредѣльно и неудобосозерцаемо. Въ Немъ совершенно постижимо сіе одно—Его безпредѣльность; хотя иной и почитаетъ принадлежностію естества — быть или вовсе непостижимымъ, или совершенно постижимымъ. Но изслѣдуемъ, что составляетъ сущность простаго естества; потому что простота еще не составляетъ его естества, точно такъ же, какъ и въ сложныхъ существахъ не составляетъ естества одна только сложность. Разумъ, рассматривая безпредѣльное въ двухъ отношеніяхъ—въ отношеніи къ началу и въ отношеніи къ концу (ибо безпредѣльное простирается далѣе начала и конца, и не заключается между ними), когда устремляетъ взоръ свой въ горнюю бездну, и не находитъ на чемъ остановиться и гдѣ положить предѣлъ своимъ представленіямъ о Богѣ, тогда безпредѣльное и неизслѣдимое называетъ безначальнымъ; а когда, устремившись въ дольную бездну, испытываетъ подобное прежнему, тогда называетъ Его безсмертнымъ и нетлѣннымъ; когда же сводитъ въ единство то и другое, тогда именуетъ вѣчнымъ; ибо вѣчность не есть ни время, ни часть времени; потому что она неизмѣрима. Но что для насъ время, измѣряемое теченіемъ солнца, то для

вѣчныхъ вѣчность, нѣчто спротяженное съ вѣчными существами, и какъ-бы нѣкоторое временное движеніе и разстояніе.

Симъ да ограничится нынѣ любомудрствованіе наше о Богѣ, потому что нѣтъ времени болѣе распространяться, и предметъ моего слова составляетъ не Богословіе, но Божіе домостроительство. Когда же именую Бога, разумѣю Отца и Сына и Святаго Духа, какъ не разливая Божества далѣе сего числа Лиць, чтобы не ввести множества боговъ, такъ не ограничивая меньшимъ числомъ, чтобы не осуждали насъ въ скудости Божества, когда впадемъ или въ іудейство, защищая единоначаліе, или въ язычество, защищая многоначаліе. Въ обоихъ случаяхъ зло равно, хотя отъ противоположныхъ причинъ. Таково Святое Святыхъ, закрываемое и отъ самыхъ Серафимовъ, и прославляемое тремя Святинями, которыя сходятся въ единое Господство и Божество, о чемъ другой нѣкто прекрасно и весьма высоко любомудрствовалъ прежде насъ.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было какъ можно большее (ибо сіе свойство высочайшей Благости), то Богъ измышляетъ во-первыхъ Ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой Свѣтлости, разумѣть ли подъ ними или разумныхъ духовъ, или какъ-бы невещественный и безплотный огонь, или другое какое естество наиболѣе

близкое къ сказаннымъ. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны на зло и имѣютъ одно движеніе къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и непосредственно озаряемые отъ Бога (ибо земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать и называть ихъ не неподвижными, а неудободвижными, убѣждаетъ меня денница по свѣтлости, а за превозношеніе ставшій и называемый тмою, съ подчиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, и насъ въ оное вовлекаютъ. Такъ и по такимъ причинамъ сотворенъ Богомъ умный міръ, сколько могу о семъ любомудрствовать, малымъ умомъ взвѣсивая великое. Поелику же первыя твари были Ему благоугодны; то измышляетъ другой міръ—вещественный и видимый; и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, а еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ и одно къ другому и все ко всему состоятъ въ прекрасномъ отношеніи, служа къ полнотѣ единого міра. А симъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное Себѣ, но и совершенно чуждое естество. Сродны же Божеству природы умныя и однимъ умомъ постигаемыя, совершенно же чужды твари подлежащія чувствамъ, а изъ сихъ послѣднихъ еще далѣе отстоятъ отъ Божественнаго естества твари вообще неодушевленные и недвижимыя.

Но что намъ до сего? — скажетъ, можетъ-быть, какой-нибудь чрезъ мѣру ревностный любитель праздноковъ. Гони коня къ цѣли — любомудрствуй о томъ,

что относится къ празднику, и для чего мы собрались нынѣ. — Такъ и сдѣлаю, хотя началъ нѣсколько отдаленно, къ чему принужденъ усердіемъ и словомъ.

Итакъ умъ и чувство, столько различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ, и изразили собою величіе Зиждительнаго Слова, какъ безмолвные хранители и первые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противоположныхъ — сего опыта высшей Премудрости, сея щедрости въ образованіи естество; и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотѣвъ и сіе показать, Художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, то-есть невидимое и видимая природа; созидаетъ, говорю, человека, и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ разумной души и образа Божія), творить какъ-бы нѣкоторый второй міръ — въ маломъ великій; поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ, подчиненнаго горнему царству, земнаго и небснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго, ангела, который занимаетъ средину между величіемъ и низостию, одинъ и тотъ же есть духъ и плоть — духъ ради благодати, плоть ради превозношенія, духъ, чтобы пребывать и прославлять Благодѣтеля, плоть, чтобы страдать, и страдая припоминать и поучаться, сколько ущедренъ онъ величіемъ; тво-

рять живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной міръ, и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣренный здѣсь свѣтъ истины служить для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божию, достойную Того, Кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совокупить превосходнѣйшимъ образомъ.

Сего человѣка, почтивъ свободу, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ рай (что бы ни означалъ сей рай) дѣлательемъ безсмертныхъ растений—можетъ-быть божественныхъ помысловъ, какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ; поставилъ нагимъ по простотѣ и безыскусственной жизни, безъ всякаго покрова и огражденія; ибо таковымъ надлежало быть первозданному. Даетъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растениями ему пользоваться, и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо познанія, и насажденное въ-началѣ не злонамѣренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзаютъ при семь устъ богоборцы и да не подражаютъ змію!); напротивъ оно было хорошо для употребляющихъ благовременно (потому что древо сіе, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно могутъ приступать только опытно усовершеншіеся), но не хорошо для простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своемъ желаніи; подобно какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока.

Когда же, по зависти діавола и по обольщенію

жены, которому она сама подверглась какъ слабѣйшая, и которое произвела какъ искусная въ убѣжденіи (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человѣкъ забылъ данную ему заповѣдь, и побѣжденъ горькимъ вкушеніемъ: тогда чрезъ грѣхъ дѣлается онъ изгнанникомъ, удаляемымъ въ одно время и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога; облекается въ кожаныя ризы (можетъ-быть въ грубѣйшую, смертную и противоборствующую плоть), въ первый разъ познаетъ собственный стыдъ, и укрывается отъ Бога. Впрочемъ и здѣсь пріобрѣтаетъ нѣчто, именно смерть — въ пресѣченіе грѣха, чтобы зло не стало бессмертнымъ. Такимъ образомъ самое наказаніе дѣлается человеколюбимъ. Ибо такъ, въ чемъ я увѣренъ, наказываетъ Богъ.

Но въ прегражденіе многихъ грѣховъ, какіе произрасталъ корень поврежденія отъ разныхъ причинъ и въ разные времена, человѣкъ и прежде вразумляемъ былъ многообразно: словомъ, Закономъ, Пророками, благодѣянiями, угрозами, карами, наводненіями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями небесными, знаменіями въ воздухъ, на землѣ, на морѣ, неожиданными переворотами въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ (все сіе имѣло цѣлю загладить поврежденіе); наконецъ стало нужно сильнѣйшее врачество, по причинѣ сильнѣйшихъ недуговъ: человекоубійствъ, прелюбодѣяній, клятвопреступленій, муженейства, и сего послѣдняго и перваго изъ всѣхъ золъ — идолослуженія и поклоненія твари вмѣсто Творца. Поелику все сіе требовало сильнѣйшаго пособія; то и подается сильнѣйшее.

И оно было слѣдующее: само Божіе Слово, превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, начало отъ начала, свѣтъ отъ свѣта, источникъ жизни и безсмертія, отпечатокъ первообразной Красоты, печать непереносимая, образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ Своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоноситъ Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ (ибо надлежало и рожденіе почитать, и дѣвство предпочесть); однако же происшедшій есть Богъ и съ воспринятымъ отъ Него (а) —единое изъ двухъ противоположныхъ — плоти и Духа, изъ которыхъ Одинъ обожилъ, а другая обожена.

О новое смѣшеніе! О чудное раствореніе! Сый начинаетъ бытіе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется чрезъ разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою плотію; Богатѣйшій обнищаетъ — обнищаетъ до плоти моей, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается — истощается не на-долго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полноты Его. Какое богатство благости! Чтò это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій, и не сохранилъ Его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо

(а) Человѣческимъ естествомъ.

чуднѣе перваго, поколику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспринимаетъ худшее; но сіе боголѣпнѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ!

Что скажутъ намъ на сіе клеветники, злые цѣ-
нители Божества, порицатели достохвальнаго, объ-
ятые тмою при самомъ Свѣтѣ, невѣжды при самой
Мудрости, тѣ, за которыхъ Христосъ напрасно
умеръ, неблагодарныя твари, созданія лукаваго?
Это ставишь ты въ вину Богу — Его благодѣяніе?
Потому Онъ малъ, что для тебя смирилъ Себя? что
къ заблудшей овцѣ пришелъ *Пастырь добрый, по-
лагающій душу за овцы* (Іоан. 10, 11.); пришелъ
на тѣ горы и холмы, на которыхъ приносилъ ты
жертвы, и что обрѣлъ заблудшаго, и обрѣтеннаго
воспріалъ на тѣ же рамена (Лук. 15, 4. 5.), на ко-
торыхъ понесъ крестное древо, и воспринятаго
опять привелъ къ горней жизни, и приведеннаго
сопричислилъ къ пребывающимъ въ чинѣ своемъ?
что *возжегъ свѣтильникъ* — плоть Свою, и *помель
храмину* — очищая міръ отъ грѣха, и *сыскалъ драх-
му* — Царскій образъ, заваленный страстями; по об-
рѣтеніи же драхмы созываетъ пребывающія въ люб-
ви Его Силы, дѣлаетъ участниками радости тѣхъ,
которыхъ сдѣлалъ таинниками Своего домострои-
тельства (Лук. 15, 8. 9.)? что лучезарнѣйшій Свѣтъ
слѣдуетъ за предтекшимъ свѣтильникомъ, Слово —
за гласомъ, Женихъ — за невѣстоводителемъ, приго-
товляющимъ Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14.)
и предочищающимъ водою для Духа? Сіе ставишь
въ вину Богу? За то почитаешь Его низшимъ, что
препоасуется лентіемъ (Іоан. 13, 4. 5.) и умыва-
етъ ноги учениковъ, и указываетъ совершеннѣйшій

путь къ возвышенію—смирение? что смиряется ради души преклонившейся до земли, чтобы возвыситься съ Собою склоняемое долу грѣхомъ? Какъ не поставишь въ вину того, что Онъ ѣсть съ мытарями и у мытарей, что учениками имѣеть мытарей, да и Самъ пріобрѣтетъ нѣчто? Что же пріобрѣтетъ? Спасеніе грѣшниковъ. Развѣ и врача обвинить иной за то, что наклоняется къ ранамъ и терпитъ зловоніе, только бы подать здравіе болящимъ? обвинить и того, кто изъ состраданія наклонился къ ямѣ, чтобы, по закону (Исх. 23, 2. Лук. 14, 5.), спасти упавшій въ нее скоть?

Правда, что Онъ былъ посланъ, но какъ человекъ (потому что въ Немъ два естества; такъ Онъ утомлялся, и алкалъ, и жаждалъ, и былъ въ бореніи, и плакалъ—по закону тѣлесной природы); а если посланъ и какъ Богъ, что изъ сего? Подъ посольствомъ разумѣй благоволеніе Отца, къ Которому Онъ относитъ дѣла Свои, чтобы почтить безлѣтное начало, и не показаться противникомъ Богу. О Немъ говорится, что преданъ (Рим. 4, 25.); но написано также, что и Самъ Себя предалъ (Еф. 5, 2. 25.). Говорится, что Онъ воскрешенъ Отцемъ и вознесенъ (Дѣян. 3, 15. Дѣян. 1, 11.); но написано также, что Онъ Самъ Себя воскресилъ, и восшелъ опять на небо (1 Сол. 1, 14. Еф. 4, 10.),—первое по благоволенію, второе по власти. Но ты выставляешь на видъ уничижительное, а преходишь молчаніемъ возвышающее. Разсуждаешь, что Онъ страдалъ, а не присвокупаешь, что страдалъ добровольно. Сколько и нынѣ страждетъ Слово! Одни чтутъ Его какъ Бога, и сливаютъ; другіе безчестятъ Его какъ плоть,

и отдѣляютъ. На которыхъ же болѣе прогнѣвается Онъ, или, лучше сказать, которымъ отпустить грѣхъ? Тѣмъ ли, которые сливаются, или тѣмъ, которые разсѣкаютъ злочестиво? Ибо и первымъ надлежало раздѣлить, и послѣднимъ соединить, — первымъ относительно къ числу, послѣднимъ относительно къ Божеству. Ты соблазняешься плотію? И Иудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и Самаряниномъ? О томъ, что далѣе, умолчу. Ты не вѣруешь въ Божество Его? Но въ Него и бѣсы вѣровали, о ты, который невѣрнѣе бѣсовъ и несознательнѣе Иудеевъ! Одни наименованіе Сына признавали означющимъ равночестіе; а другіе въ изгоняющемъ узнавали Бога; ибо убѣждало въ этомъ претерпѣваемое отъ Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповѣдуешь въ Немъ. Лучше было бы тебѣ обрѣзаться и стать бѣсноватымъ (скажу иѣчто смѣшное), нежели въ необрѣзаніи и въ здоровомъ состояніи дѣлать лукавыя и безбожныя мысли.

Вскорѣ потомъ увидишь и очищающагося во Иорданѣ Иисуса — мое очищеніе, или, лучше сказать, чрезъ сіе очищеніе дѣлающаго чистыми воды; ибо не имѣлъ нужды въ очищеніи Самъ Онъ — *вземляя грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29.); увидишь и *разводящіяся небеса* (Мар. 1, 10.); увидишь, какъ Иисусъ и пріемлетъ свидѣтельство отъ сродственнаго Ему Духа, и искушается, и побѣждаетъ, и окруженъ служащими Ему Ангелами, и *исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язю* (Матѳ. 4, 23.), и животворитъ мертвыхъ (о если бы оживотворилъ и тебя — умершаго зловѣріемъ!), и изгоняетъ бѣсовъ, то Самъ, то чрезъ

учениковъ, и не многими хлѣбами насыщаетъ тысячи, и ходить по морю, и предается, и распинается, и сораспинаетъ мой грѣхъ, приводится какъ агнецъ, и приводитъ какъ Іерей, какъ человѣкъ погребается, и возстаетъ какъ Богъ, а потомъ и восходитъ на небо, и придетъ со славою Своею. Сколько торжество доставляетъ мнѣ каждая тайна Христова! Во всѣхъ же въ нихъ главное одно — мое совершение, возсозданіе и возвращеніе къ первому Адаму!

А теперь почти чревоношеніе, и скажи, если не какъ Іоаннъ во чревѣ, то какъ Давидъ при упокоеніи Кивота; уважь перепись, по которой и ты вписанъ на небесахъ; поклоняйся рождеству, чрезъ которое освободился ты отъ узъ рожденія; воздай честь малому Вилеему, который опять привелъ тебя къ Раю; преклонись предъ яслями, чрезъ которыя ты, содѣлавшійся безсловеснымъ, воспитанъ Словомъ. *Познай* (повелѣваетъ тебѣ Ісаія), какъ *волъ Стяжавшаго*, и какъ *осель ясли Господина своего* (Ис. 1, 3.). Принадлежишь ли къ числу чистыхъ, и законныхъ, и *отрыгающихъ жваніе* (Лев. 11, 41.) слова, и годныхъ въ жертву, или къ числу еще нечистыхъ, не употребляемыхъ ни въ пищу, ни въ жертву, и составляешь достояніе язычества; иди со звѣздой, принеси съ волхвами дары — золото, и ливанъ, и смирну — какъ Царю, и какъ Богу, и какъ умершему ради тебя; прославь съ пастырями, ликуй съ Ангелами, воспой съ Архангелами; да составитя общее торжество небесныхъ и земныхъ Силъ. Ибо я увѣренъ, что небесныя Силы радуются и торжествуютъ нынѣ съ нами;

потому что онъ человеколюбивъ и боголюбивъ, — какъ и Давидъ представляетъ ихъ восходящими со Христомъ по страданіи Его, срътающимися и повелѣвающими другъ другу *взять врата* (Пс. 23, 7.). Одно только можешь ненавидѣть изъ бывшаго при Рождествѣ Христовомъ — это Иродово дѣтоубійство; лучше же сказать, и въ немъ почти жертву единоплѣтныхъ со Христомъ, предварившую новое закланіе. Бѣжить ли Христосъ во Египетъ, съ Нимъ и ты охотно бѣги. Хорошо бѣжать со Христомъ гонимымъ. Замедлитъ ли Онъ во Египтѣ, призывай Его изъ Египта, воздавая Ему тамъ доброе поклоненіе. Шествуй непорочно по всѣмъ возрастамъ и силамъ Христовымъ. Какъ Христовъ ученикъ, очистишь, обрѣжешься, отними лежащее на тебѣ съ рожденія покрывало; потомъ учи въ храмѣ, изгони торгующихъ святынею. Претерпи, если нужно, побитіе камнями; очень знаю, что укроешься отъ мещущихъ камни, и прейдешь посреди ихъ, какъ Богъ; потому что слово не побивается камнями. Приведенъ ли будешь къ Ироду; не отвѣчай ему больше. Твое молчаніе уважитъ онъ болѣе, нежели длинная рѣчи другихъ. Будешь ли сѣченъ бичами; домогайся и прочаго, вкуси желчь за первое вкушеніе, испей оцетъ, ищи заплеваній, прими удареніе въ ланиту и заушенія. Увѣчиайся терніемъ — суровостію жизни по Богу; облекись въ багрянную ризу, прими трость; пусть преклоняются предъ тобою ругающіеся истинѣ. Наконецъ, охотно распнись, умри и прими погребеніе со Христомъ, да съ Нимъ и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, зря Бога во всемъ Его величій, и Имъ зримый, —

Бога въ Троицѣ покланяемаго и прославляемаго, Котораго молимъ, да будетъ и нынѣ, сколько сіе возможно для узниковъ плоти, явленъ намъ, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 59,

НА СВЯТЫЕ СВѢТЫ ЯВЛЕНІЙ ГОСПОДНИХЪ.

Опять Иисусъ мой , и опять таинство,— не таинство обманчивое и неблагообразное , не таинство языческаго заблужденія и пѣнства (какъ называю уважаемыя язычниками таинства, и какъ, думаю, назоветь ихъ всякой здравомыслящій); но таинство возвышенное и божественное, сообщающее намъ горнюю свѣтлость! Ибо святой день свѣтовъ, до котораго мы достигли, и который сподобились нынѣ праздновать, имѣетъ началомъ крещеніе моего Христа, истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякаго челоуѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9.), производитъ же мое очищеніе, и вспомошествоуетъ тому свѣту, который мы, въ-началѣ получивъ отъ Христа свыше, омрачили и сдѣлали слитнымъ чрезъ грѣхъ.

Итакъ внимайте Божественному гласу, который для меня, поучающагося и поучающаго таковымъ таинствамъ (а хорошо, если бы и для васъ!), весьма внятно вопіетъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12.). И для сего приступите къ Нему, и про-

свѣтитесь, и лица ваша, ознаменованныя истиннымъ свѣтомъ, не постыдятся (Пс. 33, 6.). Время возрожденія; возродимся свѣше! Время возсозданія; воспримемъ перваго Адама! Не останемся такими, каковы теперь; но содѣлаемся тѣмъ, чѣмъ были созданы. *Свѣтъ во тмѣ свѣтитяся*, то-есть въ сей жизни—жизни плотской; и хотя гонить Его, но не *объемлетъ* тма (Іоан. 1, 5.), то-есть сопротивная сила, которая съ безстыдствомъ приступаетъ къ видимому Адаму, но приражается къ Богу, и уступаетъ побѣду; почему мы, отложивъ тму, приближимся къ свѣту, и потомъ, какъ чада совершеннаго Свѣта, содѣлаемся совершеннымъ свѣтомъ!

Видите благодать дня, видите силу таинства: не восторглись ли вы отъ земли? не явно ли вознеслись уже горѣ, подъемлемые моимъ словомъ и тайноводствомъ? И еще болѣе вознесетесь, когда Слово благоуправитъ словомъ.—Таково ли подзаконное и прикровенное какое-нибудь очищеніе, доставляющее пользу временными кропленіями и окропляющее оскверненныхъ пепломъ юнчимъ? Тайноводствуютъ ли къ чему подобному язычники? Для меня всякій обрядъ ихъ и всякое таинство есть сумазбродство, темное изобрѣтеніе демоновъ, и произведеніе жалкаго ума, которому помогло время, и которое закрыла баснь; ибо чему поклоняются какъ истинному, то сами скрываютъ какъ баснословное. Если оно истинно; надлежало не баснями называть, но показать, что это не срамно. Если же оно ложно; то надобно не дивиться сему, и не держаться съ такимъ безстыдствомъ самыхъ противныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же, уподобляясь

тѣмъ, которые забавляютъ на площади дѣтей, или мужей, но въ полномъ смыслѣ потерявшихъ умъ, а не тѣмъ, которые разсуждаютъ съ мужами, имѣющими умъ и поклоняющимися Слову; хотя они и презираютъ эту многоискусственную и грязную убѣдительность слова.

Здѣсь (скажу, хотя язычникамъ не понравится сіе) не рожденіе и сокрытіе Діа—Критскаго властелина; не клики, и военныя рукоплесканія и пляски Куретовъ, заглушающія голосъ плачущаго бога, чтобы не слышалъ отецъ-чадоненавистникъ; потому что опасно было плакать, какъ младенцу, кто проглотенъ былъ какъ камень. Здѣсь не искаженія Фригіякъ, не свирѣли и Корибанты, не тѣ неистовства, какія въ честь Реи, матери боговъ, совершались были и посвящающими и посвящаемыми (что и прилично матери такихъ боговъ). У насъ не дѣва какая-нибудь похищается, не Димитра страпствуетъ, вводитъ къ себѣ какихъ-нибудь Келеевъ, Триптолемовъ и драконовъ, и то дѣйствуетъ, то страждетъ. Стыжусь выставять на свѣтъ ночные ихъ обряды, и студныя дѣла обращать въ таинство. Это знаютъ Елевзисъ и зрители того, что предается молчанію, и дѣйствительно достойно молчанія. Здѣсь не Діонисъ, не бедро раждаетъ недоношенный плодъ, какъ прежде голова произвела вѣчто другое; не богъ андрогинъ, не толпа пьяныхъ, не изнѣженное войско, не безуміе Фивянь чтущихъ Діониса, не поклоненіе перуну Семелы; не блудныя таинства Афродиты, которая, какъ сами говорятъ, и рождена и чествуется срамно, не какіе-нибудь Фаллы и Иеифаллы, гнусныя и видомъ и дѣлами;

не умерщвление чужестранцевъ у Тавровъ; не обгаряющая жертвенникъ кровь Лакедемонскихъ юношей, сѣкущихъ себя бичами, и въ семь одномъ не кстати оказывающихъ мужество, въ честь богинѣ и притомъ дѣвъ; потому что они и нѣгу чтили и неустрашимость уважали. Куда же отнесешь приготовление въ снѣдь Пелопса для угощенія голодныхъ боговъ, — страннопріимство отвратительное и безчеловѣчное? Куда отнесешь страшные и мрачные призраки Гекаты, Трофоніевы изъ-подъ земли обманы и предсказанія, или пустословіе Додонскаго дуба, или обоюдныя прорицанія Дельфійскаго треножника, или даръ предвѣднія сообщающія воды Кастальскаго источника? Одного только не предсказали они, а именно, что сами приведены будутъ въ молчаніе. Здѣсь не жреческое искусство маговъ, и угадываніе будущаго по разсѣченнымъ жертвамъ; не Халдейская астрономія и наука предсказывать судьбу по дню рожденія, наука сличающая нашу участь съ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, которыя не могутъ знать о себѣ самихъ, что они такое, или чѣмъ будутъ. Здѣсь не оргіи Фракіянъ, отъ которыхъ, какъ говорятъ, ведетъ начало слово: *τὸ θρησκείων*, то-есть богослуженіе; не обряды и таинства Орфея, мудрости котораго столько дивились Еллины, что и о лирѣ его выдумали баснь, будто бы она все увлекаетъ своими звуками; не справедливыя истязанія, положенныя Миерою (а) для тѣхъ,

(а) Смотр. Творенія Св. Отцевъ въ Русск. переводѣ. Т. I. стр. 143. 1843 г.

которые рѣшаются приступить къ таковымъ таинствамъ; не растерзаніе Озириса (другое бѣдствіе чтимое Египтянами); не несчастныя приключенія Изиды; не козлы почтеннѣйшіе Мендезіанъ; не ясли Аписа — тельца, лакомо откармливаемаго по простодушію жителей Мемфиса. Здѣсь не то, чѣмъ въ своихъ чествованіяхъ оскорбляютъ они Ниль, какъ сами воспѣваютъ, плодоносный и доброкласный, измѣряющій благоденствіе жителей лактями (б). Не буду говорить о чествованіи пресмыкающихся и гадовъ, о расточительности на срамныя дѣла, такъ что для каждаго гада были какой-нибудь особенный обрядъ и особое таинство; хотя общимъ во всѣхъ видимъ одно — злосчастное положеніе кланяющихся. И если бы имъ надлежало сдѣлаться совершенными нечестивцами, вовсе отпасть отъ славы Божіей, предавшись идоламъ, произведеніямъ искусства и дѣламъ рукъ человѣческихъ; то благоразумный не пожелалъ бы имъ ничего инаго, какъ имѣть такіе предметы чествованія, и такъ ихъ чествовать, чтобы, какъ говоритъ Апостоль, *возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, воспріяти* (Римл. 1, 27.) въ томъ, что они чтутъ, не столько чествуя чтимое, сколько безчестя имъ себя, содѣлавшись мерзкими по своему заблужденію, а еще мерзостнѣйшими по ничтожности того, чему кланяются и что чтутъ,

(б) Въ устьѣ Нила былъ высвѣченъ на камняхъ размѣръ, по которому замѣчалось возвышеніе воды въ Ниль во время разлива; а изъ сего выводимо было заключеніе о плодородіи въ Египтѣ и о благоденствіи жителей.

и чтобы стать безчувственнѣе самыхъ чтимыхъ предметовъ, столько превосходя ихъ безуміемъ, сколько предметы поклоненія превышаютъ ихъ ничтожностію.

Итакъ пусть всѣмъ этимъ забавляются дѣти еллинскіе и демоны, которые доводятъ ихъ до безумія, присвоивъ себѣ Божію честь, и дѣлятъ ихъ между собою, внушая имъ тѣ или другія срамныя мнѣнія и понятія. Ибо демоны съ того времени, какъ древомъ познанія, изъ котораго не во-время и не кстати сдѣлано употребленіе, удалены мы отъ древа жизни, стали нападать на насъ, какъ уже на слабѣйшихъ, похитивъ у насъ владычественный умъ и отворивъ дверь страстямъ. Они, будучи, или, вѣрнѣе сказать, по собственной злобѣ сдѣлавшись естествомъ завистливымъ и человѣконенавистнымъ, не потерпѣли, чтобы дольнѣе сподобились горняго чина, когда сами они низпали свѣше на землю, и чтобы произошло такое перемѣщеніе въ славѣ и первичныхъ природахъ. Отсюда гоненіе на тварь Божію! Отсего поруганъ образъ Божій! И поелику не разсудили мы соблюсти заповѣдь; то преданы самазаконію прельщенія. И поелику заблудились; то обезчестили себя тѣмъ самымъ, чему воздавали почтеніе. Ибо не то одно ужасно, что сотворенные на дѣла благія, чтобы славить и хвалить Сотворшаго, и сколько возможно, подражать Богу, стали вмѣстилищемъ всякаго рода страстей, ко вреду питаемыхъ и потребляющихъ внутренняго человѣка, но и то, что боговъ сдѣлали покровителями страстямъ, чтобы грѣхъ признаваемъ былъ не только не подлежащимъ отвѣтственности, но даже божественнымъ,

ниѣя для себя прибѣжищемъ сильную защиту—самые предметы поклоненія.

Поелику же намъ даровано, избѣгнувъ суевѣрнаго заблужденія, придти къ истинѣ, служить Богу живому и истинному, и стать превыше тваря, оставивъ за собою все, что подѣ временемъ и зависить отъ перваго движенія: то будемъ тому поучаться, о томъ любомудрствовать, что относится къ Богу и къ Божественному.

Станемъ же любомудрствовать, начавъ съ того, съ чего начать всего лучше. Всего же лучше начать, съ чего заповѣдалъ намъ Соломонъ. *Начало премудрости*, говоритъ онъ, *стлжати премудрость* (Притч. 4, 7.). Что сіе значить? Онъ началомъ премудрости называетъ страхъ. Ибо надобно, не съ умозрѣнія начавъ, оканчивать страхомъ (умозрѣніе необузданно, очень можетъ завести на стремнины), но, научившись начаткамъ у страха, имъ очистившись, и, такъ скажу, утончившись, восходить на высоту. Гдѣ страхъ, тамъ соблюденіе заповѣдей; гдѣ соблюденіе заповѣдей, тамъ очищеніе плоти — сего облака, омрачающаго душу и препятствующаго ей ясно видѣть Божественный лучъ; но гдѣ очищеніе, тамъ озареніе; озареніе же есть исполненіе желанія для стремящихся къ предметамъ высочайшимъ или къ Предмету Высочайшему, или къ Тому, Что выше высокаго. Посему должно сперва самому себя очистить, и потомъ уже бесѣдовать съ чистымъ: если не хотимъ потерпѣть одного съ Израилемъ, который не вынесъ славы лица Моисеева, и потому требовалъ покрывала; не хотимъ испытать и сказать съ Мацоемъ, удостоеннымъ ви-

дѣнія Божія: погibli мы, жена, яко Бога видѣхомъ (Суд. 13, 22.); не хотимъ подобно Петру высылать съ корабля Иисуса, какъ недостойные тако-го посѣщенія (а когда именую Петра, кого разумѣю?—того, кто ходилъ по водамъ); не хотимъ потерять зрѣніе подобно Павлу, до очищенія отъ гоненій вступившему въ сообщеніе съ Гонимымъ, или, лучше сказать, съ малымъ блистаніемъ великаго Свѣта; не хотимъ, прося врачевства, какъ сотникъ, изъ похвальной боязни не принимать въ домъ Врача. И изъ насъ инъ, пока онъ не очищенъ, но еще сотникъ, надъ многими первенствуетъ во злѣ, и служитъ кесарю—міродержителю влекомыхъ долу, пусть скажетъ: *нпсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (Матѣ. 8, 8.). Когда же увидитъ Иисуса, и хотя малъ ростомъ духовно, подобно Закхею, взойдетъ на смоковницу, *умертвивъ уды, лже на земли* (Кол. 3, 5.), и ставъ выше тѣла смиренія (Фил. 3, 21.); тогда да приѣмлетъ Слово и да услышитъ: *днесъ спасеніе дому сему* (Лук. 19, 2.), и получаютъ спасеніе, и принесетъ плодъ совершеннѣйшій, прекрасно расточая и разливая, что худо собралъ какъ мытарь. Ибо то же Слово и страшно, по естеству, для недостойныхъ, и удобоприѣмлемо, по челоуколюбію, для приуготовленныхъ. Таковы тѣ, которые, изгнавъ изъ душъ нечистаго и вещественнаго духа, *помята и украсивъ души свои* познаніемъ, не оставили ихъ праздными и недѣльными, чтобы ихъ (такъ какъ труднѣйшее и вождѣлннѣе) опять не заняли еще съ большимъ запасомъ семь духовъ злобы (какъ семь же считается духовъ добродѣтели), но сверхъ удаленія отъ зла

упражняются и въ добродѣтели, всецѣло, или сколько можно болѣе, вселивъ въ себя Христа, чтобы лукавая сила, занявъ какую-нибудь пустоту, опять не наполнила души собою; отчего *будутъ послѣдняя горша первыхъ* (Матѣ. 12, 43—45.); потому что и нападеніе стремительнѣе, и охранная стража безопаснѣе, и съ большимъ трудомъ одолевается. Когда же, *всяцѣмъ храненіемъ соблюдиши душу свою* (Притч. 4, 23.), *положивъ восхожденія въ сердце* (Пс. 83, 6.), *поновивъ себѣ поля* (Іер. 4, 3.), и *посвявъ въ правду*, какъ учать Соломонъ, Давидъ и Іеремія, *просвѣтимъ себѣ свѣтъ въ днѣи* (Ос. 10, 12.); тогда *возглаголемъ Божию премудрость, въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 7.), и возсіаемъ для другихъ. А до тѣхъ поръ будемъ очищаться и предусовершаться Словомъ, чтобы, какъ можно болѣе, облагодѣтельствовать самихъ себя, содѣлываясь богоподобными и приѣмля пришедшее Слово, даже не только приѣмля, но и содержа въ себѣ, и являя другимъ.

Поелику же очистили мы словомъ позорище; то полюбомудрствуемъ уже нѣсколько о праздникѣ, и составимъ общій праздникъ съ душами любопытственными и боголюбивыми. И какъ главное въ праздникѣ — памятованіе о Богѣ, то вспомняемъ Бога. Ибо и *шумъ празднующихъ* (Пс. 41, 5.) тамъ, гдѣ *веселящихся всѣхъ жилище* (Пс. 86, 7.), по моему мнѣнію, не что иное есть, какъ Богъ пѣснословимый и славословимый удостоившимися тамошняго жительства. Если же настоящее слово будетъ заключать въ себѣ нѣчто изъ сказаннаго уже прежде; никто не удивляйся. Ибо стану говорить не

только тоже, но и о томъ же, имѣя трепетный языкъ, и умъ, и сердце, всякій разъ, когда говорю о Богѣ, и вамъ желая того же самаго похвальнаго и блаженнаго страха. Когда же произношу слово: Богъ; вы озаряйтесь единымъ и тройственнымъ свѣтомъ—тройственнымъ въ отношеніи къ особеннымъ свойствамъ, или къ *Упостасямъ* (если кому угодно называть такъ), или къ *Лицамъ* (ни мало не будемъ препираться объ именахъ, пока слова ведутъ къ той же мысли),—единымъ же въ отношеніи къ понятію сущности, и слѣдственно Божества. Богъ раздѣляется, такъ сказать, нераздѣлимо, и сочетается раздѣленно; потому что Божество есть Единое въ трехъ, и едино суть Три, въ Которыхъ Божество, или, точнѣе сказать, которыя суть Божество. А что касается до избытка и недостатковъ, то мы безъ нихъ обойдемся, не обращая ни единства въ слитность, ни раздѣленія въ отчужденіе. Да будутъ равно далеки отъ насъ и Савеліево сокращеніе и Аріево раздѣленіе; ибо то и другое въ противоположномъ смыслѣ худо, и одинаково нечестиво. Ибо для чего нужно—или злостиво сливать Бога, или разсѣкать на неравныхъ?—*Намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся* (1 Кор. 8, 7.), и единъ Духъ Святыи, въ Которомъ все. Словами: изъ Него (*ἐξ οὗ*), Имъ (*δι' οὗ*) и въ Немъ (*ἐν ᾧ*), не естества раздѣляемъ (иначе не переставлялись бы предлоги, или не перемѣнялся бы порядокъ именъ), но отличаемъ личныя свойства единаго и неслияннаго естества. А сіе видно изъ того, что различаемые опять сводятся во-едино, если не безъ вниманія прочтеть у

того же Апостола слѣдующія слова: *изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ (ἐκ αὐτοῦ) вслечская: Тому слава во вѣки, аминь* (Рим. 11, 36.). Отецъ есть Отецъ и безначаленъ; потому что ни отъ кого не имѣеть начала. Сынъ есть Сынъ, и не безначаленъ; потому что отъ Отца. Но если начало будешь разумѣть относительно ко времени, то Сынъ и безначаленъ; потому что Творецъ время не подъ временемъ. Духъ есть истинно Духъ Святый, происходящій отъ Отца, но не какъ Сынъ (οὐχ υἱῶς); потому что происходитъ не рожденно (γεννητῶς), но исходно (ἐκπορευτῶς); если для ясности надобно употребить новое слово. Между тѣмъ ни Отецъ не лишень нерожденности, потому что родиль; ни Сынъ — рожденія, потому что отъ Нерожденнаго (ибо какъ Имъ лишиться?); ни Духъ Святый не измѣняется или въ Отца, или въ Сына, потому что исходитъ, и потому что Богъ; хотя и не такъ кажется безбожнымъ. Ибо личное свойство непреложно; иначе какъ оставалось бы личнымъ, если бы предлагалось и переносилось? Тѣ, которые нерожденность и рожденность признають за естества одноименныхъ боговъ, можетъ-быть и Адама и Сноа, изъ коихъ одинъ не отъ плоти (какъ твореніе Божіе), а другой отъ Адама и Евы, стануть признавать чуждыми другъ другу по естеству. Итакъ одинъ Богъ въ Трехъ, и Три Едино, какъ сказали мы.

Поелику же таковы Три, или таково Единое, и надлежало, чтобы поклоненіе Богу не ограничивалось одними горними, но были и долу нѣкоторые поклонники, и все исполнилось славы Божіей (по-

тому что все Божіе); то для сего создается человекъ, почтенный рукотвореніемъ и образомъ Божиимъ. А такъ созданнаго, когда онъ, завистию дивола, чрезъ горькое вкушеніе грѣха, несчастно удалился отъ сотворшаго его Бога, Богу не свойственно было презрѣть. Что же совершается? И какое великое о насъ таинство?—Обновляются естества, и Богъ дѣлается человекомъ. И *восшедшій на небо небесе на востоки* (Ис. 67, 34.) собственной славы и свѣтлости, прославляется на западъ нашей низости и нашего смиренія. И Сынъ Божій благоволяетъ стать и именоваться и сыномъ человѣческимъ, не измѣняя того, чѣмъ былъ (ибо сіе неизмѣняемо), но принявъ то, чѣмъ не былъ (ибо Онъ человѣколюбивъ), чтобы Невмѣстимому сдѣлаться вмѣстимымъ, вступа въ общеніе съ нами чрезъ посредствующую плоть, какъ чрезъ завѣсу; потому что рожденному и тлѣнному естеству невозможно сносить чистаго Его Божества. Для сего соединяется несоединимое: не только Богъ съ рожденіемъ во времени, умъ съ плотію, довременное съ временемъ, неочертимое съ мѣрою, но и рожденіе съ дѣвствомъ, безчестіе съ тѣмъ, что выше всякой чести, безстрастное съ страданіемъ, бессмертное съ тлѣннымъ. Поелику изобрѣтатель грѣха мечталъ быть непобѣдимымъ, уловивъ насъ надеждою обоженія; то самъ уловляется покровомъ плоти, чтобы, приразясь какъ къ Адаму, срѣтить Бога. Такъ новый Адамъ спасъ ветхаго, и снято осужденіе съ плоти, по умерщвленіи смерти плотію!

Но Рождеству праздновали, какъ должно, и я—предначинатель праздника, и вы, и все, какъ заклю-

чающееся въ міръ, такъ и премірное. Со звѣздою текли мы, съ волхвами покланялись, съ пастырями были озарены, съ Ангелами славословили, съ Симеономъ принимали въ объятія, и съ Анною, престарѣлой и цѣломудренной, *исповѣдалися Господеви*. И благодареніе Тому, Кто во своя прииде какъ чуждый, чтобъ прославить странника!

А нынѣ другое Христово дѣяніе, и другое таинство. Не могу удержать въ себѣ удовольствія, и дѣлаюсь вдохновеннымъ. Почти какъ Іоаннъ благовѣствую; и хотя я не предтеча, однако же изъ пустыни. Христось просвѣщается; озаримся съ Нимъ и мы! Христось крещается; сойдемъ съ Нимъ, чтобы съ Нимъ и взойти! Крещается Іисусъ: это одно, или и другое надобно принять во вниманіе? Кто крещающійся? отъ кого и когда крещается? — Чистый, отъ Іоанна, и когда начинаетъ творить знаменія. Чтò же познаемъ изъ сего, чему научаемся? — Должно предочиститься, смиренномудрствовать, и проповѣдывать уже по усовершеніи и духовнаго и тѣлеснаго возраста. Первое нужно тѣмъ, которые приступаютъ къ крещенію небрежно и безъ приготовленія, и не обезпечиваютъ искупленія ^ннавыкомъ въ добрѣ. Ибо хотя благодать сія, какъ благодать, даетъ отпущеніе прежнихъ грѣховъ; но тогда тѣмъ паче требуется отъ насъ благоговѣніе, чтобы *не возвращаться* на ту же *блевотину* (Притч. 26, 11.). Второе нужно тѣмъ, которые превозносятся противъ строителей таинствъ, если преимуществуютъ предъ ними какимъ-либо достоинствомъ. Третье нужно тѣмъ, которые смѣло полагаются на юность, и думаютъ, что всегда время учительству или предсѣ-

дательству. Иисусъ очищается; а ты пренебрегаешь очищеніемъ? Очищается отъ Іоанна; а ты возстаешь противъ своего проповѣдника? Очищается, будучи тридцати лѣтъ; а ты, не имѣя еще бороды, учишь старцевъ, или думаешь, что можешь учить, не заслуживъ уваженія ни по возрасту, ни даже, можетъ быть, по образу жизни? Потомъ является у тебя Данииль, тотъ и другой — юные судіи, и всѣ примѣры на языкѣ; потому что всякой, поступающій несправедливо, готовъ оправдываться. — Но что рѣдко, то не законъ для Церкви, такъ какъ одна ласточка не показываетъ весны, или одна черта не дѣлаетъ геометромъ, или одно краткое плаваніе — мореходцемъ.

Но Іоаннъ крестить. Приходитъ Иисусъ, освящающій, можетъ-быть, самаго Крестителя, несомнѣнно же всего ветхаго Адама, чтобъ погребсти въ водѣ, а прежде ихъ и для нихъ освящающій Іорданъ и, какъ Самъ былъ духъ и плоть, совершающій духомъ и водою. Креститель не пріемлетъ; Иисусъ настоятъ. *Азъ требую Тобою креститися* (Матѣ. 3, 14.), говоритъ свѣтильникъ Солнцу, гласъ — Слову, другъ — Жениху, тотъ, кто *въ рожденныхъ женами выше всѣхъ* (Матѣ. 11, 11.), *Перворожденному всея твари* (Кол. 1, 5.), взыгравшійся во чревѣ — Тому, Кто еще въ чревѣ принялъ поклоненіе, Предтеча и имѣющій быть Предтечею — Тому, Кто явился и имѣеть явиться. *Азъ требую Тобою креститися*, присовокупи: и за тебя. Ибо Креститель зналъ, что будетъ креститься мученичествомъ, или что у Него будутъ очищены не однѣ ноги, какъ у Петра. *И Ты ли грядеши ко мнѣ? И въ этомъ*

пророчество. Ибо Креститель зналъ, что, какъ послѣ Ирода будетъ неистовствовать Пилать, такъ за отшедшимъ Предтечею послѣдуетъ Христось. Чтò же Исусъ?—*Остави нынѣ*. Въ этомъ Божіе домо-строительство. Ибо Исусъ зналъ, что вскорѣ Самъ будетъ Крестителемъ Крестителя. Чтò же значить *лопата* (Матѣ. 3, 12.)? Очищеніе. Чтò—*огонь*?—Потребленіе маловѣснаго и горѣніе духа. Чтò же *съкира*?—Посѣченіе души, остающейся неуврачеванною и по обложеніи *гноемъ*. Чтò *мечъ*?—Разсѣченіе словомъ, посредствомъ котораго отдѣляется худшее отъ лучшаго, отлучается вѣрный отъ невѣрнаго, возбуждается сынъ противъ отца, дочь противъ матери, и невѣстка противъ свекрови, новое и недавнее противъ древняго и прикровеннаго. Чтò же значить *ремень сапога* (Марк. 1, 7.), котораго не развязываешь ты, Креститель Исусовъ, житель пустыни, не вкушающій пищи, новый Илія, *лишій Пророка* (Матѣ. 11, 9.), потому что видѣлъ Предреченнаго, посредствующій между ветхимъ и новымъ? — чтò значить онъ? — Можетъ-быть ученіе о пришествіи и воплощеніи, въ которомъ и самое крайнее не удоборазрѣшимо, не только для людей плотскихъ и еще младенцевъ во Христѣ, но и для тѣхъ, которые по духу подобны Іоанну. Но восходитъ *Исусъ отъ воды*, ибо возноситъ съ Собою весь міръ, и видитъ *разводящіяся небеса* (Марк. 1, 10.)—небеса, которыя Адамъ, для себя и для потомковъ своихъ, заключилъ такъ же, какъ и рай пламеннымъ оружіемъ. И Духъ свидѣтельствуетъ о Божествѣ, потому что приходитъ къ равному; и гласъ съ небесъ, потому что съ неба Тотъ, о Комъ сви-

дѣтельство. И Духъ яко голубь, потому что чест-
вуетъ тѣло (и оно по обоженіи Богъ), потому что
тѣлесно и вмѣстѣ издалека видимый голубь обыкъ
благовѣствовать *прекращеніе потопа*. Если же по
объему и вѣсу судишь о Божествѣ—ты, мелко раз-
суждающій о величайшемъ, и Духъ малъ для тебя,
потому что явился въ видѣ голубя; то тебѣ прилич-
но поставить ни во что и царство небесное, пото-
му что оно уподобляется зерну горчичному; при-
лично величію Иисуса предпочесть противника, по-
тому что онъ называется *горою великою* (Зах. 4, 7.)
и *левіаѳаномъ* (Іов. 7, 8.) (а) и *царемъ встѣмъ жи-
вущимъ въ водахъ* (Іов. 41, 25.), а Иисусъ име-
нуется *агнцемъ* (1 Петр. 1, 19.), *бисеромъ* (Матѣ.
13, 46.), *каплею* (Мих. 2, 11.), и подобно сему.

Но поелику настоящее торжество ради Крещенія,
и намъ должно злопострадать сколько-нибудь съ
Тѣмъ, Кто для насъ вообразился, крестился и рас-
пятъ; то полюбомудрствуемъ нѣсколько о различі-
яхъ крещеній, чтобы выйдти отсюда очищенными.
Крестиль Моисей; но въ водѣ; а прежде сего во
облацѣ и въ мори (1 Кор. 10, 2.); и сіе имѣло
прообразовательный смыслъ, какъ разумѣть и Па-
вель. Моремъ прообразовалась вода, облакомъ —
Духъ, манною — хлѣбъ жизни; питіемъ — Божествен-
ное питіе. Крестиль и Іоаннъ, уже не по-Иудейски,
потому что не водою только, но и *въ покаяніе*
(Матѣ. 3, 11.); однако же не совершенно духовно,
потому что не присовокупляетъ: *и духомъ*. Кре-

(а) По переводу Симмаха; у Седмидесяти и въ Славенскомъ
великаго кита.

стипть и Исусъ; но Духомъ: въ семъ совершенство. Какъ же не Богъ Тотъ, чрезъ Котораго (осмѣлюсь сказать) и ты сдѣлаешься богомъ? Знаю и четвертое крещеніе — крещеніе мученичествомъ и кровію, которымъ крестился и Самъ Христосъ, которое гораздо достоуважительное прочихъ, поколику не оскверняется новыми нечистотами. Знаю также еще и пятое — слезное, но труднѣйшее; имъ крестится *измывающій на вслкую ночь ложе свое и постелю слезами* (Пс. 6, 7.), кому *возмердѣша и раны грѣховныя* (Пс. 37, 6.), кто *плача и сътуя* ходитъ (Пс. 34, 14.), кто подражаетъ обращенію Манассіину, смиренію помилованныхъ Ниневитянъ, кто произноситъ во храмѣ слова мытаревы, и оправдывается паче тщеславнаго фарисея, кто припадаетъ съ Хапанеяночкой, проситъ челоуѣколюбія и крошекъ — пищи самаго голоднаго пса. —

Признаюсь, что челоуѣкъ есть существо премѣнчивое и по природѣ непостоянное; а потому съ готовностію принимаю сіе послѣднее крещеніе, поклоняюсь Даровавшему оное, и сообщаю его другимъ, и милостию искупаю себя милость. Ибо знаю, что самъ *обложенъ немощію* (Евр. 5, 2.), и какую мѣрою буду мѣрить, тою и мнѣ возмѣрится. Но ты, что говоришь? какой даешь законъ, о новый фарисей, именемъ а не произволеніемъ чистый, и внушающій намъ Новатовы правила, при той же немощи? Ты не принимаешь покаянія? не даешь мѣста слезамъ? не плачешь слезно? — Да не будетъ къ тебѣ таковъ и Судія! Ужели не трогаетъ тебя челоуѣколюбіе Исуса, Который *недуги наша пріятъ*, и *посесе бользни* (Матѣ. 8, 17.), Который не къ пра-

ведникамъ пришелъ, но къ грѣшникамъ, призвать ихъ на покаяніе, Который хочетъ милости, а не жертвы (Матѣ. 9, 13.), прощаетъ грѣхи до *семьдесятъ кратъ седмицею* (Матѣ. 18, 22.)? Какъ блаженна была бы твоя высокоость, если бы она была чистота, а не надменность, дающая законы неисполнимые для человѣка, и исправленіе оканчивающая отчаяніемъ! Равно худа—и отпущеніе грѣховъ не исправляющее, и осужденіе не знающее пощады; первое совершенно ослабляетъ узду, а послѣднее чрезмѣрнымъ напряженіемъ душитъ. Докажи мнѣ свою чистоту, и я одобрю твою жестокость. А теперь опасуюсь, не по тому ли доказываешь неисцѣльность, что самъ покрытъ весь ранами. Ужели не примешь и Давида кающагося, въ которомъ покаяніе сохранило и даръ пророческій?—или великаго Петра, который испыталъ на себѣ нѣчто человѣческое при спасительномъ страданіи? Но его принялъ Иисусъ, и троекратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ уврачевалъ троекратное отреченіе. Ужели не примешь и крестившагося кровію (и до того прострется твое високоуміе!), или Коринѣскаго беззаконника? Но Павелъ утвердилъ и *любовь* (2 Кор. 2, 8.), когда увидѣлъ исправленіе, и причину представилъ, *да не многою скорбію пожертъ будетъ таковій* (2 Кор. 2, 7.), обремененный чрезмѣрностію наказанія.

Ты не позволяешь молодымъ вдовамъ выходить за-мужъ, не смотря на поползновенность возраста? Но Павелъ отважился на сіе; а ты вѣрно его учитель, какъ восходившій до четвертаго неба, въ иный рай, слышавшій глаголы еще болѣе неизре-

ченныя, объявшіи еще большій кругъ Евангелиемъ! «Но Павелъ позволялъ сіе не послѣ крещенія»: какое на то доказательство? Или докажи, или не осуждай. Если же дѣло сомнительно; пусть препобѣдитъ человѣколюбіе.

Но говорятъ, что Новатъ не принималъ тѣхъ, которые пали во время гоненія. Чтѣ жъ изъ сего? Если нераскаившихся; справедливо. И я не принимаю такихъ, которые или непреклонны, или не довольно смягчаются, и не вознаграждаютъ за худое дѣло исправленіемъ. Когда и приму; назначаю имъ приличное мѣсто. А если Новатъ не принималъ истекшихъ слезами; не стану ему подражать. И чтѣ мнѣ за законъ человѣконенавистничество Новата, который не наказывалъ любостыжанія — втораго идолослуженія, а блудъ осуждалъ такъ строго, какъ безплотный и безтѣлесный? Чтѣ скажете? Убѣждаемъ ли васъ сими словами? Станьте на одну сторону съ нами — человѣками. Возвеличимъ вмѣстѣ Господа. Никто изъ васъ, хотя бы и слишкомъ на себя надѣялся, да не дерзнетъ говорить: «не прикоснися мнѣ, яко чистъ есмь (Ис. 65, 5.); и кто чистъ столько, какъ я?» Сообщите и намъ такой свѣтлости. Но мы не убѣдили? — И о васъ будемъ проливать слезы.

И такъ сіи, если хотятъ, пусть идутъ нашимъ путемъ и Христовымъ; если же нѣтъ, то своимъ. Можетъ-быть они будутъ тамъ крещены огнемъ — этимъ послѣднимъ крещеніемъ, самымъ труднымъ и продолжительнымъ, которое поядаетъ вещество какъ сѣно, и потребляетъ легковѣсность всякаго грѣха. А мы почтимъ нынѣ Крещеніе Христово, и благочестно будемъ праздновать, не чрево пресмы-

щая, но веселясь духовно. Какъ же насладимся? *Измойтеся, чисти будете* (Ис. 1, 16.). Если вы багряны отъ грѣха и не совсѣмъ кровавы, то убѣлитесь, какъ снѣгъ; если же червлены и совершенные мужи кровей, то придите по крайней мѣрѣ въ бѣлизну волны. Во всякомъ же случаѣ будьте очищены, и очищайтесь. Богъ ни чему такъ не радуется, какъ исправленію и спасенію человѣка; для сего и все слово, и всякое таинство. Да будете *якоже свѣтила въ мѣрѣ* (Фил. 2, 15.) — живоносная сила для другихъ людей, и совершенными свѣтами представъ великому Свѣту, да научитесь тайнамъ тамошняго свѣтоводства, чище и яснѣ озаряемые Троицею, отъ Которой нынѣ пріяли въ малой мѣрѣ одинъ лучъ изъ единого Божества, во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 40,

НА СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ.

Вчера торжествовали мы пресвѣтлый день Свѣтовъ; да и прилично было сдѣлать праздничнымъ день нашего спасенія,—гораздо приличнѣе, нежели плотскимъ друзьямъ ежегодно праздновать дни брака, рожденія, нареченія имени, вступленія въ юношескій возрастъ, новоселья, и другіе у людей торжественные дни. Нынѣ же кратко побесѣдуемъ о крещеніи и о благотворномъ его дѣйстви на насъ; хотя вчера не остановилось на семъ слово; потому что требовала того краткость времени, а вмѣстѣ и самое слово не хотѣло обременить васъ собою: ибо обремененіе словомъ столько же непріязненно для слуха, сколько излишняя пища для тѣла. Между тѣмъ предлагаемое стоитъ вниманія, и слово о такихъ предметахъ должно слушать не поверхностно, но съ усердіемъ; потому что познать силу сего таинства есть уже просвѣщеніе.

Писаніе показываетъ намъ тройкое рожденіе: рожденіе плотское, рожденіе чрезъ крещеніе и рожденіе чрезъ воскресеніе. Первое изъ нихъ есть дѣло ночи, рабское и страстное; второе есть дѣло дня, оно свободно, истребляетъ страсти, обрѣзы-

васть всякой покровъ, лежащій на насъ отъ рожденія, и возводитъ къ горней жизни; третіе страшнѣе и короче первыхъ; оно въ одно мгновеніе собереть всю тварь, чтобы предстала Творцу и дала отчетъ въ здѣшнемъ порабощеніи и образѣ жизни, плоти ли только она слѣдовала, или совосторгалась съ духомъ и чтила благодать возрожденія. Всѣ сіи рожденія, какъ оказывается, Христось почтилъ Собою: первое — первоначальнымъ и жизненнымъ вдохновеніемъ; второе воплощеніемъ и крещеніемъ, когда крестился Самъ; третіе воскресеніемъ, котораго Самъ сталъ *начаткомъ*, и какъ содѣлался *первороднымъ во многихъ братіяхъ*, такъ благоволилъ содѣлаться *перворожденнымъ изъ мертвыхъ* (Рим. 8, 29. Кол. 1, 18.). Но любомудрствовать о двухъ рожденіяхъ, именно о первомъ и послѣднемъ, неприлично настоящему времени; полюбомудствуемъ же о рожденіи среднемъ и для насъ нынѣ необходимомъ, отъ котораго получилъ наименование и день Свѣтовъ.

Просвѣщеніе есть свѣтлость душъ, измѣненіе жизни, *вопрошеніе совѣсти*, которая отъ Бога (1 Петр. 3, 21.). Просвѣщеніе есть пособіе въ нашей немощи, отложеніе плоти, послѣдованіе Духу, общеніе съ Словомъ, исправленіе созданія, потопленіе грѣха, причастіе свѣта, разсѣяніе тмы. Просвѣщеніе есть колесница возносящая къ Богу, сопутствованіе Христу, подкрѣпленіе вѣры, совершеніе ума, ключъ царствія небснаго, перемѣна жизни, снятіе рабства, разрѣшеніе отъ узъ, претвореніе состава. Просвѣщеніе (нужно ли перечислять многое?) есть лучшій и величественнѣйшій изъ даровъ Божіихъ. Какъ есть именуемое Святая-Святыхъ и

пѣсни пѣсней, поколику послѣднія многообъемлющи и особенно важны; такъ и оно свѣтлѣ всякаго иного, возможнаго для насъ, просвѣщенія.

Но сей даръ, какъ и Податель его Христось, называется многими и различными именами; и сіе происходитъ или отъ того, что онъ очень пріятенъ для насъ (обыкновенно же, питающій къ чему-либо сильную любовь съ удовольствіемъ слышать и имена любимаго), или отъ того, что многообразіе заключающихся въ немъ благодѣяній произвело у насъ и наименованія. Мы именуемъ его даромъ, благодатію, крещеніемъ; помазаніемъ, просвѣщеніемъ, одеждою нетлѣнія, банею пакибытія, печатію, всѣмъ, что для насъ досточестно. Именуемъ даромъ, какъ подаваемое тѣмъ, которые ничего не привносятъ отъ себя;—благодатію, какъ подаваемое тѣмъ, которые еще и должны;—крещеніемъ, потому что въ водѣ спогребается грѣхъ;—помазаніемъ, какъ нѣчто священническое и царское, потому что помазывались цари и священники;—просвѣщеніемъ, какъ свѣтлость;—одеждою, какъ прикровеніе стыда;—банею, какъ омовеніе;—печатію, какъ сохраненіе и знаменіе господства. О семъ дарѣ сорадуются небеса; его славословятъ Ангелы, по средству свѣтлости; онъ есть образъ небеснаго блаженства; его желаемъ и мы воспѣть, но не можемъ, сколько должно.

Богъ есть свѣтъ высочайшій, неприступный, неизглаголаный, ни умомъ непостигаемый, ни словомъ неизрекаемый, просвѣщающій всякую разумную природу, то же въ духовномъ мірѣ, что солнце въ чувственномъ, по мѣрѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждаю-

щій къ Себѣ любовь, и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый, только Самъ для Себя созерцаемый и постижимый, а на существующее внѣ Его мало изливающейся. Говорю же о свѣтѣ, созерцаемомъ во Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ, Которыхъ богатство въ соестественности и въ единомъ исторженіи свѣтлости.

Вторый свѣтъ есть Ангель—нѣкоторая струя, или причастіе перваго Свѣта; онъ находитъ свое просвѣщеніе въ стремленіи къ первому Свѣту и въ служеніи Ему; и не знаю, по чину ли своего стоянія, получаетъ просвѣщеніе, или, по мѣрѣ просвѣщенія, приемлетъ свой чинъ.

Третій свѣтъ есть человѣкъ, что извѣстно и язычникамъ; ибо свѣтомъ (*φῶς*) называютъ человѣка, какъ они по силѣ внутренняго нашего слова, такъ и изъ насъ самихъ тѣ, которые наиболѣе уподобляются Богу и приближаются къ Нему.

Знаю и иной свѣтъ, которымъ отражена или пресѣчена первобытная тма, — сію первую основу небесной твари, то-есть какъ кругообразные пути звѣздъ, такъ и горнюю стражу, осіявающую цѣлый міръ. Свѣтъ была данная первородному и первоначальная заповѣдь; потому что *свѣтильникъ заповѣдь закона, и свѣтъ* (Притч. 6, 23.), *и зане свѣтъ повелѣнія Твоя на земли* (Ис. 26, 9.); хотя завистливая тма, вторгшись, произвела грѣхъ. Свѣтъ также прообразовательный и соразмѣренный съ силами приемлющихъ естъ писанный Законъ, прикрывающій истину и тайну великаго Свѣта; почему и лице Моисеево Имъ прославляется.

Но я еще многими свѣтами украсимъ наше слово.

Свѣтъ былъ и явившееся Моисею во огнѣ, когда видѣніе сіе опаляло, но не сожигало купину, чтобы и естество показать и силу явить. Свѣтъ—и путеводившее Израила въ столпѣ огненномъ и дѣлавшее пріятною пустыню. Свѣтъ—восхитившее Ілію на огненной колесницѣ, и не опалившее восхищаемаго. Свѣтъ—облиставшее пастырей, когда довременный Свѣтъ соединился съ временнымъ. Свѣтъ—и та красота звѣзды предшествовавшей въ Виолеемъ, чтобы и волхвамъ указать путь и сопутствовать Свѣту, который превыше насъ и соединился съ нами. Свѣтъ—явленное ученикамъ на горѣ Божество, впрочемъ нестерпимое для слабаго зрѣнія. Свѣтъ—облиставшее Павла видѣніе и пораженіемъ очей уврачевавшее тму душевную. Свѣтъ—и тамошняя свѣтлость для очистившихся здѣсь, когда *просвѣтятся праведницы яко солнце* (Матѣ. 13. 43.), и станетъ Богъ посредѣ ихъ, боговъ и царей, распредѣляя и раздѣляя достоинство тамошняго блаженства. Сверхъ сего, свѣтъ, въ собственномъ смыслѣ, есть просвѣщеніе Крещенія, о которомъ у насъ нынѣ слово, и въ которомъ заключается великое и чудное таинство нашего спасенія.

Поелику вовсе не грѣшить свойственно Богу—первому и несложному естеству (ибо простота мирна и безмятежна), и также, осмѣлюсь сказать, естеству Ангельскому, или естеству ближайшему къ Богу, по причинѣ самой близости; а грѣшить есть дѣло человѣческое, и свойственно дольней сложности (потому что сложность есть начало мятежа): то Владыка не благоразсудилъ оставить тварь Свою безномощною, и пренебречь ее, когда она въ опа-

ности возмутиться противъ Него. Но какъ создалъ несуществовавшихъ, такъ возсоздалъ получившихъ бытіе—созданіемъ, которое божественнѣе и выше прежняго, и которое для начинающихъ есть печать, а для совершенныхъ возрастомъ—благодать и возстановленіе образа падшаго чрезъ грѣхъ, чтобы, отъ отчаянія дѣлаясь худшими, и непрестанно увлекаемые имъ въ большее зло, по тому же отчаянію совершенно не стали мы внѣ блага и добродѣтели, и впавъ во глубину золь, какъ сказано, не вознерадѣли (Притч. 18, 3.), но чтобы, какъ совершающіе дальній путь, по успокоеніи отъ трудовъ въ гостинницѣ, такъ и мы, по обновленіи, съ охотою довершили остальной путь.

Сія благодать и сила Крещенія не потопляетъ міра, какъ древле, но очищаетъ грѣхъ въ каждомъ чловѣкѣ, и совершенно измываетъ всякую нечистоту и скверну, привнесенную поврежденіемъ. Поелику же мы состоимъ изъ двухъ естествъ, то-есть изъ души и тѣла, изъ естества видимаго и невидимаго; то и очищеніе двоякое, именно: водою и Духомъ; и одно пріемлетъ видимо и тѣлесно, а другое, въ то же время, совершается нетѣлесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самыя глубины; а сіе, вспомоествуя первому рожденію, изъ ветхихъ дѣлаетъ насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, богоподобными, разваря безъ огня и возсозидавая безъ разрушенія. Ибо, кратко сказать, подъ силою Крещенія разумѣть должно завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты.

И конечно, каждый изъ насъ всего болѣе долженъ

страшиться и *всяцѣмъ храненіемъ блюсти* (Притч. 4, 23.) свою душу, чтобы не оказаться намъ солгавшими сему исповѣданію. Ибо, если Богъ принятый въ посредники при договорахъ человѣческихъ утверждаетъ ихъ, то сколь опасно содѣлаться нарушителемъ завѣтовъ, которые заключены нами съ Самимъ Богомъ, и быть виновными предъ Истиною, не только въ другихъ грѣхахъ, но и въ самой лжи? Притомъ, нѣтъ другаго ни возрожденія, ни возсозданія, ни восстановленія въ древнее состояніе. Хотя, сколько можно, домогаемся онаго со многими воздыханіями и слезами, и хотя чрезъ сіе закрываются съ трудомъ раны, по крайней мѣрѣ по моему опредѣленію и уставу (точно вѣримъ, что закрываются, даже желали бы, чтобы изгладились и слѣды ранъ; потому что самъ я имѣю нужду въ милосердіи); впрочемъ лучше не имѣть нужды во второмъ очищеніи, но устоять въ первомъ, которое, какъ знаю, всѣмъ есть общее, и не трудно, и равно открыто рабамъ и господамъ, бѣднымъ и богатымъ, низкимъ и высокимъ, благороднымъ и неблагороднымъ, должникамъ и недожнымъ, какъ вдыханіе воздуха и разліаніе свѣта, преемство годовыхъ временъ, разсматриваніе мірозданія—это великое и общее для всѣхъ насъ наслажденіе, а также и равные удѣлы вѣры. Ибо страшно, вмѣсто нетруднаго врачеванія, употреблять труднѣйшее, отвергнувъ благодать милосердія, дѣлаться подлежащимъ наказанію, и вознаграждать за грѣхъ исправленіемъ. Да и сколько нужно пролить слезъ, чтобы онѣ сравнились съ источникомъ Крещенія? И кто поручится, что смерть ждетъ нашего врачеванія?

что предъ судилищемъ станемъ уже не должниками и не имѣющими нужды въ тамошнемъ огненномъ испытаніи? Можетъ-быть ты, добрый и чело-вѣколюбивый вертоградарь, будешь молить Господа — пощадить еще смоковницу и не пощкать ее, какъ обвиняемую въ неплодіи (Лук. 13, 6.), но дозволить *осыпать ее гноемъ* — слезами, воздыханіями, молитвами, возлежаніемъ на голой землѣ, бдѣніями, изнуреніемъ тѣла и исправленіемъ чрезъ исповѣдь и самоуничиженную жизнь; но неизвѣстно, пощадить ли ее Господь, какъ напрасно занимающую мѣсто, между тѣмъ какъ другой имѣетъ нужду въ милосердіи, и дѣлается худшимъ отъ долготерпѣнія къ ней.

Со Христомъ спогребемъ чрезъ Крещеніе, чтобы съ Нимъ и возстать; съ Нимъ низойдемъ, чтобы съ Нимъ взойти и на высоту; съ Нимъ взойдемъ, чтобы и прославиться съ Нимъ! Если послѣ Крещенія приразится къ тебѣ врагъ свѣта и искушитель (а онъ приразится; ибо приражался къ Слову и Богу моему, обманувшись внѣшнимъ покровомъ, — приражался къ сокрытому Свѣту, обманувшись видимостію); то имѣешь, чѣмъ побѣдить его. Не страшись подвига; противопоставь воду, противопоставь Духа; симъ угасятся *вся стрѣлы лукаваго разженныя* (Еф. 6, 16.). Ибо здѣсь Духъ, и даже Духъ *разоряяй горы* (3 Цар. 19, 11.); здѣсь вода, и даже вода угашающая огонь. Если искушитель представитъ тебѣ нужду (какъ дерзнулъ и Христу), и потребуеть, да каменіе *хлѣбы* будутъ (Матѣ. 4, 3.), возбуждая тѣмъ голодь; окажись не незнающимъ его намѣреній. Научи его, чему онъ еще не доучился; противоположи ему слово живота, кото-

Зрчи

рое есть хлѣбъ, посылаемый съ неба и дарующій жизнь міру. Если искушаетъ тебя тщеславіемъ (какъ и Христа, возведя на крило церковное, и сказавъ: *верзися низу* въ доказательство Божества, Мате. 4, 5. 6.); не низлагай себя превозношеніемъ. Если сіе пріобрѣтетъ, не остановится на томъ; онъ ненасытенъ, на все простирается; обольщаетъ добрымъ, и оканчиваетъ лукавствомъ: таковъ способъ его брани! Даже и въ Писаніи свѣдущъ сей душегубецъ; изъ одного мѣста скажетъ: писано есть о хлѣбѣ, изъ другаго: писано объ Ангелахъ. *Писано бо есть, говоритъ, яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ, и на рукахъ возмутъ тя* (Пс. 90, 12.). О хитромудренный на зло, для чего не договорилъ и послѣдующаго (я твердо помню сіе, хотя и умолчишь ты), что, ограждаемый Троицею, наступлю на тебя—*аспида и василиска* (13.), и буду попирать *змію и скорпію* (Лук. 10, 19.)? Если же станетъ преодолевать тебя ненасытностію, въ одно мгновение времени и зрѣнія показывая всѣ царства, какъ ему принадлежащія, и требуя поклоненія; презри его, какъ нищаго, и съ надеждою на печать (а) скажи: «я самъ образъ Божій, не погубилъ еще небесной славы, какъ ты чрезъ превозношеніе; я во Христа облекся, во Христа преобразился Крещеніемъ; ты поклонись мнѣ.» И врагъ, какъ твердо знаю, побѣжденный и посрамленный сими словами, какъ отступилъ отъ Христа—перваго Свѣта, такъ отступитъ и отъ просвѣщенныхъ Имъ.

(а) Крещеніе и Мвропомазаніе.

Сіе даруетъ купель Крещенія ощутившимъ силу ея! Такое пиршество предлагаетъ она имѣющимъ благую алябу! Итакъ будемъ креститься, чтобы побѣдить; приобщимся очистительныхъ водъ, которыя омываютъ лучше иссопа, очищаютъ паче законной крови, которыя священнѣе, нежели *пепель юнцій, кропящій оскверненныя* (Евр. 9, 15.), имѣющій силу только на время очищать тѣло, а не истреблять совершенно грѣхъ. Ибо какая была бы нужда очищаться тѣмъ, которые однажды очищены? Крестимся нынѣ, чтобы не потерпѣть принужденія завтра; не будемъ отдалять отъ себя благодѣаніе, какъ обиду; не будемъ ждать, пока сдѣлаемся худшими, чтобы прощено было намъ больше; не будемъ Христо-корчемниками и Христо-купцами, не станемъ обременять себя сверхъ того, что можемъ понести, чтобы не потонуть вмѣстѣ съ кораблемъ и не подвергнуть кораблекрушенію благодать, погубивъ все, когда надѣялись получить больше. Спиши къ дару, пока еще владѣешь разсудкомъ; пока не боленъ и тѣломъ и духомъ, или не кажешься больнымъ для присутствующихъ, хотя и здоровъ ты умомъ; пока твое благо не въ чужихъ рукахъ, но ты самъ господинъ ему; пока языкъ твой не запинается, не охладѣлъ и можетъ ясно произнести (не говорю уже о большемъ) слова тайноводства; пока можешь сдѣлаться вѣрнымъ такъ, чтобы другіе не догадывались только о семъ, но удостовѣрились въ томъ, не сожалѣли о тебѣ, но ублажали тебя; пока даръ для тебя очевиденъ, а не сомнителенъ, благодать касается глубинъ, а не тѣло омывается на погребеніе; пока нѣтъ около тебя слезъ—признаковъ

твоего отшествія, или только въ угожденіе тебѣ удерживаютъ ихъ, а жена и дѣти желаютъ продлить минуту разлуки и домогаются послѣднихъ отъ тебя словъ; пока нѣтъ при тебѣ неискуснаго врача, общающаго нѣсколько часовъ жизни, которые не въ его власти, наклоненіемъ головы опредѣляющаго надежду исцѣленія, умѣющаго разсуждать о болѣзни послѣ смерти, удаленіемъ отъ тебя или вынуждающаго большую плату, или дающаго знать о безнадежности; пока не спорятъ о тебѣ креститель и корыстолюбецъ, спѣша—одинъ тебя напутствовать, а другой вписаться къ тебѣ въ наслѣдники, между тѣмъ какъ время не позволяетъ ни того, ни другаго. Для чего ждешь благодѣянія отъ горячки, а не отъ Бога? отъ времени, а не отъ разсудка? отъ коварнаго друга, а не отъ спасительной любви? не отъ собственной воли, а отъ принужденія? не отъ свободы, а отъ крайности обстоятельствъ? Почему тебѣ надобно отъ другаго узнавать о своемъ отшествіи, а самъ не хочешь помыслить о немъ, какъ уже о наступившемъ? Почему домогаешься врачевствъ, которыя ни мало не помогутъ? Ждешь пота, общающаго переломъ болѣзни, когда можетъ—быть близокъ потъ смертный? Врачуи самъ себя до наступленія нужды; пожалѣй о себѣ ты—близкій цѣлитель недуга. Запаси самъ для себя истинно спасительное врачевство. Пока плывешь при попутномъ вѣтрѣ, страшишь кораблекрушенія, и имѣя помощницей боязнь, меньше потерпишь при самомъ кораблекрушеніи. Пусть даръ съ торжествомъ приеѣмлетъ, а не съ плачемъ; пусть талантъ отдается въ обращеніе, а не зарывается въ землю; пусть будетъ какой

нибудь промежутокъ между благодатию и кончиною, чтобы не только изгладилась худья писмена, но и написаны были на ихъ мѣстѣ лучшія, чтобы тебѣ имѣть не только благодать, но и воздаяніе, не только избѣжать огня, но и наслѣдовать славу, которую приобрѣтаетъ даръ, отданный въ обращеніе. Одни низкіе духомъ почитаютъ великимъ дѣломъ избѣжать наказанія; а возвышенные духомъ домогаются и награды.

Мнѣ извѣстны три стѣпени въ спасаемыхъ: рабство, наемничество и сыновство. Если ты рабъ; то бойся побоевъ. Если наемникъ; одно имѣй въ виду — получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сынъ, стыдись Бога какъ отца; дѣлай добро, потому что хорошо повиноваться отцу. Хотя бы ничего не надѣялся ты получить; угодить отцу само по себѣ награда. — Да не окажемся пренебрегающими сіе! Какъ безразсудно захватывать себѣ имущество, а отвергать здравіе; очищать тѣло, а очищеніе души имѣть только въ запасѣ; искать свободы отъ дольняго рабства, а горней не желать; прилагать все тщаніе, чтобы домъ и одежда были пышны, а не заботиться, чтобы самому стать достойнымъ большаго; имѣть усердіе благодѣтельствовать другимъ, а не хотѣть сдѣлать добро себѣ! Если бы благо сіе покупалось на деньги; ты не пожалѣлъ бы никакихъ сокровищъ. А если предлагается изъ челоувѣколюбія; пренебрегаешь готовность благотворенія.

Всякое время прилично для омовенія; потому что во всякое время постигаетъ смерть. Велегласно взываю къ тебѣ съ Павломъ: *се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2.);

а словомъ *нынѣ* означаетъ онъ не извѣстное одно время, но всякое. И еще: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ев. 5, 14.), прекращающій грѣховную ночь; потому что *въ нощи надежда зла*, говоритъ Исаія (28, 19.), и полезнѣе быть приняту утромъ. Сбѣй, когда время; собирай, и разрушай житницы, также когда время; и сади въ пору, и обирай виноградъ зрѣлый; смѣло пускай въ море корабль весною, и вводи его въ пристань, когда наступаетъ зима, и начинается бѣшевать море. Пусть будетъ у тебя *время брани и мира*, брака и безбрачія, дружбы и раздора, если и онъ тебѣ нуженъ, и вообще время всякаго дѣла, если сколько-нибудь должно вѣрить Соломону (Еккл. 3, 1—8.). А вѣрить ему должно, потому что совѣтъ полезень. Но спасеніе свое всегда содѣлывай, и всякое время да будетъ благовременно для Крещенія.

Если, минуя настоящій день, постоянно имѣешь въ виду завтрашній, и такими недолгими отсрочками держитъ тебя, по обычаю своему, во власти своей лукавой, внушая: «отдай мнѣ настоящее, а Богу будущее; мнѣ юность, а Богу старость; мнѣ годы удовольствій, а Ему ни къ чему негодный возрастъ»; то въ какой ты опасности! Сколько нечаянныхъ случаевъ! Или война потребила, или землетрясеніе подавило развалинами, или море поглотило, или звѣрь похитилъ, или болѣзнь погубила, или кроха остановившаяся въ горлѣ (ибо всего легче умереть челоуѣку, хотя и высоко думаешь о томъ, что ты образъ), или излишнее употребленіе питія, или порывистый вѣтеръ, или увлекшій конь,

или злонамѣренно приготовленный ядовитый составъ, а можетъ-быть и вмѣсто спасительнаго оказавшійся вреднымъ, или судія безчеловѣчный, или неумолимый исполнитель казни, или сколько еще такихъ случаевъ, отъ которыхъ въ скорѣйшемъ времени бываетъ смерть, и никакія пособія не сильны остановить ее! Если же предоградишь себя печатію, обезопасишь свою будущность лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ пособіемъ, ознаменовавъ душу и тѣло Муропомазаніемъ и Духомъ, какъ древле Израиль ношною и охраняющею первенцовъ кровію и помазаніемъ (Ис. 12, 13.); тогда что можетъ тебѣ приключиться? И сколько для тебя сдѣлано! Слушай, что сказано въ Притчахъ: *аще бо сядеши, безбоязненъ будеши, аще же поспиши, сладостно поспиши* (Притч. 3, 24.). Что и у Давида благовѣствается? *Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ сряща и бѣса полуденнаго* (Пс. 90, 5. 6.). Сіе и во время жизни весьма важно для твоей безопасности (и вѣру не легко покушаться на овцу, на которой положенъ знакъ, а неимѣющую на себѣ знака безъ опасенія украдутъ); и по отшествіи отъ жизни — прекрасный погребальный покровъ, который свѣтлѣе всякой одежды, дороже золота, великолѣпнѣе гробницы, священнѣе бесплодныхъ насыпей, благовременнѣе спѣлыхъ начатковъ, что все мертвецы приносятъ въ даръ мертвецамъ, обративъ обычай въ законъ. Пусть все у тебя погибнетъ, все будетъ похищено: деньги, имущество, престолы, отличія, и что еще относится къ дольней коловратности; но ты безопасно окончишь жизнь свою, не утративъ ни одного изъ пособій, дарованныхъ тебѣ Богомъ ко спасенію.

Но ты опасешься, чтобы не растлить въ себѣ благодати, и потому отлагаешь очищеніе, какъ не имѣющей другаго? Чтò же? Не боишься ли, что подвергнешься опасности во время гоненія и лишишься лучшаго достоянія — Христа? Ужели по сей причинѣ станешь избѣгать того, чтобы и Христіаниномъ стать? Да удалится отъ тебя такой страхъ нездраваго человѣка, такое разсужденіе повредившагося въ умѣ! Какая неосторожная, если можно такъ сказать, осторожность! Какое ухищреніе лукаваго! Онъ дѣйствительная тма, и притворяется свѣтомъ; когда не можетъ успѣть, нападая открыто, строить невидимыя козни; и будучи лукавъ, представляетъ изъ себя добраго совѣтника, чтобы ему какимъ бы то ни было способомъ непременно одолѣть, а намъ ни въ какомъ случаѣ не избѣгнуть его навѣтовъ. То же очевиднымъ образомъ строить онъ и здѣсь. Не имѣя возможности явно убѣдить тебя — презирать Крещеніе, вредить тебѣ вымышленною осторожностію, чтобы тебѣ, чего ты страшился, когда самъ не примѣчаешь, потерпѣть то отъ страха, и поелику ты опасался растлить даръ, чрезъ сіе самое опасеніе лишиться дара. Таковъ врагъ; и никогда не оставитъ своего двоедущія, доколѣ видить, что мы поспѣшаемъ къ небу, откуда онъ испалъ. Но ты, человѣкъ Божій, проникай въ злоумышленіе противника; у тебя борьба съ сильнымъ и о дѣлѣ самомъ важномъ; не бери въ совѣтники врага; не пренебрегай тѣмъ, чтобы именоваться и быгь вѣрнымъ.

Доколѣ ты оглашенный, дотолѣ стоишь въ преддверіи благочестія; а тебѣ должно взойдти внутрь,

пройти дворъ, видѣть Святая, прикинуть взоромъ во Святая-Святыхъ, быть съ Троицею. Велико то, за что у тебя брань; великое потребно тебѣ и огражденіе. Противопоставь щитъ вѣры; врагъ боится, когда вступаешь въ сраженіе съ оружіемъ. Для того желаетъ видѣть тебя обнаженнымъ отъ благодати, чтобы удобнѣе было побѣдить безоружнаго и ничѣмъ не охраняемаго. Онъ касается всякаго возраста, всякаго рода жизни; посему отражай его во всемъ.

Если ты молодъ; стань съ сборниками противъ страстей, вступи въ воинство Божіе; мужайся противъ Голіаѳа, плѣни тысячи и тѣмы. Такъ пользуйся возрастомъ, и не потерпи, чтобы увяла твоя юность, умерщвленная несовершенствомъ вѣры.

Ты старъ, и близокъ для тебя необходимый всѣмъ срокъ; уважь сѣдину, и требуемымъ ею благоразуміемъ вознагради за немощь, какою имѣешь теперь; окажи помощь немногимъ днямъ своимъ; ввѣрь старости очищеніе. Для чего въ глубокой старости и при последнемъ издыханіи боишься свойственнаго юности? Или ждешь, чтобы омыли тебя мертваго, возбуждающаго не столько сожалѣніе, сколько ненависть? Или любишь останки удовольствій, самъ будучи останкомъ жизни? Стыдно, изнемогая возрастомъ, не изнемочь похотію, но, или дѣйствительно ей предаваться, или казаться похотливымъ, откладывая очищеніе.

У тебя есть младенецъ?— Не давай времени успѣваться поврежденію; пусть освященъ будетъ въ младенчествѣ и съ юныхъ ногтей посвященъ Духу. Ты боишься печати, но немощи естества, какъ мало-

душная и маловѣрная мать? Но Анна и до рожденія общала Самуила Богу, и по рожденіи вскорѣ посвятила, и воспитала для священной ризы, не боясь человѣческой немощи, но вѣруя въ Бога. *Зрн* Нѣтъ никакой тебѣ нужды въ привѣскахъ и нашептываніяхъ, вмѣстѣ съ которыми входитъ лукавый, привлекая къ себѣ отъ легковѣрныхъ благоговѣніе, должное Богу.—Дай своему младенцу Троицу—сіе великое и доброе хранилище (б).

Что еще? Хранишь ли ты дѣвство?—Запечатлѣй очищеніемъ; содѣлай его сообщникомъ и собесѣдникомъ въ жизни; пусть оно управляетъ у тебя и жизнью и словомъ, и каждымъ членомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ чувствомъ. Почти его, чтобы оно украсило тебя; *да дастъ глава твоей вънецъ благодатей, вънцемъ же сладости защититъ тя* (Притч. 4, 9.). Ты связалъ себя узами брака; свяжи также и печатію. Сдѣлай своею сожительницею сію охранительницу цѣломудрія, которая гораздо надежнѣе многихъ евнуховъ, многихъ придверниковъ.

Если ты еще не сопрягся плотію; не страшись совершенія; ты чистъ и по вступленіи въ бракъ. Я на себя беру отвѣтственность; я сочетатель, я невѣстоводитель. Ибо бракъ не безчестенъ потому только, что дѣвство честиѣ его. Я буду подражать Христу, чистому Невѣстоводителю и Жениху, Который чудодѣйствуетъ на бракъ, и Своимъ присут-

(б) *Φυλακτήριον*—повязка на лбу и на рукахъ съ словами изъ закона Божія, употреблявшаяся у Іудеевъ (Матѣ. 23, 5.).

ствіемъ доставляетъ честь супружеству. Да будетъ только бракъ чистъ и безъ примѣси нечистыхъ пожеланій. Объ одномъ только прошу: прими даръ, какъ огражденіе, и дару принеси отъ себя чистоту на-время, пока продолжаются дни, установленные для молитвы, которые честнѣе дней рабочихъ; и то по взаимному условію и согласію (1 Кор. 7, 5.). Ибо не законъ предписываемъ, но даемъ совѣтъ, и хотимъ взять нѣчто изъ твоего для тебя же и для общей вашей безопасности.

Кратко же сказать: нѣтъ рода жизни, нѣтъ состоянія, для котораго бы Крещеніе не было всего полезнѣе. Имѣющій власть, прими узду; рабъ—равночестіе; унывающій—утѣшеніе, благодушествующій—руководительство, убогій—некрадмое богатство, изобилующій—прекрасное распоряженіе тѣмъ, что имѣешь. Не умудряйся, не ухищрайся противъ своего спасенія. Хотя и обманываемъ другихъ, но самихъ себя обмануть невозможно. Да и самое опасное и безразсудное дѣло играть самимъ собою.

Но ты живешь въ обществѣ, отъ обращенія съ людьми—не безъ оскверненія; потому страшно, чтобы не истощилось Божіе къ тебѣ милосердіе? Отвѣтъ на сіе простъ. Если можно, бѣги и торжища съ своимъ добрымъ сопутникомъ. Подвяжи себѣ крылья орлиныя, или, собственнѣе скажу, голубиныя; ибо что тебѣ до кесаря и принадлежащаго кесарю, пока не почишь тамъ, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни очерненія, ни змія, угрызающаго на пути и препятствующаго тебѣ шествовать по Бозѣ. Исхити душу свою изъ міра; бѣги Содомы; бѣги пожара; иди не озираясь, чтобы не отвердѣть въ соляный

камень; спасайся въ гору, чтобы и тебя не постигла вмѣстѣ гибель. Если же ты не воленъ уже въ себѣ, и обязался необходимыми узами; то скажи самъ себѣ, или, лучше, я тебѣ скажу: всего превосходнѣе сподобиться блага и сохранить очищеніе. Если же невозможно совмѣстить то и другое; то лучше очернить себя иногда нѣскольکو мірскими обязанностями, нежели совершенно лишиться благодати, какъ лучше, думаю, получить иногда выговоръ отъ отца и господина, нежели быть отъ него вовсе отринутымъ; и лучше озаряться нѣсколькими лучами, нежели быть въ совершенной тмѣ. А благоразумному свойственно побирать какъ изъ благъ большія и совершеннѣйшія, такъ и изъ золъ меньшія и легчайшія. Посему не слишкомъ бойся очищенія. Ибо праведный и челоуѣколюбивый Судія нашихъ дѣлъ всегда цѣнитъ заслуги наши, соображаясь съ родомъ жизни каждаго. И неоднократно тотъ, кто, живя въ мірѣ, успѣлъ въ немногомъ, бралъ преимущество предъ тѣмъ, кто едва не успѣлъ во всемъ, живя на свободѣ: такъ какъ, думаю, большее заслуживаетъ удивленіе — въ узахъ идти медленно, нежели бѣжать, не имѣя на себѣ тяжести, и, ида по грязи, не много замараться, нежели быть чистымъ на чистомъ пути. Въ доказательство же слова скажу, что Раавъ блудницу оправдало одно только страннолюбіе, хотя и не одобряется она ни за что другое, и мытаря, ни за что' другое не похваленаго, одно возвысило, именно смиреніе, дабы ты научился не вдругъ отчаяваться въ себѣ.

Но скажешь: «какая мнѣ польза преждевременно связать себя Крещеніемъ, и поспѣшностію лишить

себя пріятностей жизни, когда можно насладиться удовольствіями, и потомъ сподобиться благодати? Ибо начавшимъ ранѣе трудиться въ Виноградникѣ не оказано никакого предпочтенія, но дана плата равная съ послѣдними» (Матѳ. 20, 1—15.). Ты, говорящій сіе, чье бы ни было такое разсужденіе, избавилъ насъ отъ труда, открывъ не безъ скорби тайну своего медленія, и не одобряя тебя за худое дѣло, хвалю за признаніе. Но выслушай и объясненіе притчи, чтобы, по неопытности, не извлечь тебѣ вреда изъ Писанія. Во-первыхъ, здѣсь рѣчь не о Крещеніи, но о вѣрующихъ и вступающихъ въ добрый виноградникъ — Церковь въ разныя времена; ибо въ который день и часъ кто увѣровалъ, съ того самаго и обязанъ трудиться. Потомъ, пришедшіе прежде, хотя больше сдѣлали пожертвованія, если мѣрятъ трудъ, но не больше, если мѣрятъ произволеніе; а можетъ-быть послѣдніе и больше заслужили, хотя такое сужденіе и странно нѣсколько. Причиною поздняго вступленія въ виноградникъ было позднее призваніе къ дѣланію онаго. Разсмотримъ же, какое было различіе во всемъ прочемъ. Первые увѣровали и пришли не прежде, какъ по объявленіи имъ условной платы; а послѣдніе приступили къ дѣлу безъ договора, что служить признакомъ большей вѣры. Первые обнаружили въ себѣ зависть и склонность къ ропоту, а послѣдніе не обвиняются ни въ чемъ подобномъ. И данное первымъ, при всемъ ихъ лукавствѣ, была плата; а данное послѣднимъ — милость; почему первые, уличенные еще въ неразуміи, справедливо лишены большаго. Спрашивается, что было бы имъ, если бы

они опоздали?— Очевидно, равная съ прочими плата. И такъ за что же жалуются на дающаго плату, буд-то бы онъ не уравниалъ трудившихся, давъ поровну? Все сіе уменьшаетъ цѣну пота, пролитаго первыми, хотя они и прежде начали трудиться. Изъ чего видно, что раздѣлъ платы поровну былъ справедливъ; ибо произволеніе измѣряемо было наравнѣ съ трудомъ. Но если притча, по твоему толкованію, иносказательно изображаетъ силу омовенія; что препятствуетъ, пришедши прежде и понесши *варь*, не завидовать послѣднимъ, чтобы ты имѣлъ преимущество и въ этомъ самомъ— въ челоуѣколюбіи, и получилъ воздаяніе, какъ долгъ, а не какъ даръ? Наконецъ мзду получаютъ тѣ дѣлатели, которые вошли въ виноградникъ, а не около него ходятъ. А есть опасность, чтобы съ тобою не случилось послѣдняго. Посему, если бы ты зналъ, что сподобишься дара и при такихъ разсужденіяхъ, когда злонамѣренно сокращаешь нѣсколько своей трудъ; то извинительно было бы прибѣгать къ такимъ расчетамъ и желать нѣчто выторговать у челоуѣколюбія Владыки; не говорю уже, что бѣдшій трудъ самъ по себѣ есть большая награда для челоуѣка, у котораго сердце не вовсе предано корчемству. Если же угрожаетъ тебѣ опасность— чрезъ такой торгъ совсѣмъ не взойдти въ виноградникъ, и выгадывая малое, можешь понести убытокъ въ главномъ; то убѣдись моими словами, и оставивъ неправыя толкованія и возраженія, безъ расчетовъ приступи къ дару, чтобы не лишиться жизни прежде исполненія надеждъ, и не узнать на опытѣ, что подобныя лжеумствованія дѣлалъ ты самъ противъ себя.

«Что же? — скажешь; развѣ Богъ не милосердъ? Онъ знаетъ помышленія, испытуетъ расположеніе, и желаніе креститься не пріемлетъ развѣ за самое крещеніе?» Ты говоришь похожее на загадку, если у Бога, по челоуѣколюбію Его, непросвѣщенный есть тоже, что просвѣщенный, или съ вошедшимъ въ царствіе небесное равенъ и тотъ, кто желаетъ только получить оное, хотя и не творитъ дѣлъ царствія. Но осмѣлюсь сказать о семъ, что думаю; полагаю же, что согласятся со мною и другіе имѣющіе умъ. Изъ пріявшихъ даръ, одни были совершенно далеки отъ Бога и спасенія, вдавались во всѣ роды порока и старались быть порочными. Другіе были какъ-бы въ половину худы, и держались середины между добродѣтелию и порокомъ; они хотя дѣлали зло, однакоже не одобряли сдѣланнаго, какъ больные горячкою не хвалятъ своей болѣзни. Иные же и до совершенія были достойны похвалы, или отъ природы, или потому что собственнымъ тщаніемъ предпочищали себя къ Крещенію; а по совершеніи оказались еще лучшими и осторожнѣйшими; предпочищали себя, чтобы получить благо, а соблюдали большую осторожность, чтобы сохранить оное. Изъ всѣхъ нихъ лучше совершенно худыхъ тѣ, которые отстаиваютъ нѣсколько отъ порока, а лучше нѣсколько отстаившихъ болѣ ревностные и предвоздѣлавшіе себя къ Крещенію, потому что имѣютъ нѣкоторое преимущество, именно дѣятельность; а Крещеніе, изглаждая грѣхи, не уничтожаетъ заслугъ. Но лучше всѣхъ численныхъ тѣ, которые воздѣлываютъ и самую благодать, и образуютъ себя до возможно-большой лѣпоты. Равнымъ образомъ между не пріемлющими

Крещенія, одни совершенно подобны скотамъ или звѣрямъ, по своему неразумію или злонравію. Сверхъ прочихъ золъ въ нихъ есть и то, что они, какъ думаю, не очень уважаютъ и даръ Крещенія; но дѣйствительно какъ даръ, если данъ имъ, любятъ, и если не данъ, презираютъ. Другіе хотя и чтутъ даръ, но медлятъ принять оный, то по нерадѣнію, то по невоздержности. Иные даже не имѣютъ возможности и принять дара, или можетъ-быть по малолѣтству, или по какому-то совершенно не зависящему отъ нихъ стеченію обстоятельствъ, по которому не сподобляются благодати, хотя бы сами того и желали.

И, какъ между первыми нашли мы большое различіе, такъ находимъ и между послѣдними. Совершенные презрители хуже невоздержныхъ и нерадивыхъ; а послѣдніе хуже тѣхъ, которые по невѣдѣнію, или по принужденію, лишаются дара; ибо сдѣланное по принужденію есть не иное что, какъ невольное прегрѣшеніе. И думаю, что одни потерпятъ наказаніе какъ за другіе пороки, такъ и за презрѣніе Крещенія. Другіе же хотя потерпятъ наказаніе, но меньшее; потому что не столько по злонравію, сколько по невѣдѣнію не получили Крещенія. А послѣдніе не будутъ у праведнаго Судіи ни прославлены, ни наказаны; потому что, хотя не запечатлѣны, однакоже и не худы, и больше сами потерпѣли, нежели сдѣлали вреда. Ибо не всякій, не достойный наказанія, достоинъ уже и чести; равно какъ не всякій недостойный чести достоинъ уже наказанія.—Разсмотрю и слѣдующее. Если ты признаешь убійствомъ одно намѣреніе убить, безъ совершенія убійства; то почитай крещеннымъ желав-

шаго креститься, но не крестившагося дѣйствительно. Если же не признаешь перваго; то почему признать послѣдняго? Не вижу причины. Но когда хочешь, разсудимъ и такъ. Если достаточно желанія вмѣсто силы Крещенія, и за одно желаніе присуждаешь себѣ славу; то и вмѣсто славы удовольствуйся однимъ желаніемъ. И какой для тебя вредъ не сподобиться оной, когда имѣешь желаніе?

Итакъ поелику вы слышали гласы сіи; *приступите къ нему и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся* (Пс. 33, 6) отъ того, что не достигли благодати. Примите просвѣщеніе, пока есть время, *да тма васъ не преслѣдуетъ и не иметъ* (Іоан. 12, 35.), удаливъ отъ просвѣщенія. Наступитъ ночь, и тогда — по отшествіи отсюда никто не можетъ дѣлать. Первое есть слово Давида, а послѣднее — Истиннаго Свѣта, *просвѣщающаго всякаго человека, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Подумайте, что и Соломонъ жестоко укоряетъ васъ нерадивыхъ и медлительныхъ: *доколь о льнине лежиши? когда же отъ сна встанеши* (Притч. 6, 9)? Вымышляемъ то и другое *непщевати вины о грѣсѣхъ* (Пс. 140, 4). «Жду дня Свѣтовъ; болѣе уважаю Пасху; жду Пятидесятницы: лучше со Христомъ просвѣтиться; со Христомъ возстать въ день воскресенія; почтить явленіе Духа.» Чтò же потомъ? *Кончина придетъ внезапно, въ день, въ онъже не чаялъ еси, и въ часъ, въ онъже не въдалъ еси* (Лук. 12, 46). А при тебѣ *золъ путникъ—убожество* (Притч. 6, 11.) благодати, и ты будешь алченъ среди толкаго богатства благости. Тебѣ должно въ противоположномъ пожинать противоположное, въ неусып-

номъ трудѣ жатву и въ источникѣ прохладеніе, подобно томимому сильною жаждою, который со тщаніемъ бѣжитъ къ источникамъ, и утомленіе отъ пути погашаетъ водою, а не терпѣтъ Измаиловой участи, не истаевать жаждою отъ безводія, или, по пословицѣ, не мучиться жаждою среди источника. Не хорошо миновать торжище, и потомъ искать покупокъ; не хорошо пройти мимо манны, и потомъ пожелать пищи; худо позднее сожалѣніе, худо тогда уже почувствовать свою потерю, когда нѣтъ способа отвратить ее, то-есть по отшествіи отсюда, по горькомъ заключеніи того, что совершенно каждымъ въ жизни, по наказаніи грѣшниковъ и прославленіи очищенныхъ. Посему не медлите приступить къ благодати, но поспѣшайте, чтобы не предварилъ васъ разбойникъ, не предускорилъ прелюбодѣй, не взялъ предъ вами преимущества лихоимецъ, не предвосхитилъ блага убійца, мытарь, блудникъ, или кто-нибудь изъ тѣхъ, которые берутъ царствіе силою и хищнически (Матѣ. 11, 12), а оно, по благодати, добровольно терпитъ насиліе и хищеніе. Будь медленъ на злое дѣло, а скоръ ко спасенію, любезный, какъ убѣждаю я. Ибо равно худы и готовность на худшее, и медленность къ лучшему. Если бы позвали тебя пировать, не спѣши; если бы — отречься отъ Вѣры, бѣги прочь; если бы въ скопищѣ злонамѣренныхъ людей сказали тебѣ: *иди съ нами, приобщися крове: скроемъ же въ землю мужа праведна неправедно* (Притч. 1, 11.), — не приклоняй и уха. Ибо приобрѣтешь отъ сего двѣ весьма великія пользы: и ихъ вразумишь о грѣхѣхъ, и самъ избавишься худаго сообщества. — Но если говоритъ тебѣ ве-

ликій Давидъ: *приидите, возрадуемся Господеви* (Пс. 94, 1.); или другой Пророкъ: *приидите, взыдемъ на гору Господню* (Ис. 2, 3.); или Самъ Спаситель: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѣ. 11, 28.); и еще: *встаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.) свѣтлые свѣтло, *возблиставъ паче снѣга, огустѣвъ паче млека, просіявъ паче камене сапфира* (Плач. Іер. 4, 7.): то не будемъ уклоняться и медлить. Сдѣлаемся Петромъ и Іоанномъ: какъ они спѣшили ко гробу и на воскресеніе, такъ и мы поспѣшимъ къ купели Крещенія; *потечемъ то вкупль, то скорпе другъ друга* (Іоан. 20, 4.), стараясь предвосхитить благо. *И не рцы: отшедъ возвратися, и завтра крещуся, сильну ти сущу нынѣ благодворити* (Притч. 3, 28).

« Пусть придетъ мать, пусть придетъ отецъ, придутъ братья, жена, дѣти, друзья, все, что для меня дорого, и тогда спасуся; а теперь еще не время мнѣ стать свѣтлымъ.» Но бойся, чтобы не стали сообщниками плача тѣ, которыхъ ты надѣялся имѣть сообщниками веселія. Если они съ тобою, хорошо; а если нѣтъ, не ожидай. Стыдно говорить: «гдѣ у меня приношеніе по Крещенію? Гдѣ свѣтлая одежда, въ которой бы просвѣтиться Крещеніемъ? гдѣ нужное для принятія моихъ крестителей, чтобы и въ этомъ не остыдить себя?»— Но сіе, какъ видишь, весьма необходимо, и безъ сего благодать умалится! Не занимайся мелочами въ дѣлахъ важныхъ; не предавайся низкимъ чувствованіямъ; таинства важнѣе видимаго; самого себя принеси въ даръ, во Христа облекись, напитай меня своею жизнію: та-

кому гостепрѣмству радъ я, сіе угодно и Богу, Который даруетъ величайшія блага. Изъ великаго для Бога ничего нѣтъ, чего бы не далъ и нищій, чтобы нищіе и въ семь не отставали, не имѣя, чѣмъ соревновать съ богатыми. И хотя въ другомъ есть различіе между богатымъ и убогимъ; однакоже здѣсь кто усерднѣе, тотъ и богатѣе. Ничто да не препятствуетъ тебѣ идти впередъ, ничто да не отвлекаетъ назадъ твоего усердія. Пока желаніе сильно, получай желаемое; пока горячо желъзо, закалай его въ холодной водѣ, чтобы не встрѣтилось чего къ пресѣченію твоего желанія. Я Филиппъ; будь Евнухомъ Кандакіи. Скажи и самъ: *се вода, что возбраняетъ ми креститися* (Дѣян. 8, 36.)? Лови случай, будь радъ благу. И сказавъ, крестись; и крестившись, спасись. Хотя бы ты былъ муринъ тѣломъ, убѣлись душою; получи спасеніе, котораго нѣтъ ничего выше, ничего достоестнѣе для имѣющихъ умъ.

Зрѣ!

Не говори: «меня долженъ крестить Епископъ, притомъ Митрополитъ и Іерусалимянинъ (благодать не отъ мѣста, а отъ Духа), сверхъ того кто нибудь изъ людей благородныхъ; ибо опасно, чтобы благородство мое не было унижено крестителемъ; или хотя священникъ, но безбрачный, человекъ воздержный и ангельской жизни; ибо несносно, если осквернюсь во время очищенія.»—Не вникай въ достовѣрность проповѣдника или крестителя. У нихъ есть другой Судія, испытующій и невидимое; потому что *человѣкъ* (зритъ) *на лице*, *Богъ же на сердце* (1 Цар. 16, 7.). А къ очищенію тебя всякой достоинъ вѣры; только былъ бы онъ изъ числа полу-

чившихъ на сіе власть, не осужденныхъ явно и не отчужденныхъ отъ Церкви. Не суди судей ты, требующій врачеванія; не разбирай достоинства очищающихъ тебя; не дѣлай выбора, смотря на родителей. Хотя одинъ другаго лучше, или ниже, но всякій выше тебя. Разсуди такъ: два перстня, золотой и желѣзный, и на обоихъ вырѣзанъ одинъ и тотъ же царскій ликъ, и обоими сдѣланы печати на воску. Чѣмъ одна печать отлична отъ другой? — Ни чѣмъ. Распознай вещество на воску, если ты всѣхъ премудрѣе. Скажи: который оттискъ желѣзнаго, и который золотого перстня? И отъ чего онъ одинаковъ? Ибо хотя вещество различно, но въ начертаніи нѣтъ различія. Такъ и крестителемъ да будетъ у тебя всякій! — Ибо хотя бы одинъ превосходилъ другаго по жизни, но сила Крещенія равна, и одинаково можетъ привести тебя къ совершенству всякій, кто наставленъ въ той же вѣрѣ.

Зрк

Не гнушайся креститься вмѣстѣ богатый съ бѣднымъ, благородный съ худороднымъ, господинъ съ тѣмъ, который доселѣ рабъ его. Ты не окажешь столько смиренномудрія, сколько Христось, въ Котораго нынѣ крещаясь, Который для тебя принялъ и зракъ раба. Съ того дня, въ который обновляешься, всѣ старыя отличія миновались, всѣ одинакимъ образомъ облакаются во Христа.

Зная, какъ крестилъ Іоаннъ, не стыдись исповѣдать грѣхъ свой, чтобы, подвергшись стыду здѣсь, избѣжать онаго тамъ; потому что и стыдъ есть часть тамошняго наказанія. Докажи, что дѣйствительно возненавидѣлъ ты грѣхъ, предъ всѣми открывъ и выставивъ его на позоръ.

Не презирай врачевства заклинанія; не ропщи на его продолжительность; и это есть испытаніе искренности, съ какою приступаешь къ Крещенію. Чтò жъ, если и столько потрудишься, сколько Еѳіопская царица, которая *прдвиглась отъ конецъ земли, чтобы видѣть премудрость Соломонову? И се множае Соломона здѣ для разумѣющихъ дѣло совершенно* (Лук. 11, 31).

Да не устрашаютъ тебя ни дальность пути, ни обширность моря, ни огонь, если онъ на дорогѣ, ни другое какое-либо, малое или большее, препятствіе, чтобы сподобиться благодати. Если же безъ всякаго труда, безъ всякихъ издержекъ, можно тебѣ получить желаемое; то сколь безразсудно отлагать даръ! Сказано: *жаждущіи идите на воду*; такъ повелѣваетъ тебѣ Исаія, *и елицы не имате сребра, шедше купите, и пійте вино безъ сребра цѣны* (Ис. 55, 1.). Какая скорость въ челоуѣколюбіи! какое удобство для купли! Надобно только пожелать блага, и оно поступаетъ въ продажу; самое стремленіе принимается за великую цѣну. Господь жаждетъ, чтобы Его жаждали, напоеваетъ желающихъ пить; пріемлетъ за благодареніе, если просятъ у Него благодаренія, доступенъ, великодаровитъ; съ большею пріятностію даетъ, нежели иные пріемлютъ сами. Только не обнаружимъ въ себѣ низкой души, прося того, чтò маловажно и не достойно Дающаго. Блаженъ, у кого просить питія Христось, какъ у Самарянки, и кому даетъ *источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14.)! Блаженъ *стѹющій при всякой водѣ* (Ис. 32, 20.) и во всякой душѣ, которая завтра будетъ воздѣлываема и напаяема, и которую нынѣ *воль и осель попираетъ*; потому

что поросла терніемъ, безводна, подавлена неразуміемъ! Блаженъ, кто, хотя *водотечъ ситія* (Іоил. 3, 18.), напоевается *отъ дому Господня*, и вмѣсто тростника произращаетъ хлѣбъ, приноситъ пищу годную для людей, а не жесткую и бесполезную; о чемъ и должно прилагать всякое стараніе, чтобы не остались недостижими общей благодати.

Возражать: «пусть все это справедливо будетъ въ разсужденіи ищущихъ Крещенія. Но что скажешь о тѣхъ, которые еще младенцы, не чувствуютъ ни вреда, ни благодати? Крестить ли намъ и ихъ?» — Непремѣнно; если настоятъ опасность. Ибо лучше безъ сознанія освятиться, нежели умереть незапечатлѣннымъ и несовершеннымъ. Доказательствомъ сему служитъ осмодневное обрѣзаніе, которое въ прообразовательномъ смыслѣ было нѣкоторою печатію, и совершалось надъ неполучившими еще употребленія разума; а также помазаніе пороговъ, чрезъ неодушевленные вещи охраняющее первенцевъ. О прочихъ же малолѣтныхъ даю такое мнѣніе: дождавшись трехлѣтія, или нѣсколько ранѣ, или нѣсколько позже, когда дѣти могутъ слышать что-нибудь таинственное и отвѣчать, хотя не понимая совершенно, однакожъ напечатлѣвая въ умѣ, должно освящать ихъ души и тѣла великимъ таинствомъ совершенія. Причина же сему слѣдующая: хотя дѣти тогда начинаютъ подлежать отвѣтственности за жизнь, когда и разумъ придетъ въ зрѣлость, и уразумѣютъ они Таинство (потому что за грѣхи невѣднія не взыскивается съ нихъ по причинѣ возраста); однакоже оградиться имъ Крещеніемъ безъ сомнѣнія гораздо полезнѣе, по причинѣ внезапно встрѣчаю-

щихся съ ними, и никакими способами не предотвращаемыхъ, опасностей.

Скажутъ: «Христось, при всемъ томъ, что Онъ Богъ, крещается тридцати лѣтъ; какъ же повелѣваешь слѣшить крещеніемъ?»—Сказавъ, что Онъ—Богъ, ты рѣшилъ вопросъ. Онъ—источная чистота, и не имѣлъ нѣжды въ очищеніи; очищается же для тебя, такъ какъ и плоть носитъ для тебя, Самъ будучи безплотенъ. Ему не было никакой опасности откладывать Крещеніе; потому что Самъ былъ властенъ и въ страданіи, равно какъ и въ рожденіи. Но для тебя не малая опасность, если умрешь, родившись для одного тлѣнія, и не облекшись въ нетлѣніе. Беру во вниманіе и то, что Христу необходимо было креститься въ такое время; а твои отношенія инаковы. Ибо Онъ явился міру тридцати лѣтъ отъ рожденія, а не прежде, частію для того, чтобы не показаться дѣйствующимъ изъ тщеславія (что составляетъ недугъ людей незнающихъ приличія), частію же потому, что въ семъ возрастѣ совершенно испытывается добродѣтель и прилично быть учителемъ. Когда же надлежало пострадать спасительнымъ для міра страданіемъ; тогда нужно стало, чтобы присоединилось къ страданію все, относящееся къ страданію, какъ-то: явленіе въ міръ, Крещеніе, свидѣтельство свѣше, проповѣдь, стеченіе народа, чудеса и то, чтобы изъ всего составилъ какъ-бы одно цѣлое нерасторженное и нераздѣленное промежутками. Ибо отъ Крещенія и проповѣди—потрясеніе (какъ называется сіе обстоятельство въ Писаніи, Матѣ. 21, 2.) стекающихся, отъ множества же народа—явленіе знаменій и чудеса приводяція

къ Евангелію; а отъ чудесъ зависть, отъ зависти ненависть, отъ ненависти совѣщаніе и предательство, отъ сего же крестъ, и всё, тѣмъ мы спасены. Такъ было со Христомъ, и по такимъ причинамъ, сколько для насъ постижимо. А можетъ-быть найдется сему и другое сокровеннѣйшее основаніе. Но тебѣ какая нужда, слѣдуя примѣрамъ, которые выше тебя, рѣшиться на худое? Ибо и многое другое изъ повѣстусмаго о тогдашнихъ событіяхъ оказывается инаковымъ, нежели какъ дѣлается нынѣ, и не сходится во времени. Напримѣръ, Христось постился предъ искушеніемъ, а мы постимся предъ Пасхою. Значеніе обоихъ постовъ одинаково, но относительно ко времени не малое между ними различіе. Христось противопоставляетъ постъ искушеніямъ, а у насъ знаменуетъ онъ умерщвленіе со Христомъ, и служить предпразднственнымъ очищеніемъ. Христось постится сорокъ дней, потому что Онъ Богъ; а мы соразмѣрили постъ съ силами; хотя ревность убѣждаетъ нѣкоторыхъ простираться и сверхъ силъ. Также Христось таинственно преподаетъ ученикамъ Пасху въ горницѣ, по вечера и за день до страданія, а мы совершаемъ ее въ молитвенныхъ домахъ, до вечера, и по воскресеніи. Онъ воскресаетъ въ третій день; а мы воскреснемъ по прошествіи многаго времени. Итакъ наши дѣйствія и неразрывны съ дѣлами Христовыми, и не сопряжены съ ними относительно ко времени; напротивъ того, Христовы дѣла преданы намъ для того, чтобы служили нѣкоторымъ образцемъ для нашихъ дѣйствій, но совершеннаго сближенія между ними быть не можетъ. Чтò же удивительнаго,

если Христось, хотя ради насъ принялъ Крещеніе, но отличается отъ насъ относительно ко времени? Но на сіе, кажется мнѣ, указываешь ты, какъ на нѣчто удивительное и великое, когда противоборствуешь своему спасенію!

Итакъ, если сколько-нибудь слушаетесь меня, оставивъ таковыя умствованія, притеките сами къ благу и совершите два подвига: предпочистите себя ко Крещенію, и сохраните Крещеніе. Ибо столько же трудно, и стяжать благо, котораго не имѣемъ, и стяжавъ, сберечь. Часто пріобрѣтенное со тщаніемъ утрачивается по нерадѣнію, а безопасно погубленное возвращается рачительностію. — Къ полученію желаемаго весьма хорошія у тебя пособія: бѣднія, посты, возлежаніе на голой землѣ, молитвы, слезы, милосердіе къ бѣднымъ, милостыня. Сіе же да будетъ у тебя и благодарственнымъ приношеніемъ за полученныя тобою блага, и вмѣстѣ охранительнымъ средствомъ. Служить ли для тебя благодареніемъ напоминаніемъ многихъ заповѣдей? Не преступай ихъ. Пришелъ нищій? Вспомни, какъ ты былъ убогъ, и какъ обогатился! — Онъ проситъ у тебя хлѣба, или питія; или можетъ-быть другой Лазарь лежитъ у твоихъ воротъ? Устыдись таинственной трапезы, къ которой ты приступалъ, хлѣба, котораго вкусилъ, чаши, которой пріобщился, освященный Христовыми страданіями. Припалъ къ тебѣ странникъ, не имѣющій дома, пришедшій издалека? Прими въ его лицѣ Содѣлавшагося ради тебя странникомъ, даже странникомъ между Своими, Водворившагося въ тебя благодатію, и Привлекшаго тебя къ горнему жилищу. Будь Закхеємъ,

который вчера был мытарь, а нынѣ сталъ щедръ: все принеси въ даръ Христову вѣществу, чтобы оказаться тебѣ великимъ, хорошо увидѣть Христа, хотя малъ ты возрастомъ тѣлеснымъ. — Лежитъ недужный и изъязвленный? Устыдись своего здравія и тѣхъ язвъ, отъ которыхъ избавилъ тебя Христосъ. Если видишь нагаго, одѣнь изъ уваженія къ твоей ризѣ нетлѣнія, то-есть ко Христу; потому что *елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся* (Гал. 3, 27.). Если встрѣтишь принадлежащаго должника, всякое писаніе праведное и неправедное *раздери* (Ис. 58, 6.). Вспомни тысячи талантовъ, которые простилъ тебѣ Христосъ. Не будь лютымъ истязателемъ за меньшій долгъ, и притомъ для кого? — Для подобныхъ тебѣ рабовъ, когда прощенъ тебѣ Господомъ большій долгъ; бойся, чтобы не понести тебѣ наказанія за Его человеколюбіе, которое дано тебѣ въ образецъ, и которому ты не подражалъ. Да будетъ для тебя купель сія очищеніемъ не только тѣла, но и образа Божія, не измovenіемъ только грѣховъ, но и исправленіемъ жизни. Пусть не только омоетъ прежнюю нечистоту, но очиститъ и источникъ. Пусть научитъ, не только прекрасно пріобрѣтать, но и прекрасно лишаться пріобрѣтеннаго, или, что гораздо легче, отказываться отъ пріобрѣтеннаго худо. Ибо что пользы, если тебѣ отпущенъ грѣхъ, а обиженному не сдѣлано удовлетворенія за ущербъ, тобою причиненный? Тобой сдѣлано двоякое зло: и пріобрѣтено неправедно, и удержано пріобрѣтенное; въ первомъ ты получилъ прощеніе; но вторымъ и нынѣ дѣлаешь неправду; потому что и теперь есть у

тебя чужое, и грѣхъ не истребленъ, а только раздѣленъ надвое временемъ; на одно отважился ты до Крещенія, а другое продолжаешь и послѣ Крещенія. Но купель даетъ отпущеніе грѣховъ содѣланныхъ, а не содѣваемыхъ. Надобно, чтобы очищеніе не на показъ было произведено, а проникло тебя, чтобы ты совершенно сталъ свѣтелъ, а не прикрашенъ спаружи, чтобы благодать служила не прикровеніемъ грѣховъ, но освобожденіемъ отъ нихъ. *Блажени, иже оставишася беззаконія*, сказано о совершенномъ очищеніи; и *иже прикрывшася грѣси* (Пс. 31, 1.),—о тѣхъ, у которыхъ внутреннее еще не очищено. *Блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь грѣха* (2),—это какъ-бы третій разрядъ согрѣшающихъ, которыхъ дѣла не похвальны, но сердце неповинно.

Что же говорю? И къ чему клонится слово мое? Вчера ты, душа, была Хананеяною, скорченною отъ грѣха (Лук. 13, 11.), а нынѣ выпрямлена Словомъ: не сгибайся снова, не наклоняйся къ землѣ, какъ обремененная узами лукаваго, не доходи до такого униженія, чтобы трудно было подняться тебѣ! Вчера изсыхала ты отъ сильнаго кровоточенія, потому что источала убійственный грѣхъ, а нынѣ изсякъ потокъ, и ты цвѣтешь, потому что *прикоснулася воскрилію ризы Христовой, и ста токъ* (Матѣ. 9, 20. Лук. 8, 44.). Храни же очищеніе, чтобы опять не стать кровоточивою и не лишиться силъ коснуться Христа и похитить спасеніе. Ибо Христосъ не часто позволяетъ Себя окрадывать, хотя и весьма человеколюбивъ. Вчера лежалъ ты на одрѣ разслабленнымъ и недвижимымъ, и не имѣлъ человѣка,

да егда возмутится вода, ввержетъ ты въ купель (Іоан. 5, 7.); а нынѣ нашель ты челоуѣка вмѣстѣ и Бога, или, лучше сказать, Богочелоуѣка; ты взятъ отъ одра, или, лучше, самъ взялъ одръ и разгласилъ о благодѣяніи. Бойся опять слечь на одръ, разслабнувъ отъ удовольствій грѣховнаго и тѣлеснаго покоя; но иди здравымъ, помня заповѣдь: *се здравъ еси, ктому не согръшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14.), если послѣ такого благодѣянія окажешься худымъ. *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. 11, 43.), сказано было тебѣ, лежавшему во гробѣ, великимъ гласомъ (ибо что велегласнѣ Слова?); и ты вышелъ не четверодневный, но многодневный, воскресши съ Трїдневнымъ, и разрѣшенъ отъ погребальныхъ пеленъ. Не омертвѣй снова, не пребывай съ живущими во гробахъ, и не связывайся пленицами собственныхъ грѣховъ. Неизвѣстно, возстанешь ли опять изъ гробовъ до послѣдняго и общаго воскресенія, которое всю тварь приведетъ на судъ, не для уврачеванія, но чтобы услышать приговоръ и дать отчетъ во всемъ, что прїобрѣтено добраго или худаго. Если ты доселѣ покрытъ былъ проказою, то-есть безобразіемъ порочной жизни, а теперь, очистившись отъ гнойнаго вещества, воспринялъ здравый образъ; покажи свое очищеніе мнѣ, твоему іерею, чтобы могъ я узнать, сколько оно выше очищенія подзаконнаго. Не будь въ числѣ девяти неблагодарныхъ, но подражай десятому. Хотя онъ былъ и Самарянинъ, но признательнѣе другихъ. Остерегайся, чтобы опять не *процвѣсть* (Лев. 13, 12.) тебѣ худо, и чтобы въ тѣлѣ твоемъ не произошло неизлечимаго разстройство. Прежде руку твою

Зрѣли дѣлали сухою бережливостъ и скупостъ; а теперь да прострутъ ее милостыня и челоуѣколюбіе. Прекрасное врачество для больной руки — расточать, давать убогимъ, все, что ни имѣешь, исчерпывать щедро, пока не дойдешь до дна (можетъ-быть и оно будетъ тебѣ, какъ Сарептянкѣ, источать пищу, особливо, если случится тебѣ напитать Илію), и признавать добрымъ стяжаніемъ нищету для Христа, насъ ради обнищавшаго. Если ты былъ глухъ и нѣмъ; то да огласить тебя Слово, или, лучше, удержи огласившаго: не заграждай ушей своихъ отъ ученія и наставленія Господня, какъ аспидъ отъ гласа обавающихъ (Пс. 57, 6.). Если ты былъ слѣпъ и лишенъ свѣта; *просвѣти очи свои, да не когда успеши въ смерть* (Пс. 12, 4.), во свѣтѣ Господнемъ узри свѣтъ, въ Духѣ Божіемъ—Сына, озарись тройственнымъ и нераздѣльнымъ Свѣтомъ. Если примешь въ себя всецѣлое Слово; то соберешь въ душу свою всѣ врачеванія Христовы, какими каждый врачуется отдѣльно; только смотри, чтобы не оказаться тебѣ незнающимъ мѣры въ благодати, чтобы во время твоего сна и недоброй беззаботности врагъ не посѣялъ плевелъ; чтобы тебѣ, возбудивъ чистотою зависть въ лукавомъ, опять не содѣлать себя чрезъ грѣхъ достойнымъ сожалѣнія, чтобы, безмѣрно радуясь благу и превозносясь имъ, не пасть отъ сего превозношенія; а напротивъ того всегда трудись надъ очищеніемъ, полагая *восхожденія въ сердце свое* (Пс. 83, 6.); сподобившись, по дару, отпущенія грѣховъ, со всякимъ тщаніемъ блюди оное, чтобы отпущеніе зависѣло отъ Бога, а соблюденіе и отъ тебя.

Какъ же сего достигнуть? Помни всегда Христову притчу; это будетъ для тебя самымъ лучшимъ и совершеннымъ пособіемъ. Вышелъ изъ тебя нечистый и вещественный духъ, изгнанный Крещеніемъ. Ему несносно гоненіе; онъ не терпитъ быть бездомнымъ и безпріютнымъ; проходитъ *сквозь безводныя мѣста*, гдѣ пересохъ Божественный потокъ (ибо тамъ любить онъ быть); скитается, *ища покоя*, и *не обрѣтаетъ*. Приступаетъ къ душамъ крещеннымъ, въ которыхъ порчу омыла купель. Боятся воды, душить его очищеніе, какъ легіонъ издохъ въ морѣ. Опять возвращается въ домъ, изъ котораго вышелъ; потому что безстыденъ и упоренъ; снова приступаетъ, новья дѣлаетъ покушенія. Если найдетъ, что Христосъ водворился и занялъ мѣсто, имъ оставленное; то снова отраженный уходитъ безъ успѣха, продолжая свое жалкое скитаніе. Если же найдетъ въ тебѣ мѣсто *пометенное* и *украшенное*, пустое, ничѣмъ незанятое, равно готовое къ принятію того или другаго, кто бы ни пришелъ первый; поспѣшно входитъ, поселяется съ большими противъ прежняго запасами, *и будутъ послѣдняя горша первыхъ* (Матѹ. 12, 43—45.). Ибо прежде была надежда на исправленіе и осторожность, а теперь явно стало поврежденіе, чрезъ удаленіе добра привлекающее къ себѣ лукавое; почему для поселившагося обладаніе мѣстомъ сдѣлалось тверже.

Еще, и не одинъ разъ, напомнимъ тебѣ о просвѣщеніяхъ, что могъ о нихъ вычитать въ Божіемъ словѣ; потому что и самому будетъ пріятно воспоминаніе о семъ (что пріятнѣе свѣта вкусившимъ

свѣта?), и тебя озарю словами Писанія: *свѣтъ возсія праведнику*, и сопряженное съ нимъ *веселіе* (Пс. 96, 11.). *Свѣтъ праведнымъ всегда* (Притч. 13, 9.). *Просвѣщаеши ты дивно отъ горъ вѣчныхъ* (Пс. 75, 5.), говорятъ Богу, какъ думаю, Ангельскія силы, которыя содѣйствуютъ намъ въ добрыхъ дѣлахъ. *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся* (Пс. 26, 1.)? — такъ говорятъ Давидъ. И онъ иногда проситъ послать ему *свѣтъ и истину* (Пс. 42, 3.), а иногда благодаритъ за то, что пріобщился онаго; такъ какъ *знаменася на немъ свѣтъ Божій* (Пс. 4, 7.), то есть впечатлѣлись и оказались признаки даннаго ему озаренія. Будемъ бѣгать одного только свѣта, поражаемаго ложнымъ огнемъ, не будемъ *ходить свѣтомъ огня нашего и пламенемъ, егоже разжегохомъ* (Ис. 50, 11.). Знаю огонь очистительный, который *возреши на землю* (Лук. 12, 49.) пришелъ Христось, и Самъ, примѣнительно, именуемый *огнемъ* (Евр. 12, 29.). Онъ истребляетъ вещество и злые навыки; почему Христось и хочетъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся (Лук. 12, 49.); ибо желаетъ ускорить благодѣяніе, когда и *угліе огненное* даетъ намъ *въ помощь* (Ис. 47, 14. 15.). Знаю огонь и не очистительный, но карательный, или Содомскій, который *на всѣхъ грѣшниковъ одождитъ Господь, присоединивъ жупель и духъ буренъ* (Пс. 10, 6.), или *уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѣ. 25, 41.), или тотъ, который *предходитъ лицу Господа и попаллетъ окрестъ враги Его* (Пс. 96, 3.). Есть еще и сихъ ужаснѣйшій огонь, который за-одно дѣйствуетъ съ червемъ не-

усыпающимъ, не угасимъ, но увѣковѣченъ для злыхъ. Ибо все сіе показываетъ силу истребительную, если только не угодно кому и здѣсь представлять сіе челоуѣколюбивѣе и сообразно съ достоинствомъ наказующаго.

Но какъ извѣстенъ двоякій огонь, такъ есть и двоякій свѣтъ. Одинъ есть свѣтильникъ ума, и направляетъ стопы наши по Богу. А другой обманчивъ, пытливъ, противоположенъ истинному свѣту, и выдаетъ себя за истинный свѣтъ, чтобъ обольстить наружностію. Это есть тма, и представляется полуднемъ, лучезарнѣйшимъ свѣтомъ. Такъ слышу о *присно въ полуденной тмѣ блгуущихъ* (Ис. 16, 3.). Это есть ночь, и почитается просвѣщеніемъ у растлѣнныхъ сластолюбіемъ. Ибо что говорить Давидъ? — Ночь была вокругъ меня окаяннаго, и я не зналъ, потому что просвѣщеніемъ почиталъ наслажденіе (Пс. 138, 11.). Но таковы предающіеся сластолюбію; а мы *просвѣтимъ себѣ свѣтъ въдѣлннн*; и онъ просвѣтитъ, если будемъ *стѣлть въ правду*, и *собрать плодъ живота* (Ос. 10, 12.), такъ какъ дѣятельность приводитъ и къ созерцанію, чтобы сверхъ прочаго знать и то, какой свѣтъ истиненъ и какой ложенъ, и не ошибаться, избирая вмѣсто добраго худшее. Содѣлаемся свѣтомъ, какъ именовалъ учениковъ великій Свѣтъ: *вы есте свѣтъ міра* (Матѣ. 5, 14.). Будемъ *свѣтила въ мірѣ*, *слово животнo придержаще* (Фил. 11, 15. 16.), то-есть будемъ животворною силою для другихъ. Да емлемся Бога, да емлемся перваго и чистѣйшаго Свѣта; да идемъ *къ сіянію Его* (Вар. 4, 2.), *прежде даже не преткнутъ нозъ наши къ го-*

рамъ темнымъ и неприязненнымъ (Іер. 13, 16.). Пока день, яко во дни, благообразно да ходимъ; не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи; такъ какъ это тайныя дѣла ночи (Рим. 13, 13.).

Очистимся, братія, въ каждомъ членѣ, содѣлаемъ невиннымъ каждое чувство. Да не будетъ въ насъ ничего несовершеннаго, ничего отъ перваго рожденія, не оставимъ въ себѣ ничего не просвѣщеннаго. Просвѣтимся окомъ, чтобы смотрѣть право, и чрезъ зрѣніе пристальное и любопытное не вносить въ себя какого-либо любодѣйнаго кумира. Ибо хотя и не послужимъ страсти, но осквернимъ душу. Ежели есть у насъ бревно или сучецъ; очистимъ, чтобы можно было намъ увидѣть ихъ и у другихъ. Просвѣтимся слухомъ, просвѣтимся языкомъ, да услышимъ, что возглаголетъ Господь Богъ, и слышану намъ *сотворитъ заутра милость (Пс. 142, 8.), и слуху нашему даны будутъ радость и веселіе (Пс. 50, 10.),* оглашающія слухъ божественный; да не будемъ *ни мечь остръ (Пс. 56, 5.), ни бритва изошрена (Пс. 51, 4.),* да не обращаются у насъ *подъ языкомъ трудъ и болѣзнь (Пс. 9, 28.),* но да глаголемъ *премудрость Божию въ тайнѣ сокровенную (1 Кор. 2, 7.),* чья огненные языки (Дѣян. 2, 3.). Уврачемся въ обонаніи, чтобы не изнѣжить себя и вмѣсто пріятнаго благовопія не покрыться прахомъ; но исполниться благоуханіемъ отъ истощеннаго насъ ради Мура, воспріявъ Его духовно, въ такой мѣрѣ изъ Него составляясь и въ Него претворяясь, чтобы отъ насъ самихъ благоухало *вонейю благоуханія (Еф. 5, 2.).* Очистимся

въ осязаніи, вкусѣ, гортани, не ища мягкихъ прикосновеній, не утѣшаясь гладкостію вещей, но осязая, какъ должно, воплотившееся насъ ради Слово и подражая въ семь Ѳомѣ; не раздражая вкуса влагами и снѣдами, возбуждающими гибельнѣйшія для насъ раздраженія, но вкусивъ и познавъ, *яко блазъ Господь* — наша лучшая и вѣчная пища (Пс. 33, 9.); нисколько не прохладя горькую и неблагодарную гортань, которая влагаемое въ нее пропускаетъ и не удерживаетъ въ себѣ, но увеселяя ее словами сладчайшими меда. Сверхъ сего хорошо, имѣя голову очищенную, какъ очищается глава — исходище чувствъ, держаться Главы Христовой, изъ которой *все тѣло составляетъ и счинявается* (Еф. 4, 16.), и низлагать преобладающій нашъ грѣхъ, превозносящійся надъ лучшимъ въ насъ. Хорошо имѣть овященныя и очищенныя рамена, чтобы можно было понестъ крестъ Христовъ, не для всякаго удобоносимый. Хорошо имѣть овященныя руки и ноги, — руки, *да на всякомъ мѣстѣ воздѣваются преподобныя* (1 Тим. 2, 8.), *пріемлютъ наказаніе Христово, да не когда прогнѣвается Господь* (Пс. 2, 12.), и за дѣятельность ввѣрится имъ слово, какъ было дано въ руку (в) одного изъ Пророковъ (Агг. 1, 1.); ноги, да будутъ *не скоры изліати кровь*, и не на зло текуть (Притч. 1, 16.), но готовы къ благовѣствованію, къ почести *вышняго званія* (Филип. 3, 14.) и къ принятію омывающаго и очищающаго

(в) По Славянскому переводу: *рукою*, но въ Греческомъ текстѣ: *ἐν τῇ χεῖρὶ*.

Христа. А ежели есть очищеніе и чрева (г), которое принимаетъ и раздѣляетъ словесную пищу; то хорошо и его не боготворить, ублажая сластопитаніемъ и упраздняемыми брашнами, но, сколько можно болѣе, очищать и утончать, чтобы принимало внутрь себя слово Господне, и прекрасно болѣзновало о падающемъ Израилѣ (Іер. 4, 19.). Нахожу, что даже сердце и внутренности удостоены чести. Въ семъ убѣждаетъ меня Давидъ, который проситъ, да *созиждется въ немъ сердце чисто, и духъ правъ обновится во утробѣ* (Пс. 50, 12.), разумѣя подъ симъ, какъ думаю, силу мыслительную, ея движенія или помыслы. Что же думаешь о чреслахъ и почкахъ? И сего не оставимъ безъ вниманія; пусть и ихъ коснется очищеніе. Да будутъ чресла наши препоясаны и укрѣплены воздержаніемъ, какъ древле у Израиля, по закону, вкушающаго пасху; ибо никто не выходитъ чисто изъ Египта и не избѣгаетъ всегубителя иначе, какъ обуздавъ и чресла. Пусть и въ почкахъ произойдетъ доброе измѣненіе, вождельвательная сила устремлена будетъ къ Богу, чтобы можно было сказать: *Господи, предъ Тобою все желаніе мое* (Пс. 37, 10.), и *дне чловѣча не пожелалъ* (Іер. 17, 16.). Ибо должно содѣлаться мужемъ желаній, желаній духовныхъ. Такимъ образомъ истребится въ васъ змій, имѣющій большую часть крѣпости *на пупѣ и на чреслахъ* (Іов. 40, 11.); когда умерщвлено будетъ состоявшее подъ владычествомъ его. Но не

(г) Богословъ разуметь здѣсь подъ чревомъ память.

дивись, если и неблагообразнымъ нашимъ большу даю честь (1 Кор. 12, 23.), умерщвляя и уцѣлому- дрявая ихъ словомъ, и мужественно стоя противъ вѣщества. Всѣ уды, яже на земли (Кол. 3, 5.), отдадимъ Богу, всѣ освятимъ, а не препонку печени (Лев. 8, 25.), не почки съ тукѣмъ, не ту или другую часть тѣла. Ибо для чего дѣлать безчестнымъ и прочее? Всецѣло принесемъ самихъ себя, будемъ всеожженіемъ словеснымъ, жертвою совершенною. Не одно рамо, не одну грудь содѣлаемъ участіемъ жреческимъ (Лев. 7, 34.); ибо сего мало: но всецѣло предадимъ себя самихъ, да и воспримемъ себя всецѣло; потому что совершенно себя воспріять значитъ предаться Богу и принести въ жертву собственное свое спасеніе.

А паче всего, и прежде всего, храни добрый залогъ, для котораго живу и несу свое званіе, который желалъ бы я имѣть спутникомъ при отшествіи изъ міра, съ которымъ и всѣ скорби переносу, и презираю всѣ пріятности жизни; храни исповѣданіе вѣры въ Отца и Сына и Святаго Духа. Сіе исповѣданіе ввѣряю тебѣ нынѣ, съ нимъ погружу въ купель, съ нимъ и изведу. Его даю тебѣ на всю жизнь товарищемъ и заступникомъ, — единое Божество и единую Силу, Которая обрѣтается въ Трехъ единично; и объемлетъ Трехъ раздѣльно, безъ различія въ сущностяхъ или естествахъ, не возрастаетъ ни не умалается, чрезъ прибавленія и убавленія. повсюду равна, повсюду та же, какъ единая красота и единое величіе неба. Оно есть Трехъ Безконечныхъ безконечная соестественность, гдѣ и Каждый, умозерцаемый самъ по Себѣ, есть Богъ, какъ

Отець и Сынъ, Сынъ и Духъ Святой, съ сохраненіемъ въ Каждомъ личнаго свойства, и Три, умопредставляемые вмѣстѣ, — также Богъ; первое по причинѣ единосуція, послѣднее по причинѣ единачалія. Не успѣю помыслить объ Единомъ, какъ озаряюсь Тремя. Не успѣю раздѣлить Трехъ, какъ возношусь къ Единому. Когда представляется мнѣ Единое изъ Трехъ; почитаю сіе цѣлымъ; Оно наполняетъ мое зрѣніе, а большее убѣгаетъ отъ взора. Не могу объять Его величія, чтобы къ оставшемуся придать большее. Когда совокупаю въ умосозерцаніи Трехъ; вижу единое свѣтило, не умѣя раздѣлить или измѣрить соединеннаго свѣта. Ты боишься рожденія, чтобы не пострадалъ чего-либо Богъ не страждущій; а я страшусь твари, чтобы не утратить мнѣ Бога, чрезъ оскорбленіе и несправедное разсѣченіе, отсѣкая или Сына отъ Отца, или отъ Сына сущность Духа. Ибо странно то, что у худо взвѣшивающихъ Божество не только въ Божество вводится тварь, но и самая тварь разсѣкается опять сама на себя. Сими низкими и долу поверженными, какъ Сынъ унижается предъ Отцемъ, такъ опять унижено достоинство Духа даже и предъ Сыномъ; такъ что и Богъ и тварь поруганы симъ новымъ богословіемъ. Въ Троицѣ, достопочтенные, нѣтъ ничего рабскаго, ничего тварнаго, ничего вноснаго, какъ слышалъ я отъ одного изъ мудрыхъ. *Аще быхъ еще человекомъ угождалъ, Христосъ рабъ не быхъ убо былъ,* говоритъ божественный Павелъ (Гал. 1, 10.). Если бы еще поклонялся я твари, или въ тварь крестился, то я не обожился бы и не измѣнился бы въ первое рожде-

ніе. Чтò скажу. тѣмъ, которые кланяются Астартѣ или Хамосу — мерзости Сидонскій (3 Цар. 11, 7.), или образу звѣзды (Амос. 5, 26.)—бога, по вѣрованію язычниковъ, нѣсколько высшаго, впрочемъ твари и дѣла рукъ человѣческихъ; если самъ или не покланяюсь Двумъ (д), въ Которыхъ крестился, или покланяюсь Имъ, какъ подобнымъ мнѣ рабамъ? Ибо все же Они рабы, хотя и почтеннѣе нѣсколько; потому что и между подобными рабами бываетъ различіе и предпочтеніе. Готовъ бы я назвать большимъ Отца, отъ Котораго и равенство имѣютъ Равные, и бытіе (въ чемъ всѣ согласятся): но боюсь, чтобы Начала не содѣлать началомъ меньшихъ, и не оскорбить предпочтеніемъ. Ибо нѣтъ славы Началу въ униженіи Тѣхъ, Которые отъ него. Притомъ поздрѣваю, что ты, по своей неумѣренности, взявшись за слово *большій*, раздвоишь естество, ко всему прилагая понятіе большаго. Отецъ больше не по естеству, но по виновности; потому что между равносущными въ отношеніи къ сущности нѣтъ ни большаго, ни меньшаго. Готовъ бы я предпочесть Духу Сына, какъ Сына, но не позволяеть сего Крещеніе, совершающее меня Духомъ. Но боишься, что укорятъ тебя въ троебожіи?—Пользуйся симъ благомъ—единствомъ въ Трехъ, а защищеніе предоставь мнѣ. Дозволь мнѣ быть кораблестроителемъ, а ты владѣй кораблемъ. А ежели есть у тебя другой кораблестроитель, то сдѣлай меня зодчимъ своего дома; самъ же живи въ домѣ безопасно, хотя ты ни мало не трудился. И на кораблѣ поплывешь,

(д) Духу и Сыну.

и въ домъ будешь жить не менѣе благополучно, чѣмъ и я—строитель ихъ, хотя ты и не прилагалъ къ сему никакихъ трудовъ. Видишь ли какое благодущіе? Видишь ли благоволеніе Духа? Сражаться — мое дѣло, а тебѣ предоставляются плоды побѣды. Пусть меня низлагаютъ; а ты наслаждайся миромъ, и помогая молитвами сражающемуся за тебя, подай ему руку чрезъ вѣру. У меня три камня, которыми поражу изъ пращи иноплеменника; у меня три дуновения на сына Сарептянки (3 Цар. 17, 21.), которыми оживотворю умерщвленныхъ; у меня три возліянія на поляна (3 Цар. 18, 34. 25.), которыми освящу жертву, возбудивъ водою чудесный огонь, и низложу пророковъ студныхъ, употребивъ къ сему силу тайнства.

Но къ-чему продолжать слово? Теперь время учить, а не спорить. Свидѣтельствую предъ Богомъ и предъ избранными Ангелами, что ты будешь крещенъ съ сею вѣрою. Если въ сердцѣ твоёмъ написано иначе, нежели какъ требуетъ мое ученіе; поди, мы перепишемъ. Я не неискусный краснописецъ этого; пишу, что написано, учу, чему научился и что сохранилъ отъ начала до этой сѣдины. Мнѣ опасность; мнѣ и награда, какъ приставнику души твоей, совершающему тебя Крещеніемъ. Если право вѣруешь, и назnamenованъ добрыми писменами; храни написанное, при коловратности времени пребывая неизмѣннымъ въ томъ, что само неизмѣнно. Подражай Пилату; только въ лучшую сторону; худо написавшему подражай ты, хорошо написанный. Скажи переувѣряющимъ тебя: *еже писахъ, писахъ* (Іоан. 19, 22.). Ибо мнѣ было бы

стыдно, если бы доброе удобно приводилось въ колебаніе, тогда какъ зло пребываетъ непоколебимо. Должно быть удободвижнымъ отъ худшаго къ лучшему, а неподвижнымъ отъ лучшаго къ худшему. Если такъ крещаясь и по такому ученію; *се устнамъ моимъ не возбраню* (Пс. 39, 10.), се отдаю руки Духу. Ускоримъ спасеніе, возстанемъ для Крещенія. Духъ распростираетъ надъ тобою крыла; совершитель исполненъ усердія; даръ готовъ. Если же храмлешь еще и не приемишь совершеннаго Божества; то ищи другаго крестителя, или потопителя: не мое дѣло разсѣкать Божество, и дѣлать тебя мертвымъ во время возрожденія, что бы ты не имѣлъ ни благодати, ни надежды на благодать, въ нѣсколько минутъ подвергнувъ кораблекрушенію свое спасеніе. Ибо, если у Однаго изъ Трехъ отнимешь что-либо изъ Божества; то отнимешь и у Божества все, и у себя освященіе. Но, можетъ-быть, въ душѣ твоей нѣтъ никакого начертанія писмени, ни добраго, ни худаго, и нынѣ нужно сдѣлать въ тебѣ написаніе, намъ должно возвести тебя къ совершенству? Взойдемъ внутрь облака; дай мнѣ скрижали сердца. Я буду для тебя Моисеемъ, — я (хотя и смѣло сказать такъ) перстомъ Божиимъ впишу новое десятословіе, впишу сокращеніе спасенія. А ежели есть какой еретическій и несмысленный звѣрь, пусть останется онъ внизу; иначе угрожаетъ ему опасность побіенія камнями отъ слова истины.

Буду крестить тебя, уча во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Одно же общее имя Трехъ - Богъ. Пусть и образы и реченія даютъ тебѣ уразумѣть,

что отвергаешься всякаго безбожія, какъ счине-
 мый со всецѣлымъ Божествомъ. Вѣруй, что весь
 міръ, видимый и невидимый, сотворенный Богомъ
 изъ ничего, и управляемый промысломъ Сотворша-
 го, измѣнится въ лучшій. Вѣруй, что зло не имѣетъ
 ни особой сущности, ни царства, что оно ни без-
 начально, ни самобытно, ниже сотворено Богомъ,
 но есть наше дѣло и дѣло лукаваго, и привзошло
 въ насъ отъ нашего нерадѣнія, а не отъ Творца.
 Вѣруй, что Сынъ Божій — предвѣчное Слово, рожденъ
 отъ Отца безлѣтно и безплотно, и Онъ же въ по-
 слѣдніе дни родился ради тебя и Сыномъ человѣ-
 ческимъ, происшедши отъ Дѣвы Маріи, неизречен-
 но и нескверно (ибо нѣтъ никакой скверны, гдѣ
 Богъ, и откуда спасеніе); что Онъ всецѣлый чело-
 вѣкъ и вмѣстѣ Богъ, ради всего страждущаго че-
 ловѣка, дабы всему тебѣ даровать спасеніе, разру-
 шивъ всякое осужденіе грѣха, безстрастный по Бо-
 жеству, страждущій по воспринятому человѣчеству;
 столько же для тебя челоѣкъ, сколько ты ради
 Его дѣлаешься богомъ; что Онъ за беззаконія наши
 веденъ на смерть, распятъ и погребенъ, поколику
 вкусилъ смерть, и воскресши въ третій день, воз-
 несся на небо, дабы возвести съ Собою тебя повер-
 женнаго долу, но паки придетъ въ славное явленіе
 Свое судить живыхъ и мертвыхъ, придетъ уже
не плотію, но и не безтѣлеснымъ, а въ извѣстномъ
Ему только образѣ боголѣпнѣйшаго тѣла, чтобы и
видимымъ быть для прободшихъ Его, и пребывать
Богомъ, непричастнымъ дебелисти. Сверхъ сего
 признавай воскресеніе, судъ и воздаяніе, по прав-
 дивымъ вѣсамъ Божиимъ. И сіе воздаяніе для очи-

щенныхъ сердцемъ будетъ свѣтъ, то-есть Богъ видимый и познаваемый по мѣрѣ чистоты, что называемъ и царствіемъ небеснымъ, — а для слѣпотствующихъ умомъ, то-есть для отчужденныхъ отъ Бога по мѣрѣ здѣшной близорукости, будетъ тма. Наконецъ, на семъ основаніи догматовъ, дѣлай добро; потому что *вѣра безъ дѣлъ мертва* (Іак. 2, 26.), какъ и дѣла безъ вѣры. 92

Ты знаешь о таинствѣ все, что можетъ быть обнаружено и сказано въ-слухъ народу; а прочее, если даруетъ Троица, узнаешь, взоидя внутрь, и сіе сокроешь самъ въ себѣ, оградивъ печатію. Впрочемъ и о томъ благовѣствую тебѣ: предстояніе твое великому алтарю, къ которому будешь допущенъ тотчасъ по Крещеніи, есть предъизображеніе тамошней славы; псалмопѣніе, съ которымъ тебя введутъ, есть начало тамошняго пѣснопѣнія; свѣтильники, которые возжешь, таинственно образуютъ тамошнее свѣтоводство, съ которымъ мы, чистыя и дѣвственныя души, изыдемъ въ срѣтеніе Жениху, имѣя ясныя свѣтильники вѣры, не предаваясь сну по безопасности (такъ чтобы ожидаемый могъ придти неожиданно), не оставаясь безъ запаса и елея, и не оскудѣвая въ добрыхъ дѣлахъ, что извергло бы насъ изъ брачнаго чертога. Ибо вижу, какъ жалко сіе состояніе! Женихъ близко, кличъ требуетъ выходить въ срѣтеніе, и мудрыя срѣтять съ блистающимъ свѣтомъ, обилуя тѣмъ, что нужно къ его поддержанію; а другія придутъ въ смятеніе, не во-время ища елея у имѣющихъ оный. Женихъ скоро взойдетъ, взойдутъ съ нимъ и первыя, а послѣднія останутся внѣ, потративъ время, въ которое

можно было взойдти, на приготовленіе елѣя, и горько будутъ плакать, поздно узнавъ, какъ вредна безпечность, когда уже, сколько бы ни просили о томъ, недоступенъ для нихъ брачный чертогъ; ибо онѣ жалкимъ образомъ заключили его сами для себя, поступивъ, только въ другомъ отношеніи, подобно отказавшимся быть на брачномъ пиршествѣ, какое добрый Отецъ уготовалъ доброму Жениху, отказавшись или для новобрачной супруги, или для повокупленного села, или для пары воловъ, которыхъ ко вреду своему приобрѣли, для малаго погубивъ великое. Ибо тамъ нѣтъ мѣста ни презрителю, ни безпечному, ни одѣтому гнусно а не по-брачному, хотя бы здѣсь и удостоивалъ себя тамошней свѣтлостности, и внутренно давалъ себѣ мѣсто тамъ, обольщаемый тщетною надеждою. Чтѣ же потомъ? Когда взойдемъ внутрь; тогда Женихъ знаетъ, чему научить и о чемъ бесѣдовать съ вошедшими душами. Будетъ же, какъ думаю, бесѣдовать, преподавая совершеннѣйшія и чистѣйшія вѣдѣнія, которыхъ приобщиться и намъ, учащимся и учащимъ, да будетъ даровано о Самомъ Христѣ Господѣ нашимъ. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНИЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 27, противъ Евноміанъ и о Богословіи первое или предварительное.	5
СЛОВО 28, о Богословіи второе.	16
СЛОВО 29, о Богословіи третье, о Богѣ Сынѣ первое.	52
СЛОВО 30, о Богословіи четвертое, о Богѣ Сынѣ второе.	78
СЛОВО 31, о Богословіи пятое, о Святомъ Духѣ.	103
СЛОВО 32, о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи, и о томъ, что не всякой чловѣкъ и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ.	134
СЛОВО 33, противъ Аріанъ и о самомъ себѣ.	165
СЛОВО 34, къ пришедшимъ изъ Египта.	183
СЛОВО 35, на память Мучениковъ и противъ Аріанъ.	195
СЛОВО 36, о себѣ самомъ и къ говорившимъ, что Св. Григорій желаетъ Константинопольскаго престола.	200
СЛОВО 37, на Евангельскія слова: <i>егда сконча Исусъ словеса сія</i> , и проч.	213
СЛОВО 38, на Богоявленіе или на Рождество Спасителя.	234
СЛОВО 39, на Святыя Свѣты явленій Господнихъ.	252
СЛОВО 40, на Святое Крещеніе.	272

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
8	2	племень	писмень
—	3	племенами	писменами
159	18	не насытилъ	ненасытнмъ
162	9	надлежало бы не всякому	надлежало бы постано- вить закономъ, чтобы не всякому
198	15	полпы	толпы
290	13	побирать	избирать

